

Иван Сергеевич Чупрунов,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель РШЧП

Влияние ликвидации юридического лица на его обязательства*

Я искренне рад возможности участвовать в сборнике, посвященном юбилею Андрея Анатольевича Павлова. Я не буду даже пробовать описать всю важность деятельности Андрея Анатольевича в научной и преподавательской сферах. Лишь отмечу, что вдохновляемый юбилеем Проект «Петербургская цивилистика» — это, без сомнения, самый важный научно-просветительский юридический проект русскоязычного интернета (и, возможно, когда-то в будущем именно по записям этих подкастов будут изучаться все достижения и противоречия современной практики ВС РФ).

Надеюсь, юбиляру будет небезынтересна написанная мной для этого сборника статья на тему влияния ликвидации на обязательства юридического лица, особенно учитывая, что, во-первых, его перу принадлежит краткий комментарий к ст. 419 ГК РФ¹, и, во-вторых, в рамках настоящей статьи я всецело поддерживаю высказанную Андреем Анатольевичем идею, согласно которой ст. 419 ГК неточна и должна быть подвергнута серьезной телеологической редукции².

* Автор благодарит А.В. Егорова, А.Г. Карапетова, А.А. Кузнецова и Р.Р. Репина за ценные комментарии, данные в ходе подготовки настоящей статьи, а также всех участников обсуждения основных идей, отраженных в настоящей статье, в рамках совместного заседания кафедр корпоративного и обязательственного права РШЧП, в первую очередь А.А. Громова, О.Р. Зайцева, Д.В. Новака, Д.И. Степанова и М.А. Церковникова (запись заседания доступна по адресу: <https://rutube.ru/video/8942995a64696b0719947cc1184bc6ba/>). В то же время все ошибки, содержащиеся в настоящей статье, конечно, остаются на совести автора.

¹ См.: Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2017. С. 814–815 (автор комментария к ст. 419 ГК РФ — А.А. Павлов).

² См.: Выпуск # 3.28 проекта «Петербургская цивилистика» (<https://www.youtube.com/watch?v=w9nfCOEmxjQ>).

1. Введение

Вопрос о том, каким образом ликвидация влияет на обязательства юридического лица (т.е. на права требования, на корреспондирующие им обязанности и на иные элементы обязательственно-правового отношения в широком смысле), незаслуженно обойден вниманием доктрины (притом как корпоративного права в частности, так и обязательственного права вообще). Это можно во многом связать с тем, что вопросы ликвидации в течение всего советского периода отечественного права находились на периферии цивилистики, поскольку в условиях плановой экономики фактически относились к сфере административного регулирования¹. Действующие правила ГК в отношении того, как ликвидация влияет на обязательства юридического лица, были в немалой части унаследованы с советских времен, а реформа ГК 2014 г., как будет показано ниже, лишь дополнительно усилила их противоречивость

В качестве, пожалуй, наиболее яркого примера таких противоречий можно привести следующий. Хотя ст. 419 ГК провозглашает в качестве общего правила прекращение обязательств юридического лица вследствие ликвидации, п. 5.2 ст. 64 ГК допускает последующее «распределение» прав требования, принадлежавших ликвидированному юридическому лицу. Существующая судебная практика лишь нащупывает пути разрешения указанного логического противоречия. Что же касается доктрины, то и в ней на текущий момент нет никакой ясности в отношении того, что же меняется в обязательствах юридического лица с завершением ликвидации (как, впрочем, и ее введением). Хотя с момента реформы ГК прошло уже почти 10 лет, приходится констатировать, что в литературе произошедшие изменения закона в части ликвидации (в первую очередь п. 5.2 ст. 64 ГК) так и не были в достаточной мере концептуализированы и уяснены².

¹ Особенно заметно это становится, если учесть те детальные и весьма тонкие правила о ликвидации товариществ, которые обсуждались в ходе работы над Проектом Гражданского Уложения (далее — Проект Гражданского Уложения), о чем будет сказано ниже.

² Среди редких исключений из данного правила можно назвать лишь следующие работы, в которых предпринимаются попытки доктринального осмысления п. 5.2 ст. 64 ГК: *Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации* / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2022. С. 1465–1493 (авторы комментария к ст. 419 — А.Г. Карапетов, Д.В. Новак); *Егоров А.В.* Юридическое лицо 2.0. Руководство по эксплуатации. М., 2015. С. 76–78.

При этом компаративно-правовой анализ показывает, что далеко не все из отечественных правил о ликвидации и ее влиянии на обязательства имеют близкие аналоги за рубежом. Так, и в Германии, и во Франции (как наиболее близких нам континентальных правовых порядках) отсутствуют общие нормы о том, что исключение юридического лица из реестра влечет прекращение его обязательств. Кроме того, как будет продемонстрировано далее, за рубежом преобладает иной идеологический взгляд на ликвидацию вообще и на последствия исключения записи о юридическом лице из соответствующего реестра в частности¹. Не ликвидация/исключение юридического лица из реестра влечет прекращение обязательств, а, наоборот, прекращение обязательств служит предпосылкой для завершения ликвидации (см. разд. 3.1 и 4.1).

Указанные отличия в подходах к регулированию влияния ликвидации на обязательства юридического лица демонстрируют по меньшей мере неоднозначность отечественных правил. Что более вероятно, в основе российских норм о влиянии ликвидации на обязательства лежат спорные принципиальные начала, проникшие в наше право в советский период. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы (а) обозначить ключевые проблемные области в отечественных правилах о влиянии ликвидации на обязательства юридического лица и (б) наметить возможные варианты их устранения с учетом компаративно-правового анализа. Для этого мы сначала разберемся в общих понятиях, разграничение которых важно для целей настоящего исследования (разд. 2), а затем проанализируем, какое влияние на обязательства юридического лица оказывает как решение о ликвидации (разд. 3), так и сама ликвидация (разд. 4).

2. Общие понятия

В первую очередь необходимо разобраться в некоторых общих понятиях, касающихся ликвидации и ее влияния на обязательства. Это позволит разграничить несколько категорий, которые не всегда четко различаются в отечественном праве.

Во-первых, необходимо определиться с тем, в каком значении мы используем термин «ликвидация».

¹ В дальнейшем мы будем для простоты изложения использовать термин «реестры» для обозначения соответствующих реестров юридических лиц.

В российской доктрине ликвидация очень часто рассматривается в качестве некоторого сложного юридического состава¹, в рамках которого иногда специально выделяют элементы как сделочного, так и не сделочного характера². Это во многом связано с тем, что в законодательстве ликвидация описывается скорее как некоторый процесс, начинающийся с принятием решения о ликвидации (участниками/ иным органом юридического лица или судом) (п. 2 и 3 ст. 61 ГК), а завершающийся исключением из ЕГРЮЛ записи о юридическом лице (п. 9 ст. 63 ГК). При этом термин «ликвидация» в действительности употребляется в ГК не вполне системно и в разных местах имеет разное значение³.

Так, когда слово «ликвидация» используется в обороте «решение о ликвидации» (например, п. 2 и 3 ст. 61 ГК), то в действительности всегда имеется в виду, что принято *решение о начале ликвидации* (участниками юридического лица, иным органом или судом), т.е. юридическое лицо переходит к стадии ликвидации. Аналогичное значение данный термин имеет и в контексте опубликования сообщения о ликвидации (п. 1 ст. 63 ГК). Решение о ликвидации может как являться проявлением частной автономии участников юридического лица (например, добровольная ликвидация на основании решения собрания участников хозяйственного общества), так и быть принято вне зависимости от их воли (например, принудительная ликвидация по решению суда).

В то же время в некоторых случаях термин «ликвидация» обозначает ликвидацию как некоторую *процедуру*⁴. В качестве примера

¹ См., например: *Габов А.В.* Реорганизация и ликвидация юридических лиц: научно-практический комментарий к статьям 57–65 Гражданского кодекса Российской Федерации: постатейный. М., 2014 (СПС «КонсультантПлюс»). Пункт 2 комментария к ст. 61 («...ликвидация — это определенная процедура, юридический состав, результатом которого является внесение в ЕГРЮЛ записи о прекращении юридического лица»); *Степанов Д.И.* Устав как форма сделки // Вестник гражданского права. 2009. № 1. Сн. 51).

² См., например: *Юридические лица в российском гражданском праве*. Т. 3: Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц / отв. ред. А.В. Габов. М., 2015 (СПС «КонсультантПлюс»). Глава 3 § 1 (автор — А.В. Габов) («Ликвидация — это не отдельный юридический факт (хотя в современной литературе можно встретить и такую точку зрения), это процесс, включающий множество юридических фактов совершенно различной природы: решений органов управления, сделок, юридически значимых сообщений, административных актов и т.д.»).

³ О смешении понятий в данной сфере см. также: *Егоров А.В.* Юридическое лицо. С. 65; *Габов А.В.* Реорганизация и ликвидация юридических лиц. Пункт 2 комментария к ст. 61.

⁴ До революции «ликвидация дел товарищества», судя по всему, обычно обозначала как раз саму процедуру (а не ее результат). См., например: *Шершеневич Г.Ф.* Курс тор-

можно привести абз. 2 п. 4 ст. 62 ГК: «Если ликвидационной комиссией установлена недостаточность имущества юридического лица для удовлетворения всех требований кредиторов, *дальнейшая ликвидация* юридического лица может осуществляться только в порядке, установленном законодательством о несостоятельности (банкротстве)»¹. В этом же смысле термин «ликвидация» используется и тогда, когда законодатель ведет речь о расходах на ликвидацию (например, п. 6 ст. 62 и абз. 1 п. 1 ст. 64 ГК) или о «ликвидируемом юридическом лице», т.е. юридическом лице, находящемся в процессе ликвидации (например, п. 4 и 5 ст. 63 и заголовки ст. 64 и 64.1 ГК).

Наконец, в ряде норм закона термин «ликвидация» явно используется для обозначения уже состоявшейся (завершившейся) ликвидации юридического лица. Яркий пример такого использования — это ст. 419 ГК, согласно которой «обязательства прекращаются ликвидацией юридического лица». Здесь под ликвидацией имеется в виду именно *завершившаяся* процедура ликвидации, т.е. в соответствии с п. 9 ст. 63 ГК исключение юридического лица из ЕГРЮЛ. В том же смысле данный термин употребляется (а) в п. 1 ст. 61 ГК, дающем определение ликвидации, (б) в п. 5.1 и 5.2 ст. 64 ГК, устанавливающих правила погашения долгов при ликвидации и распределения имущества, обнаруженного после ликвидации, а также (в) в ряде норм части второй ГК, касающихся влияния ликвидации на те или иные договорные обязательства (например, абз. 1 п. 1 ст. 367, п. 4 ст. 582, абз. 1 п. 2 ст. 700, ст. 701, абз. 1 п. 1 ст. 926.8, абз. 2 п. 1 ст. 1024 и абз. 4 п. 1 ст. 1050 ГК). В данном случае можно вести речь о ликвидации в собственном смысле слова, т.е. об особой форме прекращения юридического лица, которое согласно п. 1 ст. 61 ГК, в отличие от прекращения в рамках реорганизации, не сопровождается универсальным правопреемством.

Между тем в ряде иностранных правопорядков принято проводить четкое терминологическое различие между как минимум (а) возникновением основания для перехода в ликвидацию/введения ликвидации (нем. *Auflösung*, фр. *dissolution*, ит. *scioglimento*), (б) ликвидацией как процессом

гового права. 3-е изд. Казань, 1899. С. 273; Гражданское Уложение. Проект Высочайше утвержденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения / под ред. И.В. Тютрюмова. Т. 2. СПб., 1910. С. 835. Но ср.: *Писемский П.* Акционерные компании с точки зрения гражданского права. М., 1876. С. 209 («Этот предварительный разделу [имущества среди акционеров] процесс называется ликвидацией; впрочем под этим именем разумеют иногда и самый раздел»).

¹ См. также п. 3 ст. 63 ГК.

прекращения дел юридического лица (нем. *Liquidation / Abwicklung*, фр. *liquidation*, ит. *Liquidazione*) и (в) собственно прекращением юридического лица (нем. *Beendigung / Erlöschen*, ит. *estinzione*)¹. Кроме того, в некоторых юрисдикциях самостоятельный термин используется и для обозначения исключения юридического лица из реестра (нем. *Löschung*, фр. *radiation du registre*, ит. *cancellazione*). Приведенные терминологические различия имеют важное значение, поскольку каждый из указанных юридических фактов может иметь собственные последствия (отчасти зависящие от подхода правопорядка к тому, в какой момент происходит окончательное прекращение юридического лица).

Представляется, что такое же разграничение различных понятий, относящихся к области ликвидации, следовало бы воспринять и российскому праву, особенно в контексте обсуждения того, как ликвидация влияет на обязательства юридического лица². Дело в том, что российский правопорядок также связывает с каждым из указанных юридических фактов (начало/введение ликвидации; процесс ликвидации; завершение ликвидации/ликвидация в узком смысле) целый ряд важных и весьма своеобразных последствий. В частности, принятие решения о ликвидации влечет созревание срока исполнения по обязательствам юридического лица перед кредиторами (п. 4 ст. 61 ГК). Сама же ликвидация юридического лица в соответствии с буквальным текстом закона по общему правилу ведет уже к прекращению его обязательств (ст. 419 ГК).

Хотя такое разграничение в целом является вполне логичным, оно не всегда с достаточной последовательностью выдерживается в литературе по рассматриваемому вопросу. Так, А.Г. Карапетов и Д.В. Новак рассуждают об акселерации долгов юридического лица (п. 4 ст. 61 ГК) именно в контексте анализа прекращения обязательства по ст. 419 ГК³,

¹ О таком терминологическом разграничении см., например: *Berner G.* // *Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbHG)*, Band 3: § 53–88 / Hsrg. H. Fleischer, W. Goette. 4 Aufl. 2022. § 60. Rn. 10–13; *Bachner T.* // *Münchener Kommentar zum Aktiengesetz Bd. 4: § 179–277* / Hsrg. W. Goette, M. Habersack, S. Kalss. 5 Aufl. 2021. § 262. Rn. 1, 17.

² В какой-то степени такое разграничение уже и сейчас проводят в отечественной литературе. Однако полного единообразия в используемых терминах на текущий момент нет. См., например: *Габов А.В.* Реорганизация и ликвидация юридических лиц. Пункт 2 комментария к ст. 61 («...ликвидация и прекращение — это не синонимы: ликвидация — это процесс, а прекращение — результат этого процесса»).

³ См.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1468–1470 (авторы комментария к ст. 419 — А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

хотя с точки зрения буквы закона это, конечно, разные юридические ситуации, первая из которых является следствием принятия решения о ликвидации, а вторая — следствием самой ликвидации (в узком смысле). Более того, указанные авторы разделяют те обязательства, которые «акселерируются» в результате решения о ликвидации, и те, которые прекращаются в результате ликвидации¹. Однако само такое противопоставление выглядит спорным с точки зрения формулировок как п. 4 ст. 61 ГК, так и ст. 419 ГК.

В настоящей статье при использовании российско-правового понятийного аппарата мы постараемся, насколько это возможно, отразить терминологические нюансы, свойственные западным правовым порядкам (хотя сделать это весьма непросто). За неимением лучшей устоявшейся терминологии мы будем пытаться разграничивать (а) решение о ликвидации, или введение ликвидации (как основание для перехода юридического лица к процессу ликвидации), (б) процедуру ликвидации (как совокупность шагов, направленных на прекращение юридического лица) и (в) ликвидацию в собственном (узком) смысле (как прекращение юридического лица). Собственно, сама структура настоящей статьи построена таким образом, чтобы отдельно обсуждать то, какое влияние на обязательства юридического лица оказывает (а) принятие решения о ликвидации (разд. 3) и (б) ликвидация юридического лица (разд. 4).

Во-вторых, при обсуждении влияния ликвидации на обязательства, конечно, нельзя игнорировать ряд принципиальных различий, которые имеются в данном контексте между разными основаниями и порядками ликвидации.

Процедура ликвидации юридического лица может принимать три различные формы:

(а) ликвидация в общем порядке, предполагающая, что у юридического лица имеются достаточные активы для погашения требований кредиторов (далее — внебанкротная ликвидация или общая ликвидация) (ст. 61 ГК);

(б) ликвидация в рамках процедур банкротства (ст. 65 ГК) ввиду неспособности юридического лица рассчитаться с кредиторами (далее — банкротная ликвидация); и

¹ См.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1468 (авторы ком. к ст. 419 — А.Г. Карапетов, Д.В. Новак) («Если долг организации был обусловлен предварительным или одновременным осуществлением кредитором встречного исполнения и такое встречное исполнение не осуществлено до принятия решения о ликвидации, долг не созревает, а прекращается»).

(в) ликвидация, при которой запись о юридическом лице исключается из ЕГРЮЛ в административном порядке (в частности, ввиду предполагаемого отсутствия активов) (ст. 64.2) (далее — административная ликвидация)¹.

Правила в отношении того, как проходят описанные формы ликвидации, различны. Только процедура внебанкротной ликвидации подчиняется общим нормам ГК. Банкротная же ликвидация регулируется в первую очередь специальными правилами, содержащимися в Законе о банкротстве (п. 6 ст. 61 ГК)², а административная ликвидация — во многом положениями Закона о государственной регистрации³ (п. 1 ст. 64.2 ГК). При этом внебанкротная ликвидация может в любой момент перейти в стадию банкротной ликвидации, если выяснится, что юридическое лицо в действительности не способно удовлетворить требования кредиторов (п. 4 ст. 63 ГК). Аналогичное разграничение между указанными формами ликвидации существует и в континентальных правопорядках⁴.

Для целей настоящей статьи подобное разграничение между различными процедурами ликвидации имеет важность по следующей причине. Ни при банкротной, ни при административной ликвидации не будут релевантны общие правила ГК о *последствиях принятия решения о ликвидации* (в том числе с точки зрения его влияния на обязательства юридического лица). В случае с банкротной ликвидацией эти правила отступают в сторону в силу применения специальных норм о различных процедурах несостоятельности. В случае же с административной ликвидацией исключение юридического лица из ЕГРЮЛ происходит без предварительного проведения каких-либо ликвидационных процедур (в том числе назначения ликвидатора, исполнения обязательств

¹ Мы намеренно оставляем за скобками настоящей статьи обсуждение вопросов, связанных с ликвидацией таких специфических юридических лиц, которые создаются и функционируют на основании самостоятельных федеральных законов (так как изучение законодательных решений в этой области едва ли имеет ценность для частного права).

² Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве).

Аналогичный подход существует и в западных правопорядках, где он объясняется тем, что с введением процедур несостоятельности кредиторы становятся бенефициарами юридического лица (см.: *Bachner T. Op. cit.* § 264. Rn. 6).

³ См.: ст. 21.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее — Закон о государственной регистрации).

⁴ См., например: *Bachner T. Op. cit.* § 262. Rn. 15–16, § 264. Rn. 1.

перед третьими лицами, распределения активов среди участников и т.д.). Таким образом, приведенные ниже рассуждения касательно того, как принятие решения о ликвидации влияет на обязательства юридического лица (разд. 3), релевантны *исключительно для внебанкротной ликвидации*¹. В то же время для всех форм ликвидации в равной степени актуален приведенный ниже анализ того, как на обязательствах сказывается прекращение юридического лица (разд. 4). Данный тезис был в явном виде поддержан в абз. 2 п. 41 постановления Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» (далее — Постановление № 6), где прямо указывается, что к отношениям при административной ликвидации целей применяется ст. 419 ГК (если специальные последствия не установлены законом). Аналогичная позиция зафиксирована и в п. 39 постановления Пленума ВС РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»: административный порядок ликвидации не препятствует тому, чтобы имущество, принадлежавшее юридическому лицу, впоследствии распределялось именно на основании п. 5.2 ст. 64 ГК.

В-третьих, обсуждая влияние ликвидации на обязательства, важно помнить о различиях, существующих между разными формами юридических лиц, которые могут быть ликвидированы (о чем нередко забывают в литературе, фокусирующей исключительно на коммерческих корпорациях). Так, согласно п. 8 ст. 63 ГК имущество, остающееся после расчетов с кредиторами: (а) в коммерческих организациях — распределяется среди участников (или в случаях, установленных законом, переходит к собственнику имущества юридического лица), но (б) в некоммерческих организациях — направляется в соответствии с уставом на цели, для достижения которых они были созданы, и (или) на благотворительные цели². Эти различия необходимо иметь в виду, обсуждая то, каким образом на обязательствах юридического лица сказывается его прекращение (т.е. ликвидация в узком смысле слова).

¹ Схожим образом дела обстоят в иностранных правопорядках, где, например, правило об уведомлении кредиторов о принятии решения о ликвидации естественным образом не применяется при исключении юридического лица из реестра ввиду отсутствия активов (см.: *Limpert S. // Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbHG). Band 3: § 53–88 / Hsrg. H. Fleischer, W. Goette. 4 Aufl. 2022. § 65. Rn. 38).*

² Мы намеренно оставляем за рамками настоящей статьи вопрос о том, есть ли какая-либо специфика при применении данных правил в тех случаях, когда соответствующее юридическое лицо не обладает правом собственности на закрепленное за ним имущество.

3. Влияние решения о ликвидации на обязательства

Прежде чем разбираться с тем, какое влияние *решение о ликвидации* оказывает на обязательства в соответствии с российским правом, представляется целесообразным проанализировать аналогичный вопрос с компаративно-правовой точки зрения (разд. 3.1). Затем мы рассмотрим основные последствия принятия решения о ликвидации по отечественному праву (разд. 3.2) и отдельно остановимся на следующих трех ключевых областях, где наиболее заметны различия между континентальными и российским правопорядками (и спорность российского регулирования): (а) влияние решения о ликвидации на участие юридического лица в правовых отношениях (в первую очередь обязательно-правовых) (разд. 3.3), (б) порядок исполнения юридическим лицом обязательств после принятия решения о ликвидации (разд. 3.4) и (в) порядок и последствия заявления кредиторами требований в процессе ликвидации (разд. 3.5).

3.1. Последствия принятия решения о ликвидации в континентальных правопорядках

В континентальных правопорядках имеется известная степень единообразия в подходах к регулированию того, как принятие решения о ликвидации (участниками юридического лица, иным органом или судом) влияет на обязательно-правовую позицию юридического лица. Можно условно выделить два основных эффекта решения о ликвидации с точки зрения обязательств юридического лица: (а) возможность юридического лица далее участвовать в правовом общении оказывается ограничена и (б) на ликвидатора (как особого представителя юридического лица) возлагается обязанность подготовить юридическое лицо к прекращению, в том числе исполнить его обязательства перед третьими лицами. Рассмотрим эти эффекты по очереди.

Итак, **во-первых**, решение о ликвидации хотя и не влечет утрату юридическим лицом правоспособности, тем не менее имеет значительные последствия для того, в какой форме юридическое лицо может теперь участвовать в правовом общении.

Так, во Франции в результате принятия рассматриваемого решения юридическое лицо не лишается свойств субъекта права, однако его правоспособность сокращается — оно теперь вправе совершать только такие действия, которые подчинены достижению цели его

ликвидации¹. В частности, юридическое лицо может вступать в новые обязательственно-правовые отношения, если только это соответствует указанной цели². Для оповещения третьих лиц в реестр вносится запись о том, что юридическое лицо находится в стадии ликвидации (и ликвидатор должен специально обозначать это при заключении договоров от имени юридического лица под страхом личной ответственности)³.

В Германии, напротив, несмотря на принятие решения о ликвидации и внесение в реестр соответствующей записи, юридическое лицо сохраняет полную правоспособность⁴. Однако при этом меняется цель существования юридического лица: оно переходит в стадию прекращения дел⁵. Как следствие, принятие решения о ликвидации, например, ограничивает возможность объявлять и выплачивать дивиденды — такая выплата теперь должна производиться в рамках ликвидационной квоты⁶. При этом по общему правилу запись о введении ликвидации сама по себе не имеет конститутивного эффекта и не оказывает влияния на третьих лиц⁷, а ликвидатор обладает неограниченными полномочиями представлять юридическое лицо в отношениях с третьими лицами⁸. В то же время ликвидатор должен вести дела данного лица только таким образом, какой соответствует цели скорейшего прекращения дел юридического лица, и может совершать новые сделки только в той мере, в которой это соответствует указанной цели (§ 70 GmbHG; § 268 Abs. 1 AktG)⁹. Более того, полномочия ликвидатора по заключению договоров от имени юридического лица (и совершению иных действий) могут быть дополнительно

¹ См.: *Germain M., Magnier V.* Les sociétés commerciales. 23e éd. 2022. n° 149; *Camensuli-Feuillard L.* Dissolution et liquidation (Études Joly Sociétés (LaBase Lextenso)). n° 190, 194.

² См.: *Camensuli-Feuillard L.* Op. cit. n° 194.

³ Ibid. n° 196, 204–206.

⁴ См.: *Berner G.* Op. cit. § 60. Rn. 19–20; *Bachner T.* Op. cit. § 262. Rn. 12 (автор прямо указывает, что на сегодняшний день считаются отвергнутыми теории, полагавшие, что введение ликвидации поражает юридическое лицо в правоспособности или само по себе влечет универсальное правопреемство в пользу такого особого правосубъектного образования, как «юридическое лицо в процессе ликвидации»).

⁵ См.: *Bachner T.* Op. cit. § 262. Rn. 6, 18.

⁶ См.: *Müller H.-F.* // Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbHG). Band 3: § 53–88 / Hsrg. H. Fleischer, W. Goette. 4 Aufl. 2022. § 69. Rn. 20; *Bachner T.* Op. cit. § 264. Rn. 22, 26.

⁷ См.: *Limpert S.* Op. cit. § 65. Rn. 2, 34; *Bachner T.* Op. cit. § 263. Rn. 10–11.

⁸ См.: *Bachner T.* Op. cit. § 269. Rn. 4–7.

⁹ См., например: *Müller H.-F.* Op. cit. § 70. Rn. 21; *Bachner T.* Op. cit. § 268. Rn. 23–24.

ограничены в сравнении с обычными полномочиями директора¹. Однако указанные ограничения по общему правилу не сказываются на третьих лицах и действуют главным образом в рамках внутренних отношений между ликвидатором и юридическим лицом, т.е. при нарушении данного ограничения, как и любых иных внутренних ограничений, ликвидатор будет отвечать перед юридическим лицом². Тем не менее в случаях явных злоупотреблений сделки, совершенные ликвидатором в нарушение целей ликвидации с недобросовестными третьими лицами, могут быть признаны недействительными³. Наконец, стоит отметить, что ликвидатор, заключая сделки от имени юридического лица, должен прямо указывать, что это лицо находится в ликвидации (§ 68 Abs. 2 GmbHG; § 269 Abs. 6 AktG). Если он этого не делает, у добросовестного контрагента может появляться право оспорить сделку как заключенную под влиянием заблуждения (§ 119 BGB) или обмана (§ 123 BGB)⁴.

Во-вторых, что более важно для целей настоящей статьи, принятие решения о ликвидации влечет передачу полномочий по управлению юридическим лицом от исполнительных органов юридического лица ликвидатору или ликвидационной комиссии (далее для простоты — ликвидатор)⁵. В рамках процедуры ликвидации ликвидатор обязан предпринять необходимые действия по (а) реализации активов (включая взыскание долгов с третьих лиц), (б) погашению долгов и (в) распределению оставшихся активов среди участников юридического лица⁶. По сути, вся дальнейшая деятельность юридического лица направлена исключительно на достижение цели по скорейшему прекращению любых существующих правовых связей с иными лицами.

¹ См., например: *Bachner T.* Op. cit. § 269. Rn. 5.

² См.: *Ibidem*.

В этом смысле нет существенных различий между положением ликвидатора и директора немецкого юридического лица. См. об этом, например: *Bachner T.* Op. cit. § 268. Rn. 25–27.

³ См.: *Müller H.-F.* Op. cit. § 70. Rn. 3–4; *Bachner T.* Op. cit. § 269. Rn. 10.

⁴ См.: *Müller H.-F.* Op. cit. § 68. Rn. 20.

⁵ См.: *Berner G.* Op. cit. § 60. Rn. 19; *Bachner T.* Op. cit. § 262. Rn. 14, § 266. Rn. 2; *Camensuli-Feuillard L.* Op. cit. n° 222.

⁶ См.: *Müller H.-F.* Op. cit. § 70. Rn. 10; *Bachner T.* Op. cit. § 262. Rn. 12, § 268. Rn. 16–22; *Le Cannu P., Dondero B.* Droit de sociétés. 9e éd. 2022. n° 608; *Germain M., Magnier V.* Op. cit. n° 146, 152.

Аналогичное описание процедуры ликвидации по дореволюционному российскому праву см.: *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. С. 273.

Иными словами, ликвидатор в период между решением о ликвидации и собственно ликвидацией обязан обеспечить упорядоченное прекращение всех правовых связей, имеющихся у юридического лица, с максимизацией выгоды для участников¹.

При этом немедленное прекращение обязательств или остановка хозяйственных операций не требуются² — напротив, например, в Германии абсолютно нормальным является продолжение исполнения юридического лица имеющихся обязательств перед третьими лицами³. Как следствие, ликвидация в континентальных правовых порядках — это весьма небыстрый процесс⁴. Так, во Франции предельный срок для завершения процедуры ликвидации составляет три года⁵. Равным образом на три года предоставляются и полномочия ликвидатора, срок которых затем может быть дополнительно продлен по решению участников юридического лица (или суда)⁶. Что касается Германии, то там ликвидация не может занимать менее года, поскольку по общему правилу именно такой минимальный срок должен пройти между публикацией уведомления в адрес кредиторов о начале процедуры ликвидации и распределением активов среди участников юридического лица (§ 73 Abs. 1 GmbHG; § 272 Abs. 1 AktG)⁷. Данный срок не может быть сокращен даже по соглашению между должником и известными ему кредиторами, так как он установлен для защиты в том числе неизвестных кредиторов⁸.

¹ См.: Müller H.-F. Op. cit. § 70. Rn. 9; Bachner T. Op. cit. § 268. Rn. 3; Camensuli-Feuillard L. Op. cit. n° 222.

² См.: Bachner T. Op. cit. § 268. Rn. 3; Germain M., Magnier V. Op. cit. n° 153.

³ См.: Müller H.-F. Op. cit. § 70. Rn. 9; Bachner T. Op. cit. § 268. Rn. 4, § 268. Rn. 16. На русском см.: Эннексерус Л., Кунн Т., Вольф М. Курс германского гражданского права. Т. I. Полутом 1. М., 1949. С. 398—400.

⁴ См., например: Servatius W. // Kommentar zum GmbH-Gesetz / Hrsg. R. Bork, C. Schäffer. 4 Aufl. 2019. § 71. Rn. 12.

Весьма характерно, что Г.Ф. Шершеневич, описывая ликвидацию акционерного товарищества в дореволюционной России, аналогичным образом называл ее «обыкновенно довольно сложным и продолжительным процессом» (см.: Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. С. 354).

⁵ См.: Camensuli-Feuillard L. Op. cit. n° 276.

⁶ См.: Ibid. n° 232; Germain M., Magnier V. Op. cit. n° 151.

⁷ Аналогичное правило предлагалось включить и в Проект Гражданского Уложения (см.: Гражданское Уложение. Проект Высочайше утвержденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. С. 1003).

⁸ См., например: Paura J. // GmbHG Großkommentar. Band 3 / Hrsg. M. Habersack, M. Casper, M. Löbbe. 3 Aufl. 2021. § 73. Rn. 4.

Для успешного завершения дел юридического лица ликвидатор должен *произвести взыскание по имеющимся требованиям и реализовать существующие активы*¹. С точки зрения обязательствных прав юридического лица это подразумевает как взыскание по созревшим требованиям к третьим лицам, так и продажу таких прав требования, срок исполнения по которым еще не наступил, а равно и иных имущественных прав (в том числе по отношению к участникам юридического лица)².

Кроме того, ликвидатор обязан обеспечить *погашение юридическим лицом уже созревших долгов*, а также прекращение иных обязательств (в широком смысле), связывающих юридическое лицо и третьих лиц³. Важно специально подчеркнуть, что переход в ликвидацию сам по себе ничего не меняет для имеющихся правовых отношений юридического лица — они сохраняются в неизменном виде⁴. Так, введение ликвидации не влечет немедленного прекращения⁵ или акселерации обязательств юридического лица перед третьими лицами и вообще не влияет на сроки их исполнения⁶. Созревшие требования кредиторов удовлетворяются в общем порядке⁷. Еще не созревшие требования

¹ См.: Müller H.-F. Op. cit. § 70. Rn. 13–15; Bachner T. Op. cit. § 268. Rn. 17–20; Camensuli-Feuillard L. Op. cit. n° 248, 256.

² См.: Müller H.-F. Op. cit. § 70. Rn. 13–14; Bachner T. Op. cit. § 268. Rn. 18–20; Germain M., Magnier V. Op. cit. n° 152.

³ См.: Müller H.-F. Op. cit. § 70. Rn. 9; Bachner T. Op. cit. § 268. Rn. 21; Camensuli-Feuillard L. Op. cit. n° 238, 266.

⁴ См., например: Berner G. Op. cit. § 60. Rn. 21.

При этом в Германии в отличие от банкротной ликвидации в обычной ликвидации не проводится различий между кредиторами, чьи права требования к юридическому лицу возникли до введения ликвидации и после ее введения. Поскольку кредитор, вступающий в отношения с юридическим лицом, находящимся в ликвидации, по общему правилу будет известен ликвидатору, считается, что защита, закрепленная в § 73 Abs. 2 GmbHG, является достаточной для таких кредиторов и им не требуется предоставление какого-либо приоритетного удовлетворения. См.: Müller H.-F. Op. cit. § 73. Rn. 16; Paura J. Op. cit. § 73. Rn. 15.

⁵ Хотя французский закон формально говорит лишь о том, что принятие решения о ликвидации не прекращает обязательства из аренды недвижимости, используемой для деятельности юридического лица (C.com., art. L237-5), данная норма обычно толкуется чрезвычайно широко, чтобы охватывать практически любые контракты (и споры идут только в отношении договоров *intuitu personae*). См.: Le Cannu P., Dondero B. Op. cit. n° 617.

⁶ См., например: Müller H.-F. Op. cit. § 73. Rn. 10; Bachner T. Op. cit. § 268. Rn. 16, § 272. Rn. 20; Germain M., Magnier V. Op. cit. n° 155; Camensuli-Feuillard L. Op. cit. n° 192; Paura J. Op. cit. § 73. Rn. 8.

⁷ См.: Müller H.-F. Op. cit. § 73. Rn. 17; Germain M., Magnier V. Op. cit. n° 155; Camensuli-Feuillard L. Op. cit. n° 266.

также могут быть досрочно погашены в соответствии с общими правилами¹. Наконец, ликвидатор не связан какой-либо очередностью погашений требований², хотя, как отмечается в немецкой литературе, интересам ликвидируемого юридического лица может соответствовать приоритетное погашение долгов перед такими кредиторами, которые сами имеют обязательства перед юридическим лицом³.

Для исполнения обязательств перед третьими лицами ликвидатор осуществляет публикацию о начале ликвидации, чтобы в полной мере выявить всех имеющихся у юридического лица кредиторов. Однако такое уведомление кредиторов о начале ликвидации само по себе не изменяет соответствующих обязательственно-правовых отношений⁴. Более того, в Германии, например, отсутствуют какие-либо предельные пресекательные сроки для направления кредиторами указанных требований⁵. Как следствие, если какие-то кредиторы юридического лица не объявляются, но при этом соответствующие требования *известны* ликвидатору, то он все равно обязан исполнить обязательства перед ними⁶, или передать причитающееся предоставление в депозит (§ 73 Abs. 2 S. 1 GmbHG; § 272 Abs. 2 AktG), или предоставить таким кредиторам надлежащее обеспечение (*Sicherheitsleistung*)⁷ (§ 73 Abs. 2 S. 2 GmbHG; § 272 Abs. 3 AktG)⁸. При этом, как подчеркивается в литературе, указанное депонирование должно осуществляться в соответствии с общими правилами BGB, т.е., в частности, допускаться тогда, когда кредитор отказывается принять исполнение или личность кредитора неизвестна⁹ (что еще раз подчеркивает неизменность положения кредитора при ликвидации должника). Что касается предоставления обеспечения, то оно может приобретать смысл, например, тогда, когда

¹ См.: Müller H.-F. Op. cit. § 73. Rn. 17; Bachner T. Op. cit. § 272. Rn. 20.

² См.: Camensuli-Feuillard L. Op. cit. n° 266; Paura J. Op. cit. § 73. Rn. 18.

³ См.: Müller H.-F. Op. cit. § 73. Rn. 18.

⁴ См., например: Limpert S. Op. cit. § 65. Rn. 47; Bachner T. Op. cit. § 267. Rn. 7.

⁵ См., например: Limpert S. Op. cit. § 65. Rn. 47; Bachner T. Op. cit. § 272. Rn. 14; Paura J. Op. cit. § 73. Rn. 7–8.

⁶ См. об этом, например: Paura J. Op. cit. § 73. Rn. 11, 16.

⁷ Обеспечение в данном случае понимается не в специальном юридико-техническом смысле «обеспечения обязательств» (ср.: *Sicherheit* в BGB § 232), а в преимущественно экономическом смысле, а потому может включать, например, перевод долга (см., например: Müller H.-F. Op. cit. § 73. Rn. 27).

⁸ На русском см.: Эннекверус Л., Кунн Т., Вольф М. Указ. соч. С. 399.

⁹ См., например: Müller H.-F. Op. cit. § 73. Rn. 20–23; Bachner T. Op. cit. § 268. Rn. 21–22, 1§ 272. Rn. 17; Paura J. Op. cit. § 73. Rn. 22.

(а) обязательство юридического лица вытекает из условной сделки или из синаллагматического договора (и встречное исполнение еще не получено от кредитора) или же (б) срок обязательства наступит только после окончания ликвидации (например, обязательства в отношении пенсионных выплат)¹. В целом же, хотя кредиторам по известным юридическому лицу требованиям все равно рекомендуется заявлять о таких требованиях в ходе ликвидации, это не является критически необходимым².

Схожим образом рассматриваемые вопросы регулируются и во Франции. Так, ликвидатор отвечает, если завершит внебанкротную ликвидацию, не погасив требований всех *известных* кредиторов, вне зависимости от того, заявлялись ли ими требования в ходе процедуры ликвидации³. Кроме того, если в отношении какого-либо из требований кредиторов существует неопределенность, то ликвидатор обязан предоставить такому кредитору достаточное обеспечение⁴.

Принципиальным является вопрос о том, что ликвидатор не вправе переходить к исключению юридического лица из реестра до того момента, пока он не исполнит описанные выше обязанности, в том числе по реализации активов и погашению долгов⁵. Исполнение обязательств юридического лица перед третьими лицами является необходимым условием для того, чтобы перейти к распределению ликвидационной квоты среди участников юридического лица, а следовательно, и к исключению из реестра записи о юридическом лице⁶. Иными словами, прекращение обязательств юридического лица по общему правилу является *условием для ликвидации* в собственном смысле слова, а не ее *следствием*. Если ликвидатор нарушает данное фундаментальное правило (в том числе поскольку, например, нарушил обязанность по установлению обязательств юридического лица перед третьими лицами⁷), он может быть привлечен к ответственности

¹ См., например: Müller H.-F. Op. cit. § 73. Rn. 24; Bachner T. Op. cit. § 272. Rn. 20–21; Paura J. Op. cit. § 73. Rn. 28–29.

² См.: Müller H.-F. Op. cit. § 73. Rn. 13; Bachner T. Op. cit. § 272. Rn. 14.

³ См.: Camensuli-Feuillard L. Op. cit. n° 238, 266.

⁴ См.: Le Cannu P., Dondero B. Op. cit. n° 621; Camensuli-Feuillard L. Op. cit. n° 238.

⁵ См.: Müller H.-F. Op. cit. § 74. Rn. 3; Le Cannu P., Dondero B. Op. cit. n° 620.

⁶ См.: Müller H.-F. Op. cit. § 70. Rn. 10; Bachner T. Op. cit. § 271. Rn. 3, 11, § 272. Rn. 5, § 273. Rn. 3.

⁷ См.: Paura J. Op. cit. § 73. Rn. 13.

перед самим юридическим лицом, а также потенциально перед его кредиторами¹.

3.2. Последствия принятия решения о ликвидации по российскому праву. Общая характеристика

Начать стоит с того, что между российскими правилами о последствиях принятия решения о ликвидации и их иностранными аналогами, рассмотренными выше, имеется целый ряд принципиальных сходств.

Так, переход юридического лица в процедуру ликвидации влечет за собой передачу полномочий по его управлению от «регулярных» органов в пользу специального представителя — ликвидатора (п. 4 ст. 62 ГК)². На такого ликвидатора возлагается обязанность совершать действия, направленные на прекращение обязательств юридического лица, включая выявление кредиторов и получение дебиторской задолженности (абз. 2 п. 1 ст. 63 ГК), продажу имущества юридического лица (абз. 1 п. 4 ст. 63 ГК) и удовлетворение требований кредиторов в соответствии с установленными в законе очередями (п. 5 ст. 63 ГК)³. Более того, согласно абз. 2 п. 4 ст. 62 ГК ликвидатор должен действовать «добросовестно и разумно в интересах ликвидируемого юридиче-

¹ См., например: *Bachner T.* Op. cit. § 267. Rn. 8, § 272. Rn. 31–35; *Paura J.* Op. cit. § 73. Rn. 36–38. См. также: *Germain M., Magnier V.* Op. cit. n° 160.

² В отечественном праве ведется активная дискуссия о том, замещает ли ликвидатор все органы юридического лица или только исполнительные органы (см. об этом: Юридические лица в российском гражданском праве. Т. 3: Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц / отв. ред. А.В. Габов. Гл. 3 § 2 (автор — А.В. Габов)). Предпочтительной, без сомнения, является вторая позиция: хотя после принятия решения о ликвидации деятельность юридического лица в дальнейшем подчиняется цели прекратить его дела, это само по себе не должно устранять существовавший порядок корпоративного управления. Свою компетенцию будут продолжать осуществлять как общее собрание участников, так и совет директоров (например, одобрять сделки (в случае добровольной внебанкротной ликвидации), сменять ликвидатора и т.д.), хотя и с учетом ограничений, задаваемых ликвидацией.

Именно такой подход используется и в Германии, и во Франции, где, несмотря на назначение ликвидатора, собрание участников корпорации и наблюдательный совет в целом сохраняют свои полномочия в ходе ликвидации (см.: *Müller H.-F.* Op. cit. § 69. Rn. 37–47, 49, § 70. Rn. 7; *Bachner T.* Op. cit. § 262. Rn. 14, § 264. Rn. 23–26; *Germain M., Magnier V.* Op. cit. n° 156–157). Судя по всему, такой же подход существовал в российском праве до революции (см.: *Писемский П.* Указ. соч. С. 211).

³ Подробнее об этом см. разд. 3.4.

ского лица, а также его кредиторов»¹. Наконец, в соответствии с п. 6 ст. 63 ГК (финальный) ликвидационный баланс, подача которого необходима для исключения юридического лица из ЕГРЮЛ, может быть утвержден только после завершения расчетов с кредиторами. Ненадлежащее исполнение ликвидатором указанных обязанностей дает возможность кредиторам предъявлять прямые иски к ликвидатору (п. 2 ст. 64.1 ГК)².

В то же время существует и целый ряд важных различий, между тем как вопрос о последствиях решения о ликвидации регулируется в континентальных и в российском правовых порядках. Можно выделить три спорных области, где между отечественным и иностранными подходами имеются принципиальные различия: (а) влияние решения о ликвидации на ограничения на участие юридического лица в обязательствах — правовых отношениях (разд. 3.3), (б) порядок исполнения ликвидируемым юридическим лицом обязательств (разд. 3.4) и (в) последствия неза явления кредиторами требований в рамках процедур ликвидации (разд. 3.5).

3.3. Ограничения на участие юридического лица в обязательствах — правовых отношениях

На первый взгляд по действующему отечественному законодательству решение о ликвидации юридического лица никак не сказывается ни на его правоспособности, ни на праве ликвидатора по вступлению в новые обязательства — правовые отношения от имени юридиче-

¹ Это принципиально отличает российское регулирование от немецкого, где ликвидатор несет обязанности исключительно перед юридическим лицом. Ликвидатор будет отвечать перед кредитором, если только кредитор обратит взыскание на соответствующее притязание юридического лица или если действия ликвидатора будут квалифицированы в качестве деликта с точки зрения BGB § 823 Abs. 2 (что в доктрине вызывает некоторые споры). См. об этом, например: *Limpert S.* Op. cit. § 65. Rn. 52; *Bachner T.* Op. cit. § 267. Rn. 8, § 272. Rn. 35; *Paura J.* Op. cit. § 73. Rn. 48.

² Пункт 2 ст. 64.1 ГК, давая кредиторам (и участникам) ликвидированного юридического лица право на прямой иск к ликвидатору (в первую очередь после завершения ликвидации), ссылается на ст. 53.1 ГК как на основание для такого иска. Эта ссылка, по-видимому, является ошибочной, поскольку на самом деле ст. 53.1 ГК ведет речь исключительно об ответственности *перед юридическим лицом* таких субъектов, которые действуют от его имени или его контролируют. Как следствие, в данной статье не содержится оснований для ответственности указанных субъектов перед кредиторами или участниками юридического лица.

На это обращает внимание и А.В. Габов (см.: *Габов А.В.* Реорганизация и ликвидация юридических лиц. Пункт 3 комментария к ст. 64.1).

ского лица. Формально получается, что ликвидатор может без ограничений вступать в новые договорные отношения с третьими лицами, хотя бы это и существенно затрудняло достижение целей ликвидации, а также уменьшало объем ликвидационной квоты, распределяемой среди участников ликвидируемой корпорации. Более того, действующее законодательство не содержит даже каких-либо явных правил касательно того, может ли ликвидатор вступать в такого рода новые сделки (с точки зрения наличия у него полномочий), или должен ли он отвечать за их совершение (с точки зрения внутренних отношений с юридическим лицом).

Весьма любопытно, что идея, согласно которой после введения ликвидации юридическое лицо не может так же свободно участвовать в правовом общении, была когда-то хорошо знакома отечественному праву. В дореволюционной России при ликвидации товарищества могли совершаться новые сделки, «насколько это необходимо для целей ликвидации»¹. В Проекте Гражданского Уложения рассматриваемую проблему предлагалось решать таким образом, что ликвидатор был бы вправе вступать в новые сделки только в той степени, насколько это необходимо для окончания текущих дел товарищества (ст. 2209 для полного товарищества и ст. 2377 для акционерного товарищества)². Аналогичное правило было закреплено и в ГК РСФСР 1922 г. (далее — ГК 1922 г.): «Ликвидаторы заканчивают текущие дела и вправе вступать в новые сделки, насколько это необходимо для окончания текущих дел» (ст. 309). Однако в последующем законодательстве указанный принцип не был воспринят: ГК РСФСР 1964 г. (далее — ГК 1964 г.) никаких норм на этот счет уже не содержал (впрочем, как и по многим другим аспектам ликвидации, до этого прямо регулировавшимся в ГК 1922 г.).

В Концепции развития законодательства о юридических лицах (далее — Концепция) содержалось следующее предложение по рассматриваемому вопросу — закрепить в ГК правило о «целевой (специальной) правоспособности всякого юридического лица, находящегося в стадии ликвидации»³. Более того, в отечественной литературе дореформенного

¹ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. С. 273; *Писемский П.* Указ. соч. С. 216.

² См.: Гражданское Уложение. Проект Высочайше утвержденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. С. 839, 1008—1009 (в качестве примера новой сделки приводится закупка материалов для исполнения подряда).

³ См.: разд. I подразд. 2 п. 2.2 Концепции развития законодательства о юридических лицах (Проект, рекомендованный к опубликованию в целях обсуждения Советом

периода можно встретить поддержку данной идеи¹. Тем не менее эта позиция не нашла отражения в ГК в ходе реформы 2014 г. Поэтому, хотя в России, как и в западных правовых порядках, в отношении ликвидируемого юридического лица в ЕГРЮЛ вносится запись о том, что оно находится «в процессе ликвидации» (п. 1 ст. 62 ГК), такая запись, если буквально подходить к толкованию закона, едва ли имеет какой-либо значимый юридический эффект.

Между тем такое положение вещей вряд ли может быть признано в полной мере удовлетворительным. Юридическое лицо, которое в скорой перспективе должно прекратить свое существование, вряд ли должно обладать полноценной возможностью вступать в правоотношения с третьими лицами без каких-либо оговорок. Здесь мыслимы два варианта введения ограничений на то, как оно участвует в правовом общении.

Во-первых, можно было бы исходить из того, что с момента введения ликвидации юридическое лицо поражается в правоспособности, а ликвидатор, соответственно, не может совершать от его имени действия, которые не связаны с ликвидацией. В таком случае мы видели бы в юридическом лице, находящемся «в процессе ликвидации», субъекта права, чья способность участвовать в юридическом общении ограничена естественными пределами, необходимыми для успешной ликвидации. Формальное обоснование этой идеи можно было бы усмотреть как раз в той записи, которая вносится в ЕГРЮЛ («в процессе ликвидации») и которая сигнализирует всем участникам оборота, что они имеют дело с лицом, чья правосубъектность в обозримом будущем подойдет к концу.

Именно таким образом рассматриваемая проблема решалась в до-революционной России. Хотя юридическое лицо продолжает существовать после введения ликвидации, «деятельность его принимает более узкие границы»². Поскольку цель ликвидаторов — «не производство торговли, а окончание дел торгового предприятия, то этим

при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (протокол № 68 от 16.03.2009)).

¹ См., например: *Габов А.В.* Ликвидация юридических лиц. История развития института в российском праве, современные проблемы и перспективы. М., 2011 (СПС «КонсультантПлюс»). § 3.2 («Не вызывает сомнения, что ликвидируемое юридическое лицо через своих ликвидаторов не должно начинать каких-то новых проектов, заключать соглашения с новыми заказчиками, подрядчиками и т.п.; очевидно, что не может продолжаться деятельность разного рода некоммерческих организаций»).

² См.: *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. С. 274.

самым обуславливается и объем их полномочия, так что признаются уполномоченными на совершение всех действий, вызываемых условиями ликвидации»¹. Как следствие, «все сделки, заключенные ими, выходящие из этого круга и являющиеся совершенно новыми, не связанными с ликвидационным процессом, остаются на ответственности ликвидаторов, как частных лиц»².

В российской судебной практике можно найти некоторую поддержку такой точки зрения. Так, суды иногда занимают позицию, согласно которой в рамках процедуры ликвидации сделки, заключаемые юридическим лицом, «должны быть направлены исключительно на завершение текущих дел, осуществление расчетов с кредиторами»³. Кроме того, суды порой одновременно прямо указывают, что «правоспособность общества, находящегося в процессе ликвидации, имеет строго целевой характер и сводится к компетенции ликвидационной комиссии, определяемой в соответствии со статьей 63 Гражданского кодекса»⁴. Схожая точка зрения иногда поддерживается и в литературе⁵.

Во-вторых, можно было бы вести речь о том, что правоспособность юридического лица остается прежней. Ликвидатор в таком случае (как и любой иной законный представитель) в отношениях с третьими лицами обладает неограниченными полномочиями, но при этом в рамках внутренних отношений с юридическим лицом не вправе совершать от имени юридического лица новые сделки, если только они не направлены на достижение целей успешного завершения процедур ликвида-

¹ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. С. 275.

² Там же. С. 275, 355. Ср.: Писемский П. Указ. соч. С. 216–217 («С открытием ликвидации всякие новые сделки, заключаемые с третьими лицами от имени компании, недействительны»; при этом автор уточняет, что данное правило применяется только в том случае, когда решение о ликвидации было «обнародовано» и в следствие этого противопоставимо третьим лицам).

³ См., например: постановления ФАС Западно-Сибирского округа от 28.04.2009 по делу № А03-7929/2008 и от 29.01.2008 по делу № А03-11673/06-32; ФАС Северо-Западного округа от 23.12.2008 по делу № А05-3135/2008; Восьмого ААС от 07.03.2022 по делу № А70-15104/2019 и от 30.09.2021 по делу № А46-23236/2018.

⁴ См., например: постановления ФАС Западно-Сибирского округа от 28.04.2009 по делу № А03-7929/2008 и от 29.01.2008 по делу № А03-11673/06-32; Девятого ААС от 06.06.2016 по делу № А40-167689/14; Двенадцатого ААС от 24.07.2014 по делу № А57-12490/10; Тринадцатого ААС от 13.07.2018 по делу № А56-84974/2016; Двадцатого ААС от 19.09.2022 по делу № А62-5268/2019.

⁵ См.: Белов В.А. Гражданское право. Т. II. Кн. 1. М., 2016. С. 193 («Принятие решения о ликвидации юридического лица влечет ограничение его гражданской правосубъектности»).

ции. То же должно касаться и внесения изменений в уже совершенные сделки (в том числе продления сроков договоров, заключенных юридическим лицом). Выход за указанные внутренние ограничения должен рассматриваться в качестве нарушения фидуциарных обязанностей и влечь обязанность ликвидатора возместить юридическому лицу причиненные убытки. Правила такого возмещения будут регулироваться общими положениями взыскания убытков с лиц, входящих в органы юридического лица (п. 12 постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»).

Рассматриваемые ограничения в некоторых случаях могут сказываться и на отношениях юридического лица с третьими лицами. Если ликвидатор совершает сделку, явно противоречащую целям ликвидации, а контрагент об этом знает или должен знать, то логичным было бы допускать оспаривание таких сделок. В качестве формального основания для такого оспаривания мыслимо было бы использовать п. 1 ст. 174 ГК: в рассматриваемой ситуации ликвидатор при совершении сделки выходит за рамки ограничений своего полномочия, вытекающих из того, что юридическое лицо перешло в стадию ликвидации. Как следствие, при недобросовестности другой стороны вполне справедливо было бы допустить оспаривание такой сделки.

В качестве альтернативы основанием для оспаривания можно было бы использовать и ст. 173 ГК, допускающую признание недействительной сделки юридического лица, совершенной в противоречии с целями его деятельности¹. Если читать ст. 173 ГК буквально, то она позволяет участникам юридического лица (или иным лицам, в чьих интересах установлено соответствующее ограничение) оспаривать только такие сделки, которые совершены в противоречии с «целями деятельности, определенно ограниченными в его учредительных документах». Однако в контексте ликвидации вполне допустимым было бы более широкое истолкование данной нормы, которое позволило бы рассматривать принятие решения о ликвидации в качестве внесения явных изменений в учредительные документы юридического лица.

Таким образом, если контрагент в курсе или должен быть в курсе того, что юридическое лицо перешло в стадию ликвидации (в том числе по той причине, что в ЕГРЮЛ уже содержится отметка о том, что юридическое лицо находится в процессе ликвидации²), то необхо-

¹ В поддержку такого решения см.: *Егоров А.В.* Юридическое лицо. С. 69–70.

² Подпункт 1 п. 1 ст. 5, п. 2 ст. 20 Закона о государственной регистрации.

можно допустить оспаривание соответствующей сделки, при условии, конечно, что сделка заключалась в явном противоречии с целями ликвидации. Например, если ликвидируемое юридическое лицо привлекает целевой банковский кредит на приобретение производственной линии для начала нового вида деятельности, то контрагент, вероятнее всего, должен был осознавать, что такая сделка явно не соответствует целям ликвидации. Как следствие, разумно допустить ее оспаривание по иску участника корпорации (или иного органа юридического лица). В то же время если несоответствие целям ликвидации не было (и не должно было быть) очевидным с учетом всех фактических обстоятельств (например, для контрагента не вполне ясно, служит ли целям ликвидации размещение юридическим лицом нового заказа на поставку сырья по рамочному договору купли-продажи), то сделка оспорена быть не может.

При этом стоит отдельно оговориться, что в течение процедуры ликвидации ликвидатор также несет обязанность вести дела юридического лица таким образом, какой является для того максимально выгодным. Поэтому, например, нет никаких преград для того, чтобы ликвидатор сдавал в краткосрочную аренду имущество юридического лица, если это не препятствует задачам ликвидации¹. Хотя это новая сделка, она по общему правилу не вступает в явное противоречие с целями ликвидации.

3.4. Порядок исполнения юридическим лицом обязательств

Как было показано выше, в континентальных правовых системах введение ликвидации не производит существенных изменений в том, каким образом юридическое лицо продолжает исполнять свои обязательства. Ликвидатор обязан в упорядоченном виде прекратить обязательства юридического лица в течение периода ликвидации, однако само начало ликвидации не влечет никаких автоматических перемен в данном отношении.

В российском праве существует как минимум два блока вопросов, которые относятся к сфере исполнения обязательств ликвидируемым юридическим лицом и регулирование которых при этом отличается высокой степенью неоднозначности (если мы его сравниваем с запад-

¹ В поддержку такого подхода см., например: Müller H.-F. Op. cit. § 70. Rn. 20. В российской литературе см.: Юридические лица в российском гражданском праве. Т. 3: Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц / отв. ред. А.В. Габов. Гл. 3 § 2 (автор — А.В. Габов).

ными образцами): созревание срока исполнения юридическим лицом обязательств при принятии решения о ликвидации (разд. 3.4.1) и использование промежуточного ликвидационного баланса как основы для расчета с кредиторами (разд. 3.4.2).

3.4.1. Созревание срока для исполнения обязательств перед третьими лицами

До революции российское право, судя по всему, четко стояло на той же позиции, что и иностранные правовые порядки: введение внебанкротной ликвидации никак не должно сказываться на положении кредиторов. Так, П.А. Писемский, обсуждая этот вопрос, прямо указывает следующее: «Ликвидация не оказывает никакого влияния на права третьих лиц относительно компании и в этом отношении существенно разнится от конкурса. Третьи лица осуществляют свои права относительно ликвидирующейся компании так, как они осуществляли бы их при существовании ее. Поэтому кредиторы, срок по обязательствам коих не истек, не вправе предъявлять их к удовлетворению под предлогом ликвидации»¹.

В отличие от иностранных правовых порядков и дореволюционного отечественного регулирования, российский ГК содержит весьма необычное правило, которое было добавлено в ходе реформы 2014 г. и согласно которому с момента принятия решения о ликвидации считается наступившим срок исполнения обязательств юридического лица перед кредиторами (п. 4 ст. 61 ГК).

В чем состоит смысл указанного правила и какую цель оно преследует?

Теоретически в качестве аргумента в поддержку правила об акселерации при обычной ликвидации можно было бы сослаться на существование схожего правила в Законе о банкротстве: «Для участия в деле о банкротстве срок исполнения обязательств, возникших до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом, считается наступившим»² (п. 3 ст. 63). В то же время нужно понимать, что процитированная норма в действительности имеет иную цель, нежели п. 4 ст. 61 ГК: она направлена на то, чтобы привести к равному

¹ См.: Писемский П. Указ. соч. С. 217–218.

² На то, что, судя по всему, формулировки п. 4 ст. 61 ГК были скопированы из Закона о банкротстве, справедливо обращает внимание и А.В. Табов (см.: Табов А.В. Реорганизация и ликвидация юридических лиц. Пункт 5 комментария к ст. 61).

знаменателю требования разных кредиторов, притом вне зависимости от сроков исполнения, именно «для участия в деле о банкротстве», т.е. именно в таких обстоятельствах, при которых имеющихся у ликвидируемого юридического лица средств не хватит для удовлетворения всех требований кредиторов. При внебанкротной ликвидации у юридического лица, наоборот, имеются достаточные средства для расчетов с кредиторами — поэтому нет необходимости приводить требования кредиторов к единому знаменателю или обеспечивать формальное равенство кредиторов за счет одновременного созревания всех соответствующих притязаний. Как следствие, сложно проводить серьезные аналогии между п. 4 ст. 61 ГК и п. 3 ст. 63 Закона о банкротстве, а уж тем более делать на их основе какие-либо выводы об обоснованности существования правила об акселерации долгов при ликвидации во внебанкротном порядке.

Также можно было бы предположить, что основная цель рассматриваемой нормы, по мысли законодателя, состоит в том, чтобы облегчить положение кредиторов ликвидируемого юридического лица. Такие кредиторы приобретают возможность сразу после принятия решения о ликвидации заявить имеющиеся притязания, не дожидаясь каких-либо (а) действий ликвидатора по установлению таких требований (см. разд. 3.5) и (б) (в случае добровольной ликвидации) действий участников по назначению ликвидатора. Притом стоит подчеркнуть, что на первый взгляд п. 4 ст. 61 ГК формально открывает для кредитора возможность заявить именно *требование об исполнении обязательства в натуре*, хотя бы срок для такого исполнения еще и не считался бы наступившим.

Тем не менее стоит задаться вопросом, насколько такие правила логичны и обоснованны.

Как представляется, ответ на этот вопрос должен быть скорее отрицательным в силу следующих четырех основных причин: (а) правила ГК об акселерации не универсальны и имеют, напротив, весьма своеобразную (и даже скорее случайную) сферу применения, (б) автоматическая акселерация обязательств плохо согласуется с принципом частной автономии, (в) интересы кредиторов в достаточной степени защищены без какой-либо акселерации и (г) акселерация затрудняет любые способы ликвидации, кроме как путем немедленного прекращения бизнеса. Рассмотрим приведенные аргументы по очереди.

Своеобразие сферы применения правил об акселерации. Начнем с того, что норма о внебанкротной акселерации, содержащаяся в п. 4 ст. 61 ГК, обладает очень своеобразной сферой применения, которая

в реальности весьма ограничена и не будет охватывать многие категории обязательств ликвидируемого лица, включая, в частности, следующие. Во-первых, при обычной ликвидации не должен считаться наступившим срок по такому обязательству, которое возникает из условной сделки (ст. 157 ГК), пока соответствующее условие не наступило. То же будет касаться и, например, обязательства ликвидируемого юридического лица из договора поручительства¹ или из договора, который может быть заключен в результате реализации опциона по ст. 429.2 ГК. Во-вторых, не должны созреть такие обязательства из синаллагматических договоров (в том числе долгосрочных), которые подлежат исполнению только после получения задолженного предоставления от контрагента (если соответствующее предоставление еще не было получено)². Аналогичным образом едва ли могут созреть обязательства из синаллагматических договоров в отношении сколь-либо отдаленных будущих периодов. Например, если ликвидируется арендатор, срок исполнения его обязательств по уплате арендной платы за будущие периоды, конечно, не может считаться созревшим по п. 4 ст. 61 ГК. В-третьих, очевидно, правило об акселерации не может никак сказываться на таких требованиях кредиторов ликвидируемого лица, о которых им еще неизвестно (например, требования покупателей из скрытых недостатков товара и т.д.). В-четвертых, обязательства могут возникать на стороне ликвидируемого лица уже *после* принятия решения о ликвидации (например, из вновь заключенного договора или из совершения деликта), что делает правило об акселерации нерелевантным в данном случае. Наконец, в-пятых, вопреки иногда вы-

¹ При *внебанкротной* ликвидации едва ли может быть применена позиция, которая зафиксирована в п. 46 постановления Пленума ВАС РФ от 12.07.2012 № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» и согласно которой введение процедур *банкротной* ликвидации в отношении поручителя будет давать кредитору право требовать досрочного исполнения с основного должника. Дело в том, что введение *внебанкротной* ликвидации в отношении поручителя само по себе никак не свидетельствует об ухудшении условий обеспечения, так как подобная ликвидация не может быть завершена, пока кредитор не получит адекватного заменяющего обеспечения (см. разд. 3.5).

² См. в поддержку: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1468 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак). Авторы при этом указывают, что в такой ситуации соответствующий долг прекращается. По-видимому, в данном случае имеется в виду все же не прекращение обязательства (в широком смысле), а лишь невозможность исполнения долга в натуре и возникновение на стороне контрагента потенциального требования о возмещении убытков (см. там же. С. 1471 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак)).

сказываемой позиции¹, не должно происходить акселерации по таким обязательствам, исполнение по которым кредитор не желает принимать досрочно: ликвидация не должна ухудшать положение такого кредитора и заставлять его делать то, что он автономен не делать (ст. 315 ГК). Например, едва ли можно вынудить покупателя новогодних украшений, которые должны быть поставлены в ноябре, принимать их в марте. Как следствие, подобный кредитор будет вправе отказаться принимать исполнение в натуре и взыскать с ликвидируемого должника убытки в размере позитивного интереса (вместо исполнения). Таким образом, в действительности, правило о созревании срока исполнения после принятия решения о ликвидации имеет весьма ограниченную сферу применения. Количество перечисленных выше исключений (перечень которых можно продолжать и продолжать) наглядно демонстрирует спорность выбранного законодателем решения.

Кроме того, важно понимать, что даже в отношении такого обязательства, которое попадает в сферу действия п. 4 ст. 61 ГК, фикция наступления срока исполнения сама по себе не может сделать такое обязательство исполнимым в натуре. Так, если для исполнения подобного обязательства (а) требуется значительный срок, который превосходит разумный срок ликвидации (например, обязательство построить здание или поставить сложное оборудование, производимое должником), или (б) необходимы дополнительные ресурсы, которые юридическое лицо в процессе ликвидации уже не способно привлечь, то в таком случае ни о какой акселерации за счет созревания срока для исполнения в натуре, конечно, невозможно вести речь. При этом способность ликвидируемого должника исполнять свои обязательства в натуре в любом случае будет значительно отличаться от аналогичной способности должника, который осуществляет свою деятельность в обычном порядке. Так, вполне возможно, что продолжение деятельности юридического лица по производству оборудования окажется нецелесообразным, несмотря на существующие обязательства по поставке такого оборудования перед кредиторами, поскольку в противном случае это лицо понесет чрезмерные расходы (например, ввиду кратного роста цен на сырье) и может стать банкротом. Поэтому если цель п. 4 ст. 64 ГК состояла в облегчении исполнения *в натуре всех обязательств юридического лица*, то этой цели обсуждаемая норма тоже не достигает.

¹ Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1469–1470 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

В результате сложно не прийти к выводу, что сфера применения п. 4 ст. 61 ГК оказывается чрезвычайно узкой и весьма своеобразной.

Нарушение акселерацией принципа частной автономии. Крайне важным является то, что введение автоматической акселерации долгов ликвидируемого юридического лица плохо сочетается с принципом частной автономии. Введение внебанкротной ликвидации в отношении должника не должно само по себе никак негативно сказываться на положении кредитора, в частности, заставлять того принять досрочное исполнение обязательства в противоречии с его волей (ст. 315 ГК). Например, если продавец и покупатель согласовали, что поставка товара должна быть произведена 1 июля, то введение ликвидации в отношении продавца 1 марта, конечно, не должно влечь акселерацию и заставлять покупателя принимать соответствующую поставку. Это не соответствует программе обязательства, согласованной между продавцом и покупателем. Тот факт, что в отношении должника по обязательству принимается решение о ликвидации, является обстоятельством, риск наступления которого никак не должен возлагаться на кредитора и как-то негативно влиять на его положение. Компаративно-правовой анализ, проведенный выше, показывает, что континентальные правопорядки строго исходят из отсутствия необходимости в автоматическом созревании сроков по обязательствам юридического лица при введении ликвидации.

Решение о ликвидации — это равным образом *само по себе* не повод для предоставления должнику односторонней возможности выйти из обязательств путем уплаты кредиторам убытков, замещающих исполнение. Едва ли в частном праве можно обнаружить идею о безусловной свободе ликвидации или о праве посредством ликвидации выйти из обязательства (или трансформировать его). Если кредитор до введения ликвидации был вправе рассчитывать на исполнение в натуре (а не получение замещающих убытков), то принятие решения о ликвидации ничего не должно менять в данном отношении: он не может быть обязан ни к досрочному исполнению, ни к получению замещающих убытков. Если российское право (а равным образом и иные правопорядки) в целом настороженно смотрит на концепцию *efficient breach* (как возможности должника в любой момент выйти из обязательства по собственному желанию, возместив кредитору убытки)¹, то нет никакого повода относиться к ней иначе в случае, когда речь идет о ликвидации должника.

¹ На русском языке см. об этом в первую очередь: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации // М.: Статус-Град, 2017.

При этом приведенная критика автоматической акселерации обязательств отнюдь не означает, что у *кредиторов* юридического лица не должно быть никакой возможности выйти из обязательств с ликвидируемым юридическим лицом. Напротив, если сроки ликвидации таковы, что вероятность исполнения согласованной сторонами программы обязательства чрезвычайно низка, кредитор юридического лица вправе отказаться от договора со ссылкой на предвидимое нарушение обязательства (ввиду предстоящей невозможности исполнения по обстоятельствам, зависящим от должника) (п. 2 ст. 328 ГК), а также потребовать возмещения соответствующих убытков в размере позитивного интереса (вместо исполнения)¹. В то же время если обязательство ликвидируемого юридического лица *может быть исполнено в натуре в рамках сроков ликвидации*, то введение ликвидации никак не должно сказываться на положении кредитора и должника по такому обязательству: здесь излишней кажется какая-либо акселерация, а также отсутствуют основания для одностороннего отказа ввиду предвидимого нарушения (и кредитор, конечно же, сохраняет возможность требовать такое исполнение в натуре, о чем будет еще сказано ниже в разд. 3.4.2).

И только в том случае, если требование кредитора *не подлежит исполнению в натуре* (с учетом критериев, выработанных судебной практикой), за ликвидируемым должником может быть признана возможность выйти из обязательства с кредитором при условии возмещения тому позитивного интереса. Даже если кредитор отказывается от получения такого возмещения, то оно может быть уплачено в депозит, о чем речь пойдет ниже.

Таким образом, с точки зрения принципа частной автономии при внебанкротной ликвидации не следовало бы вводить никакую автоматическую акселерацию обязательств юридического лица. Введение ликвидации не должно ничего переворачивать с ног на голову: обязательства должны продолжать исполняться в согласованные сроки и в согласованном порядке (т.е. в рамках программы обязательства, установленной между кредитором и должником). В случае же, когда предстоящая ликвидация, вероятнее всего, сделает невозможным

ской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 369–371 (авторы комментария к ст. 308.3 – А.А. Громов, А.Г. Карапетов); Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М., 2016. С. 363–369.

¹ Схожие рассуждения см.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1471 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

исполнение обязательства (например, поскольку его срок наступает в далеком будущем), кредитор получает право на отказ и требование о возмещении убытков в размере позитивного интереса (вместо исполнения обязательства) (п. 2 ст. 328 ГК).

Мы осознаем, что такой подход к ликвидации является не вполне традиционным для российского права, считающего данностью, что принятие решения о ликвидации дает повод для прекращения всех обязательств юридического лица. Однако цель настоящей статьи как раз и состоит в том, чтобы поставить под вопрос верность такого подхода. Предоставление приоритета кредиторам юридического лица может в отдельных случаях привести к тому, что ликвидация не сможет быть оперативно завершена, поскольку некоторый кредитор будет настаивать на получении исполнения в натуре, хотя для этого будет требоваться затягивание ликвидации на чрезвычайно продолжительный период. Однако нужно понимать, что такие злоупотребления едва ли будут распространенными по целому ряду причин. Во-первых, кредиторы по многим длящимся обязательствам (например, арендаторы или лицензиаты) в норме никак не затрагиваются ликвидацией в силу свойства следования: место ликвидируемого должника в таких обязательствах займет тот, кто приобрел соответствующее абсолютное право в ходе процедуры ликвидации. Во-вторых, многие обязательства дают должнику право на односторонний отказ, в том числе с выплатой некоторого возмещения (например, право заказчика по договору подряда (ст. 717 ГК) или право одной из сторон договора о возмездном оказании услуг (ст. 782 ГК)). В-третьих, многие кредиторы не будут иметь возможности требовать исполнения в натуре от ликвидируемого должника, вследствие чего, как указывалось выше, возмещение им позитивного интереса в ходе процедур ликвидации должно давать возможность ликвидатору выйти из соответствующего обязательства. Наконец, в-четвертых, в случае, если действия кредитора являются явным злоупотреблением, цель которого состоит в том, чтобы необоснованно затянуть ликвидацию (особенно в случае, если такая ликвидация является принудительной), то с ними, как и с любым иным злоупотреблением, стоит бороться за счет ст. 10 ГК и давать ликвидатору возможность погасить соответствующее требование за счет возмещения убытков.

В любом случае описанный выше подход выглядит намного более предпочтительным, чем вариант, при котором принятие решения о ликвидации может кардинальным образом изменить обязательства должника перед кредиторами (акселерировать их или дать возможность

должнику возместить убытки вместо причитающегося кредитору исполнения в натуре).

Интересы кредиторов защищены в отсутствие акселерации. При этом даже в отсутствие акселерации интересы кредиторов оставались бы надлежащим образом защищены (что в явном виде демонстрирует опыт континентальных правопорядков).

Во-первых, как было показано выше, кредиторы, даже не имея права на *досрочное* предъявление требования об исполнении в натуре, сохраняют все свои притязания из согласованной программы обязательства, а в некоторых случаях могут отказаться от договора и предъявить юридическому лицу требование о возмещении убытков. Поэтому вне зависимости от наличия или отсутствия акселерации кредитор имеет право предъявить соответствующее требование к юридическому лицу, а ликвидатор должен будет включить его в промежуточный ликвидационный баланс наравне с иными притязаниями третьих лиц¹. Конечно, расчет размера требований о возмещении убытков может в отдельных случаях вызывать сложности (например, если возникновение обязательства зависело от наступления условий; если требуется капитализация выплат по долгосрочному обязательству и т.д.)², однако эти сложности едва ли являются непреодолимыми и уж точно вряд ли могут служить аргументом в пользу автоматической акселерации.

Во-вторых (и это в действительности более важно), основная гарантия прав кредиторов при ликвидации состоит в том, что ликвидатор не может завершить ликвидацию, пока не исполнены все известные обязательства юридического лица. Это является принципиальным моментом для регулирования процедуры ликвидации за рубежом и должно восприниматься в качестве базового принципа ликвидации и в российском праве. Тем более что эта идея находит косвенное подтверждение и в действующем законодательстве: ликвидатор может

¹ Как представляется, А.Г. Карапетов и Д.В. Новак не в полной мере обращают внимание на данное обстоятельство, вследствие чего излишне подробно обсуждают конкретные казусы касательно возможности или невозможности акселерации разных типов обязательств (долга из синаллагматического договора; из договора с отдаленным исполнением; из договора, предполагающего «осуществление периодических обменных операций» и т.д.) (см. там же. С. 1468–1470 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

² См. об этом, например: там же. С. 1468–1469 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак). Обе обозначенные проблемы не являются специальными только для ликвидации, а скорее касаются общего порядка расчета и порядка выплаты убытков, поэтому они заслуживают отдельного анализа, выходящего за рамки настоящей статьи.

приступить к составлению (окончательного) ликвидационного баланса только после завершения расчетов с кредиторами (п. 6 ст. 63 ГК). Кроме того, согласно ст. 64.1 ГК по российскому праву ликвидатор может нести прямую ответственность перед кредиторами в случае нарушения порядка ликвидации.

Если мы четко придерживаемся принципа, что ликвидация не может завершиться, пока остаются неудовлетворенными требования кредиторов, то никакая дополнительная акселерация не требуется. Весьма любопытно, что из этого исходил при регулировании рассматриваемого вопроса Проект Гражданского Уложения. Проект не содержал никаких норм об автоматическом созревании долгов ликвидируемого товарищества. Напротив, в Проекте было предусмотрено правило о том, что ликвидатор акционерного товарищества должен уплачивать долги «по мере наступления сроков» (ст. 2379), а в комментарии прямо отмечалось, что при внебанкротной ликвидации кредиторы не имеют права требовать досрочного удовлетворения своих требований¹. Более того, согласно Проекту ликвидатор полного товарищества должен был не только (а) покрыть расходы на ликвидацию, а также удовлетворить долги товарищества, сроки по которым уже наступили, но и (б) «отчислить соответствующие суммы» в том числе в отношении долгов, срок исполнения по которым еще не наступил, и спорных долгов (ст. 2210)². Такое «отчисление» было необходимо, в частности, «если между ликвидаторами и верителями товарищества не состоится соглашения относительно досрочного удовлетворения»³. В отношении ликвидации акционерного товарищества была также предусмотрена обязанность ликвидатора «отчислять суммы» в отношении долгов, «которые явствуют из книг или дел товарищества, но по которым верители не явились за получением удовлетворения в установленный статьей 2371 годовой срок» (ст. 2379). При ликвидации акционерных товариществ соответствующие суммы должны были вноситься «на хранение в контору или отделение государственного банка (или в уездное казначейство)» (ст. 2380), т.е. фактически на специально регулируе-

¹ См.: Гражданское Уложение. Проект Высочайше утвержденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. С. 1009–1010.

² См. там же. С. 840.

Судя по всему, схожее регулирование существовало в российском праве и до этого (см.: *Писемский П.* Указ. соч. С. 219), но только применительно к отдельным типам акционерных товариществ (см.: *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. С. 356).

³ См.: Гражданское Уложение. Проект Высочайше утвержденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. С. 840.

мый депозитный счет¹. До момента погашения долгов перед третьими лицами ликвидатор не мог ни распределять активы среди участников товарищества, ни приступать к завершению ликвидации (ст. 2381)². Однако в случае прекращения обеспеченного требования третьего лица (в том числе по причине пропуска давности), а также суммы, находящиеся в «депозите», могли идти на погашение требований иных неудовлетворенных кредиторов, а в их отсутствие — распределяться среди участников товарищества³.

Такая же логика должна быть воспринята и современным российским правом. После введения ликвидации ликвидатор должен лишь продолжать исполнять обязательства юридического лица по мере их созревания без какой-либо акселерации. В зависимости от решения ликвидатора о разумных сроках ликвидации он может посчитать обоснованным выйти из некоторых долгосрочных обязательств, воспользовавшись правом на односторонний отказ (если таковое имеется) или возместив контрагенту, не имеющему права требовать исполнения в натуре, убытки. Кроме того, в тех (вероятнее всего, крайне редких) случаях, когда кредитор по некоторому (прежде всего денежному) обязательству с отдаленным сроком исполнения (например, получатель ренты) не заявляет отказ от договора в связи с близящейся ликвидацией на основании п. 2 ст. 328 ГК⁴. В такой ситуации, по примеру немецкого права (о чем речь шла выше) и Проекта Гражданского Уложения⁵, российский правопорядок должен предоставить ликвидатору возможность завершить ликвидацию, дав соответствующему кредитору достаточное обеспечение исполнения обязательства. Обеспечение для этих целей должно толковаться максимально широко и включать в себя не только обычные способы обеспечения (например, независимую гарантию банка), но и любые иные способы удовлетворения позитивного интереса кредитора (например, перевод долга на одного из участников ликвидируемого юридического лица). Если такое обе-

¹ См.: Гражданское Уложение. Проект Высочайше утвержденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. С. 1010.

² См. там же. С. 1010–1012.

³ См. там же. С. 1011.

⁴ Также см. о последствиях незааявления кредитором требований в ходе ликвидации в разд. 3.5.

⁵ См.: Гражданское Уложение. Проект Высочайше утвержденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. С. 1010–1011 (возможность дать обеспечение по несозревшим долгам (ст. 2379–2380) — это способ скорее завершить ликвидацию, не дожидаясь наступления долгих сроков на созревание обязательств).

спечение не является достаточным, то у кредитора появляется право возражать против завершения ликвидации, а также возможность в последующем взыскивать убытки с ликвидатора (ст. 64.1 ГК).

Автоматическая акселерация необоснованно затрудняет некоторые варианты прекращения дел юридического лица. Наконец еще один аргумент против нормы об автоматическом созревании долгов при принятии решения о ликвидации состоит в том, что эта норма существенно затрудняет или даже делает невозможными все варианты ликвидации, помимо немедленного прекращения дел юридического лица. Фактически автоматическая акселерация противоречит идее о дискреции ликвидатора в отношении того, каким образом организовать прекращение дел юридического лица. Ликвидатор несет фидуциарные обязанности перед юридическим лицом в отношении того, чтобы максимально выгодным образом осуществить процедуру ликвидации. В рамках этих фидуциарных обязанностей у ликвидатора должна быть свобода выбора, помимо прочего, в отношении временных пределов и порядка прекращения дел юридического лица. Это означает, в частности, следующее.

Во-первых, процедура ликвидации совершенно необязательно должна быть организована таким образом, чтобы сразу после принятия решения о ликвидации прекращать все дела юридического лица. Например, если для максимизации выгодности ликвидации разумнее не распродать немедленно все имущество, а некоторое время продолжать операционную деятельность для исполнения имеющихся обязательств перед контрагентами, то ликвидатор, без сомнения, должен иметь возможность выстроить процесс ликвидации именно таким образом¹. Примечательно, что и в дореволюционном праве², и в Проекте Гражданского Уложения³ имелись специальные нормы на случай, когда процесс ликвидации товарищества продолжается несколько лет, что вполне логично, если рассматривать ликвидационную процедуру

¹ См. в поддержку, например: *Bachner T.* Op. cit. § 268. Rn. 3, 23–24; *Servatius W.* Op. cit. § 70. Rn. 4.

Здесь возникает вопрос о том, в какой степени для этого ликвидатору требуется одобрение участников юридического лица, однако мы бы хотели вынести его анализ за рамки настоящей статьи, так как он, строго говоря, не затрагивает проблематику влияния ликвидации на обязательства, а касается узкой проблемы распределения полномочий по управлению юридическим лицом между участниками и ликвидатором.

² См.: *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. С. 356.

³ См.: Гражданское Уложение. Проект Высочайше утвержденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. С. 1007–1008.

как способ упорядоченного прекращения дел юридического лица. Автоматическая же акселерация фактически лишает ликвидатора такой гибкости и тем самым понижает эффективность самой процедуры ликвидации.

Во-вторых, норма об автоматическом созревании долгов делает практически невозможной продажу бизнеса ликвидируемого лица целиком или в существенной части. Конечно, такой вариант ликвидации вряд ли был бы слишком распространен, поскольку более логичным и простым способом структурирования такой продажи, без сомнения, является внеликвидационная сделка с акциями или долями коммерческого юридического лица, совершаемая самими участниками. Однако нельзя исключать, что участники могут оказаться не способны договориться об условиях такой продажи или в отличие от ликвидатора не смогут найти покупателя на соответствующий актив. В любом случае в иностранной литературе вариант продажи ликвидатором именно бизнеса ликвидируемого юридического лица как совокупности активов обязательно рассматривается как один из стандартных вариантов прекращения его дел¹ (и ликвидатор, который не использует возможность осуществить такую продажу, будет за это отвечать)².

В то же время российское правило об акселерации долгов при принятии решения о ликвидации (п. 4 ст. 61 ГК) фактически блокирует данную возможность. После такой акселерации по всему объему кредиторской задолженности бизнес должника, скорее всего, оказывается обречен на ликвидацию и распродажу отдельных активов. Конечно, ликвидатор может оказаться способен договориться с кредиторами (или их частью) о том, что те не будут досрочно взыскивать долги (тем более что при продаже бизнеса целиком ему также, скорее всего, потребуется получать их согласия). Однако п. 4 ст. 61 ГК существенно ухудшает переговорные возможности ликвидатора в данном отношении, поскольку кредиторы могут и не согласиться на отказ от прав, вытекающих из закона, не выговорив для себя дополнительных выгод. Кроме того, в отсутствие акселерации ликвидатору некоторых типов бизнесов, возможно, даже не пришлось бы вступать в какие-либо переговоры с кредиторами по поводу их согласия на продажу. Так, если бизнес ликвидируемого юридического лица, например, состоит в сдаче в аренду собственных помещений, в отсутствие акселерации он

¹ См., например: *Servatius W.* Op. cit. § 70. Rn. 3.

² См., например: *Müller H.-F.* Op. cit. § 70. Rn. 16; *Bachner T.* Op. cit. § 268. Rn. 4–6.

мог бы быть продан как минимум без получения каких-либо согласий со стороны арендаторов.

Как следствие, правило об автоматической акселерации создает напрасные затруднения для любых потенциальных вариантов завершения хозяйственной деятельности ликвидируемого юридического лица, помимо немедленного прекращения всей деятельности.

Таким образом, в целом норма о досрочном созревании обязательств при принятии решений о ликвидации (п. 4 ст. 61 ГК) выглядит крайне противоречивой и спорной. Представляется, что российскому правопорядку следовало бы в максимальной степени отказаться от ее применения и пойти по пути континентальных правопорядков, которым рассматриваемое правило неизвестно.

3.4.2. Роль промежуточного ликвидационного баланса в ликвидации

Второй блок вопросов, которые относятся к исполнению обязательств в период ликвидации и регулирование которых в отечественном праве выглядит по меньшей мере спорным (а на самом деле крайне плохо продуманным), связан с так называемым промежуточным ликвидационным балансом (далее — промежуточный баланс).

В соответствии с нормами ГК после введения ликвидации ликвидатор обязан опубликовать сообщение о его ликвидации и о порядке и сроке заявления требований его кредиторами, который не может быть менее двух месяцев (абз. 1 п. 1 ст. 63 ГК). После этого кредиторы должны заявить свои требования в адрес юридического лица, на основании чего по окончании указанного срока ликвидатор составляет промежуточный баланс, который должен содержать «сведения о составе имущества ликвидируемого юридического лица, перечне требований, предъявленных кредиторами, результатах их рассмотрения, а также о перечне требований, удовлетворенных вступившим в законную силу решением суда, независимо от того, были ли такие требования приняты ликвидационной комиссией» (абз. 1 п. 2 ст. 63 ГК). Этот промежуточный баланс утверждается участниками (или иным органом) юридического лица (абз. 2 п. 2 ст. 63 ГК), и далее именно в соответствии с ним ликвидатор производит «выплату денежных сумм» кредиторам ликвидируемого юридического лица, притом в порядке очередности, установленной ст. 64 ГК.

Приведенное регулирование сильно отличает российский правопорядок от континентальных, где зачастую процедура ликвидации

не предполагает составление какого-либо промежуточного ликвидационного баланса как исключительного основания для расчетов с кредиторами. Весьма любопытно отметить, что в отличие от действующего законодательства Проект Гражданского Уложения предусматривал обязанность ликвидатора «немедленно по вступлении в управление своих обязанностей» составить баланс, который отражал бы как активы, так и пассивы ликвидируемого полного товарищества (ст. 2206)¹ или акционерного товарищества (ст. 2375)². Таким образом, составление ликвидационного баланса предшествовало оповещению кредиторов о начавшейся процедуре ликвидации и преследовало цель уточнить состояние дел юридического лица, а не выступало основанием и условием для расчетов с кредиторами.

Можно выделить два основных недостатка современных российских правил о промежуточном балансе: (а) неясно, почему до утверждения промежуточного баланса не должны исполняться обязательства перед кредиторами, и (б) закон использует крайне неудачные формулировки относительно того, в какой форме и в какой очередности удовлетворяются требования кредиторов.

Проблема исполнения обязательств до утверждения промежуточного баланса. При буквальной интерпретации упомянутых выше норм ГК получается, что после введения ликвидации юридическое лицо может приступить к исполнению обязательств перед кредиторами *только после* того, как утвержден промежуточный баланс. Такой взгляд подкрепляется абсолютно парадоксальными нормами Закона об исполнительном производстве³, согласно которым введение добровольной ликвидации влечет окончание исполнительного производства в отношении юридического лица и снятие всех арестов и иных ограничений, наложенных в ходе такого исполнительного производства (ч. 4 ст. 96). Эти нормы нередко толкуются таким образом, что после начала процедуры ликвидации исполнение любых обязательств ликвидируемого лица производится именно в порядке, описанном в ГК, т.е. на основании промежуточного баланса⁴.

¹ См.: Гражданское Уложение. Проект Высочайше утвержденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. С. 837.

² См. там же. С. 1007.

³ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

⁴ См., например: постановление АС Волго-Вятского округа от 07.11.2022 по делу № А28-158/2022.

Аналогичным образом суды порой признают незаконным бесспорное списание дебиторских средств со счета ликвидируемого юридического лица, так как это якобы нару-

Такое решение выглядит крайне странным и спорным. Если срок исполнения обязательства наступает в период *после* введения внебанкротной ликвидации, но *до* утверждения промежуточного баланса, почему кредитор вдруг утрачивает возможность принудительного исполнения своего требования в соответствии с программой обязательства?¹ На каком основании законодатель в данной ситуации фактически объявляет своеобразный мораторий на принудительное взыскание долга? Нельзя забывать, что внебанкротная ликвидация предполагает достаточность средств должника для исполнения всех обязательств и точно не является обстоятельством, риск наступления которого следует возлагать на кредиторов. Раз так, то сложно отыскать резон, почему за счет введения ликвидации должник вдруг приобретает своеобразную отсрочку в отношении исполнения своих обязательств².

Поэтому в действительности рассматриваемое решение российского законодателя едва ли имеет под собой какое-либо стройное обоснование. Введение внебанкротной ликвидации вряд ли может быть признано достаточной причиной для каких-либо задержек или отсрочек в исполнении обязательств юридического лица.

Неудачность формулировок закона о форме и очередности удовлетворения требований кредиторов. В отечественной литературе иногда высказывается мнение, в соответствии с которым после введения ликвидации в принципе невозможным оказывается исполнение обязательств в натуре (кроме денежных обязательств). Так, А.В. Габов считает, что ГК «не предполагает никакой возможности удовлетворить

шает установленный ГК порядок удовлетворения требований кредиторов в ходе ликвидации. См.: постановление АС Дальневосточного округа от 11.10.2016 по делу № А37-2314/2015.

См. также: *Егоров А.В.* Дело о признании банкротом муниципального унитарного предприятия Южного административного округа г. Оренбурга // Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Избранные постановления за 2004 год с комментариями / под ред. А.А. Иванова. М., 2007 (СПС «КонсультантПлюс»).

¹ Ср. с дореволюционным регулированием: *Писемский П.* Указ. соч. С. 218 («...кредиторы [ликвидируемой компании], срок уплаты по обязательствам которых наступил, не обязаны ждать»).

² Это становится еще сложнее понять, если учитывать рассмотренное выше правило об акселерации. Получается, что, с одной стороны, все долги ликвидируемого юридического лица созревают с принятием решения о ликвидации (п. 4 ст. 61 ГК), но с другой — исполнение указанных долгов откладывается до момента утверждения ликвидационного баланса (п. 5 ст. 63 ГК). Объяснить логику такого подхода, дающего должнику сверхзащиту при принятии решения о внебанкротной ликвидации, чрезвычайно сложно.

требования кредиторов каким-либо иным образом, кроме выплаты им денежных средств»¹.

Эта точка зрения основывается на не вполне точных формулировках п. 5 ст. 63 и ст. 64 ГК. Так, в п. 5 ст. 63 ГК речь идет о «выплате денежных сумм» кредиторам ликвидируемого юридического лица в порядке очередности, установленном ст. 64 ГК. Сама же ст. 64 ГК, описывая каждую из указанных очередей, говорит главным образом о «расчетах» с кредиторами. Такие формулировки действительно не могут не наводить на мысль, что законодатель предполагает исключительно *денежные* расчеты с кредиторами, т.е. неденежные обязательства исполняться в натуре не могут. При этом описанные расчеты почему-то должны производиться в строгом соответствии с очередями, описанными в п. 1 ст. 64 ГК, и кредиторы каждой следующей очереди должны получать удовлетворение только после завершения расчетов с кредиторами предшествующей очереди (п. 2 ст. 64 ГК). Более того, очередность, установленная в ст. 64 ГК, является весьма сложной. Например, текущие расходы оплачиваются до всех очередей (абз. 1 п. 1 ст. 64 ГК); требования о взыскании упущенной выгоды или неустойки удовлетворяются в «пятую очередь» (абз. 7 п. 1 ст. 64); установлен приоритет залогового кредитора перед некоторыми иными кредиторами (п. 2 ст. 64); в доктрине есть мнение, что незаъявленные в установленный срок требования кредиторов попадают в самую последнюю очередь², и т.д.

В то же время такой подход к толкованию упомянутых норм ГК, по-видимому, следует считать чересчур формалистичным и буквальным. Формулировки ст. 63 и особенно ст. 64 ГК очевидно перекочевали в ГК из законодательства о банкротстве, притом без необходимых корректировок, которые бы учитывали, что в ходе внебанкротной ликвидации (в отличие от ликвидации банкротной), как уже упоминалось выше, отсутствует необходимость приводить к общему знаменателю требования кредиторов за счет их перевода в денежный эквивалент. В рамках внебанкротной ликвидации очередность удовлетворения требований *в принципе не должна иметь значения*, так как юридическое лицо способно удовлетворить требования всех кредиторов³. Как следствие,

¹ См.: *Габов А.В.* Реорганизация и ликвидация юридических лиц. Пункт 6 комментария к ст. 63.

² Подробнее см. разд. 3.5.

³ О неудачности положений ГК, устанавливающих очередность удовлетворения требований кредиторов во внебанкротной ликвидации, см.: *Егоров А.В.* Дело о призна-

рассматриваемые положения закона надо толковать ограничительно: в действительности они рассчитаны главным образом на использование в контексте банкротства, а потому, если и могут применяться за его пределами, то с необходимыми корректировками с учетом допустимости исполнения обязательств перед кредиторами в натуре¹. Эта идея находит поддержку и в Концепции, где в явном виде предлагалось в перспективе отказаться от установления в ГК очередей удовлетворения требований кредиторов в рамках внебанкротной ликвидации «ввиду предполагаемой достаточности имущества»². Как представляется, такой отказ может быть реализован уже сейчас за счет описанного выше варианта телеологической редукции ст. 63 и 64 ГК.

В целом можно констатировать, что российские правила о том, каким образом происходит исполнение обязательств перед кредиторами после принятия решения о ликвидации, являются чрезвычайно спорными и неоднозначными. Как было показано выше, сложно отделаться от ощущения, что законодатель по не вполне ясным причинам распространил на внебанкротную ликвидацию подходы, которые более разумно было бы использовать только в сфере банкротной ликвидации. Ни автоматическая акселерация, ни ограничение на удовлетворение требований кредиторов до утверждения промежуточного баланса, ни установление каких-либо очередей расчетов не соответствуют базовому представлению, что во внебанкротной ликвидации юридическое лицо имеет достаточные средства для погашения всех долгов. Как было показано выше, введение ликвидации не должно влечь каких-либо существенных изменений в обязательственно-правовом положении должника: по общему правилу его обязательства перед третьими ли-

нии банкротом муниципального унитарного предприятия Южного административно-го округа г. Оренбурга (СПС «КонсультантПлюс»).

Что характерно, в Германии и Франции в принципе отсутствуют какие-либо очереди удовлетворения кредиторов юридического лица, ликвидируемого за рамками банкротства (см., например: *Müller H.-F.* Op. cit. § 73. Rn. 18; *Camensuli-Feuillard L.* Op. cit. n° 266).

¹ Такое толкование норм ГК о ликвидации, при котором допускается исполнение обязательств в натуре в ходе ликвидации, встречается и в судебной практике. См.: постановление АС Западно-Сибирского округа от 02.03.2020 по делу № А46-9491/2019 (суд признал допустимым заявление требований о возмещении неосновательного обогащения *в натуре*).

² См.: разд. I подразд. 5 п. 2.10 Концепции.

Тем удивительнее, что в практике Президиума ВАС РФ сделки зачета «в нарушение» очередности удовлетворения требований при внебанкротной ликвидации последовательно признавались ничтожными. См.: постановления Президиума ВАС РФ от 22.03.2006 № 12595/05 и от 16.11.1999 № 1273/99.

цами должны исполняться в обычном порядке без какой-либо автоматической акселерации или необоснованных отсрочек на подготовку промежуточного баланса.

3.5. Последствия неза я в л е н и я кредиторами требований в процедуре ликвидации

Еще одна существенная особенность российского регулирования процедуры ликвидации состоит в том, что в отличие от западных правовых порядков *любым кредиторам* следует заявлять о своих требованиях к юридическому лицу *ввиду существующего риска их прекращения*.

Как уже указывалось выше, согласно абз. 1 п. 1 ст. 63 ГК ликвидатор должен опубликовать сообщение о его ликвидации и о порядке и сроке заявления требований его кредиторами, который не может быть меньше двух месяцев с момента публикации. При этом абз. 2 того же пункта также говорит, что ликвидатор «принимает меры по выявлению кредиторов и получению дебиторской задолженности, а также уведомляет в письменной форме кредиторов о ликвидации юридического лица». Как эти положения закона соотносятся между собой, а главное — каковы последствия того, что кредитор (хотя бы он и был известен юридическому лицу) не заявит об имеющемся требовании?

К сожалению, российская судебная практика по данному вопросу не вполне единообразна¹.

С одной стороны, еще до реформы ГК 2014 г. Президиум ВАС РФ последовательно сформировал следующий подход к толкованию п. 1 ст. 63 ГК. Ликвидатор должен не просто опубликовать сообщение о ликвидации, но и «совершать действия, направленные на разрешение надлежащим образом вопросов, касающихся расчетов с кредиторами, в том числе заблаговременно направлять известным им кредиторам письменные уведомления с тем, чтобы последние имели реальную возможность реализовать право на предъявление требований в пределах срока, установленного... ликвидатором»². Более того, Президиум

¹ На это вполне справедливо обращается внимание в литературе: *Борисенко А.В.* Варианты поведения кредитора при добровольной ликвидации должника. Анализ судебной практики // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 5. С. 166–171.

² См. прежде всего: Постановление Президиума ВАС РФ от 13.05.2014 № 127/14. Сходную позицию также см.: постановления Президиума ВАС РФ от 15.07.2014 № 4407/14, от 05.03.2013 № 14449/12, от 05.01.2013 № 11925/12 и от 13.10.2011 № 7075/11.

Также об указанной практике см.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федера-

ВАС РФ последовательно признавал недостоверным такой ликвидационный баланс, который был составлен ликвидатором «без учета обязательств ликвидируемого лица, о наличии которых было доподлинно известно». Как следствие, если, завершая процедуру ликвидации, ликвидатор представляет в налоговые органы подобный недостоверный ликвидационный баланс, то любое дальнейшее исключение юридического лица из ЕГРЮЛ может быть в судебном порядке признано недействительным. Этот подход находит продолжение и в текущей практике СКЭС ВС РФ, которая также исходит из недопустимости завершения ликвидации на основании ликвидационных балансов, составленных «без учета обязательств ликвидируемого лица, о наличии которых было доподлинно известно, и которые не по вине кредиторов не были отражены в балансах»¹. Наконец, рассматриваемый вариант толкования закона скорее преобладает и в решениях окружных судов: они весьма часто признают недействительными решения налоговых органов об исключении юридического лица из ЕГРЮЛ (и (или) привлекают ликвидатора к ответственности), если ликвидатор незаконно проигнорировал *известные* требования третьих лиц (особенно, если такие требования были подтверждены судебным решением)².

С другой стороны, суды порой игнорируют приведенную практику высших судебных инстанций и полагают, что если (а) ликвидатор опубликовал сообщение о процедуре ликвидации и (б) кредитор до ее завершения (или даже до истечения срока заявления требований, установленного согласно абз. 1 п. 1 ст. 63 ГК) не направил свое требование, то ликвидация считается произведенной в соответствии с законом, несмотря на то, что о соответствующем непогашенном обязательстве фактически было известно ликвидатору³. Соответственно,

ции / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1492–1493 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

¹ Определение СКЭС ВС РФ от 31.03.2016 № 304-ЭС15-16673. См. также: Определение СКЭС ВС РФ от 27.05.2015 № 310-ЭС14-8980.

² См., например: постановления АС Волго-Вятского округа от 06.10.2021 по делу № А11-5461/2020; АС Восточно-Сибирского округа от 26.01.2023 по делу № А33-1916/2020; АС Дальневосточного округа от 12.12.2022 по делу № А51-1123/2021; АС Западно-Сибирского округа от 28.04.2022 по делу № А46-11919/2021; АС Московского округа от 03.12.2020 по делу № А40-336812/2019; АС Северо-Западного округа от 25.03.2022 по делу № А56-108779/2019; АС Северо-Кавказского округа от 29.09.2021 по делу № А32-35356/2020; АС Уральского округа от 08.06.2020 по делу № А60-34854/2019 и АС Центрального округа от 24.03.2022 по делу № А83-271/2021.

³ См., например: постановления АС Уральского округа от 24.03.2021 по делу № А76-29298/2017; АС Дальневосточного округа от 30.08.2021 по делу № А24-5787/2020; АС

впоследствии ни исключение юридического лица из ЕГРЮЛ не может быть оспорено, ни ликвидатор — привлечен к ответственности. В качестве характерного примера можно привести постановление АС Московского округа, в котором суд поддержал правильность действий ликвидатора по невключению в ликвидационный баланс требований кредитора, поскольку тот хотя и подал иск к ликвидируемому лицу, но при этом не направил формального требования в рамках процедуры ликвидации¹. Как ни удивительно, такая позиция тоже находила поддержку в практике Президиума ВАС РФ. Так, в п. 6 Информационного письма от 21.12.2005 № 104 (Обзор практики применения арбитражными судами норм Гражданского кодекса РФ о некоторых основаниях прекращения обязательств) Президиум ВАС РФ указал, что продавец, поставивший товар ликвидированному учреждению, утрачивает право требования (и в том числе не может обращаться с ним к собственнику имущества учреждения), если не заявляет его в ходе процедур ликвидации (хотя учреждению-покупателю, конечно же, было известно об имевшемся долге)².

Парадоксальным образом реформа ГК 2014 г. добавила неясности в отношении того, что происходит, если кредитор пропускает установленный ликвидатором срок на заявление требования согласно абз. 1 п. 1 ст. 63 ГК, но успевает заявить его до завершения ликвидационных процедур. Дореформенный ГК содержал правило, согласно которому «требования кредитора, заявленные после истечения срока, установленного ликвидационной комиссией для их предъявления, удовлетворяются из имущества ликвидируемого юридического лица, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, заявленных в срок» (п. 5 ст. 64). Однако в ходе реформы ГК 2014 г. эта норма была исключена, в результате чего теперь неизбежно складывается ощущение, будто законодатель

Московского округа от 25.10.2022 по делу № А40-274534/2021 и от 16.08.2018 по делу № А40-195068/17; АС Поволжского округа от 27.09.2016 по делу № А65-28628/2015; ФАС Уральского округа от 14.08.2012 по делу № А60-537/2011; АС Северо-Западного округа от 25.07.2022 по делу № А56-98692/2021/.

¹ См.: постановление АС Московского округа от 28.03.2017 № Ф05-1534/2017 («Гражданским законодательством Российской Федерации предусмотрен специальный порядок удовлетворения требований кредиторов при добровольной ликвидации юридического лица. Если кредитор не заявил ликвидационной комиссии свои требования в срок, указанный в пункте 1 статьи 63 Гражданского кодекса Российской Федерации, оснований для признания ликвидационного баланса недостоверным не имеется»).

² См.: Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 814 (автор комментария к ст. 419 ГК — А.А. Павлов).

имел в виду, что рассматриваемый срок имеет пресекательный характер и требование, заявленное с его пропуском (хотя бы и до завершения ликвидации), не подлежит удовлетворению¹.

Подход, при котором от кредиторов требуется активное заявление требований под страхом их утраты, выглядит весьма спорным². На первый взгляд может показаться, что его можно было бы попробовать оправдать тем, что «право любит активных», а следовательно, пассивный кредитор, не соблюдающий установленную процедуру для заявления требований, не заслуживает защиты вне зависимости от того, известно ли должнику о соответствующем требовании³. Однако это крайне неубедительная позиция. Почему в самом деле кредитор должен специально отслеживать публикации о ликвидации каждого своего должника под страхом того, что, не заявив вовремя требование в ходе ликвидации, он утратит возможность получить какое-либо удовлетворение?⁴ Почему кредиторы в принципе должны в связи с ликвидацией предпринимать какие-либо дополнительные действия для реализации своих притязаний, хотя (а) должнику по общему правилу прекрасно известно об абсолютном большинстве своих долгов и (б) предстоящая ликвидация должника никак не может являться обстоятельством, риск которого несут кредиторы?

Жизнь участника оборота не должна превращаться в ежедневную проверку публикаций о том, не введена ли в отношении кого-либо из его должников ликвидация. Для должника же в рассматриваемой ситуации ничего не меняется: он как до решения о ликвидации был обязан исполнять свои обязательства перед кредиторами, так и после этого решения обязан продолжать делать то же самое. Кроме того, сама

¹ Но ср.: *Габов А.В.* Реорганизация и ликвидация юридических лиц. Пункт 2 комментария к ст. 63 (автор фактически не замечает того, что в результате произошедшей реформы п. 5 ст. 64 ГК был исключен, и отказывается считать рассматриваемый срок пресекательным).

² Аналогичную точку зрения см.: *Егоров А.В.* Юридическое лицо. С. 72.

³ Здесь, правда, стоит заметить, что, кроме ст. 419 ГК (критику которой см. в разд. 4.2–4.3), в российском позитивном праве отсутствует норма, из которой бы явно следовало, что требования, не заявленные в ликвидации, прекращаются. Законодатель прямо перечисляет в п. 5.1 ст. 64 ГК те требования кредиторов, которые погашаются при ликвидации: (а) требования, не удовлетворенные ввиду отсутствия средств (подп. 1), (б) требования, не признанные ликвидатором (подп. 2), и (в) требования, в которых было отказано в суде (подп. 3). Однако данный перечень не включает такие требования, которые всего лишь не были заявлены.

Впрочем, это не мешает преобладающей доктрине исходить из того, что требования, которые не были заявлены, погашаются (см. разд. 4.5.2).

⁴ Схожую аргументацию см.: *Борисенко А.В.* Указ. соч. С. 169.

идея установления какого-либо пресекательного срока на заявление требований в ликвидации (абз. 1 п. 1 ст. 63 ГК) выглядит достаточно парадоксальной: юридическое лицо вполне легко может стать должником по обязательству перед третьим лицом за пределами этого срока (например, в результате совершения деликта работником). Неужели это может означать, что кредитор по такому обязательству в принципе не сможет заявить свое требование?

Подход континентальных правовых порядков, при котором ликвидатор не может отмахнуться от *известных* ему кредиторов (а вернее сказать, *известных* требований, так как могут быть такие требования, фигура кредитора по которым неизвестна должнику) только по той причине, что ими не были совершены активные действия по установлению своих требований, выглядит намного более обоснованным и соответствующим принципу автономии воли. Такое же регулирование предусматривалось и в Проекте Гражданского Уложения в отношении ликвидации дел акционерного товарищества. С одной стороны, в ст. 2371 прямо устанавливалась обязанность ликвидатора «вызывать верителей» для предъявления требований в течение года с последней из соответствующих публикаций, а также пригласить «посредством письменных извещений, посылаемых заказным порядком» тех верителей товарищества, место жительства которых известно¹. С другой стороны, из ст. 2379 и комментария к Проекту явно следовало, что незаявление кредиторами требований в указанный срок не освобождало бы ликвидатора от обязанности погасить или обеспечить долги, «которые явствуют из дел или книг товарищества, но по которым верители не явились за получением удовлетворения в установленный статьей 2371 годовой срок»² (о чем речь уже шла выше в разд. 3.4.1).

Более того, *любой кредитор*, долг перед которым не был погашен в ходе ликвидации, в том числе по причине того, что соответствующее требование не было заявлено и не было известно ликвидатору, все равно мог рассчитывать на получение удовлетворения, несмотря на завершение ликвидации. В частности, на основании ст. 2381 он мог пре-

¹ См.: Гражданское Уложение. Проект Высочайше утвержденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. С. 1003. Нельзя не отметить, что публикации должны были быть размещены также в газетах, издаваемых на французском и немецком языках.

² См. там же. С. 1003–1004, 1009–1010.

См. также: *Писемский П.* Указ. соч. С. 218 («Несмотря на ликвидацию и объявление о ней, кредиторы не обязаны предъявлять своих требований; они сохраняют право на иск в течение всего давностного срока»).

тендовать на любое еще не распределенное имущество товарищества, т.е., в частности, на (а) имущество ликвидированного товарищества, обнаруженное после завершения ликвидации, (б) суммы, перечисленные в счет обеспечения требований перед иными кредиторами, но не востребованные в пределах давности по таким требованиям, и (в) суммы, недобросовестно распределенные среди участников товарищества¹. Кроме того, у «забытого» кредитора, чье требование было известно ликвидатору, возникало прямое требование к ликвидатору о возмещении убытков².

Такой же подход следовало бы воспринять и отечественному правопорядку. Во-первых, суды должны ориентироваться на позицию, сформулированную еще Президиумом ВАС РФ, а затем повторенную и СКЭС³: ликвидатор не может завершать ликвидацию, не обеспечив удовлетворение всех *известных* ему требований, невзирая на то, было ли такое требование заявлено в рамках процедуры ликвидации. Во-вторых, если у ликвидатора отсутствует информация о том, кто является кредитором по известному ему обязательству, то исполнение (платеж денежных средств) просто должно производиться в депозит (ст. 327 ГК). В-третьих, если ликвидатор приступает к завершению ликвидации, не исполнив какие-либо из известных требований, т.е. все основания для привлечения его к ответственности перед соответствующими кредиторами (п. 2 ст. 64.1 ГК). Исключение записи о юридическом лице из ЕГРЮЛ в таком случае также может быть признано недействительным.

4. Влияние ликвидации на обязательства

Как уже отмечалось выше, проблема того, как ликвидация (в узком смысле) сказывается на обязательствах юридического лица, является крайне запутанной с точки зрения российского права. Это связано во многом с тем, что в отечественном правопорядке до сих пор непроясненным остается вопрос о моменте окончательного прекращения юридического лица. Происходит ли оно непосредственно при исключении записи о нем из ЕГРЮЛ? Или же пореформенный п. 5.2 ст. 64 ГК требует более гибкого ответа на вопрос о моменте прекращения юридического лица?

¹ См.: Гражданское Уложение. Проект Высочайше утвержденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. С. 1011–1012.

² См. там же. С. 1012.

³ См. судебную практику в сн. 2 на с. 47, сн. 1 и 2 на с. 48. настоящей статьи.

Ввиду запутанности указанной проблемы с точки зрения российского права представляется разумным начать настоящий раздел с рассмотрения того, какие варианты ее разрешения существуют в континентальных правовых порядках (разд. 4.1). Затем мы продемонстрируем спорность российского подхода, в соответствии с которым исключение юридического лица из реестра прекращает его обязательства (ст. 419 ГК) (разд. 4.2), а также противоречивость применимых норм действующего законодательства (разд. 4.3). Далее мы проанализируем возможные варианты примирения противоречий между различными нормами ГК в отношении влияния ликвидации на обязательства (разд. 4.4) и покажем, как они могут использоваться при решении частных вопросов о воздействии ликвидации на различные элементы обязательственных отношений (разд. 4.5).

4.1. Последствия исключения юридического лица из реестра в иностранных правовых порядках

В континентальных правовых порядках отсутствует полное единообразие в отношении того, (а) в какой момент происходит прекращение юридического лица, (б) как исключение юридического лица из реестра влияет на его обязательства, а также (в) что происходит с теми его правами требования, которые могут обнаружиться после такого исключения (такие права требования, а равным образом иное имущество, принадлежавшее юридическому лицу, исключенному из реестра, мы будем в дальнейшем условно именовать постликвидационной массой). Тем не менее можно обнаружить некоторые сходства между тем, как указанные вопросы решаются в Германии и Франции (и подобная синхронность между этими двумя правовыми порядками, чье частноправовое регулирование редко отличается схожестью, не может не наводить на мысль, что и российскому правовому порядку следовало бы обратить на их пример самое пристальное внимание).

В Германии долгое время было принято считать, что в силу принципа внесения запись в реестре о ликвидации юридического лица (так же, как и запись о его создании) имеет абсолютно конститутивный эффект, т.е. обладает полной публичной достоверностью¹. Иными словами,

¹ См. об этом, например: *Berner G.* Op. cit. § 60. Rn. 33.

Еще раньше распространенным был взгляд, в соответствии с которым исключение из реестра записи о юридическом лице обладает только декларативным эффектом, а юридическое лицо прекращается при исчерпании активов. Однако эта точка зрения на сегодняшний день активно критикуется ввиду сложности в определении момента

с этого момента юридическая личность прекращается вне зависимости от каких-либо внешних факторов. В то же время в немецком акционерном законе прямо закреплены правила, позволяющие при обнаружении нераспределенного имущества юридического лица провести дополнительные ликвидационные процедуры (*Nachtragsliquidation/Nachtragsabwicklung*) по его распределению (AktG § 273 Abs. 4¹). В случае проведения указанных ликвидационных процедур в реестре восстанавливается запись о юридическом лице с указанием, что оно находится в ликвидации (т.е. находится в том же ликвидационном состоянии, что и прежде)².

Сторонники абсолютно конститутивного эффекта исключения записи о юридическом лице предпринимали попытки объяснить наличие таких дополнительных ликвидационных процедур за счет того, что после погашения записи о юридическом лице (а) нераспределенные активы становятся общим имуществом его участников в силу возникновения между ними постликвидационного (неправосубъектного) товарищества, или (б) исключительно для целей *Nachtragsliquidation* возникает особая новая постликвидационная юридическая личность (*Nachgesellschaft*), находящаяся на грани между несубъектом и субъектом права и идентичная ликвидированному лицу³. Однако указанные попытки были отвергнуты преобладающей доктриной ввиду их внутренней противоречивости (если активы становятся общим имуществом участников корпорации, то, значит, те должны начать лично и солидарно отвечать по всем ее долгам? На каком юридическом основании активы прекратившегося юридического лица переходят к постликвидационному фиктивному юридическому лицу? По какой

прекращения юридического лица и вытекающей из этого правовой неопределенности. См. об этом, например: *Müller H.-F.* Op. cit. § 74. Rn. 29–30; *Bachner T.* Op. cit. § 262. Rn. 17. Несмотря на это, подобные взгляды пользуются некоторой популярностью среди российских исследователей (см.: *Миштахутдинов Р.Т.* Прекращение производства по делу о банкротстве ликвидируемого должника и теория персонифицированного имущества юридического лица // *Цивилистика.* 2023. № 2. С. 161–162).

¹ Столь же общее правило отсутствует в GmbHG, где прямо закреплена возможность постликвидационного распределения только на случай административного исключения GmbH из реестра ввиду отсутствия активов (GmbHG § 66(5)). Однако указанная норма AktG по аналогии применяется и при ликвидации GmbH (см., например: *Berner G.* Op. cit. § 60. Rn. 46; *Müller H.-F.* Op. cit. § 66. Rn. 52, § 74. Rn. 42; *Bachner T.* Op. cit. § 264. Rn. 8).

² См., например: *Limpert S.* Op. cit. § 65. Rn. 30.

³ См. об этом, например: *Berner G.* Op. cit. § 60. Rn. 33–34; *Bachner T.* Op. cit. § 273. Rn. 32.

причине такое фиктивное юридическое лицо идентично по своим правам и обязанностям уже ликвидированному юридическому лицу?) и формального несоответствия положениям закона¹.

Как следствие, на текущий момент преобладающей стала позиция, согласно которой исключение юридического лица из реестра (*Löschung*) является необходимым, но не единственным элементом для прекращения правосубъектности². Для полной ликвидации необходим так называемый двойной состав (*Doppeltatbestand*): (а) исключение из реестра в совокупности с (б) отсутствием нераспределенных активов³. Поскольку обычно у юридического лица к моменту исключения из реестра какие-либо активы в принципе отсутствуют, правосубъектность лица будет прекращаться именно в этот момент, а исключение записи чаще всего будет иметь конститутивный эффект⁴. Однако если после исключения записи о юридическом лице выясняется, что его активы не были полностью распределены, то такое исключение признается произведенным по ошибке, а запись о юридическом лице — подлежащей восстановлению (и такое восстановление, как и исключение до этого, не будет обладать конститутивным эффектом)⁵. Таким образом, реестр в рассматриваемом аспекте сохраняет свойство публичной достоверности, однако принцип внесения в данном случае имеет ограниченное действие, так как запись об исключении юридического лица может оказаться внесенной по ошибке⁶.

При этом отдельно стоит подчеркнуть, что в немецком праве ликвидация одной из сторон не называется среди оснований для прекращения обязательств. Как уже отмечалось выше, прекращение обязательств юридического лица должно рассматриваться в качестве предпосылки для ликвидации, а не *vice versa*. При этом право требования кредитора к юридическому лицу будет прекращаться только тогда, когда (а) о нем *не было известно* юридическому лицу и не было

¹ См.: *Berner G.* Op. cit. § 60. Rn. 32–34, 40; *Bachner T.* Op. cit. § 262. Rn. 89.

При этом указанные альтернативные позиции продолжают иметь своих сторонников. Так, теория *Nachgesellschaft* поддерживается в таком авторитетном издании, как *Münchener Kommentar zum Aktiengesetz* (см.: *Bachner T.* Op. cit. § 262. Rn. 7, 90–92; § 272. Rn. 13–15).

² См., например: *Servatius W.* Op. cit. § 74. Rn. 8, 14; *Paura J.* Op. cit. § 73. Rn. 6.

³ См., например: *Berner G.* Op. cit. § 60. Rn. 35; *Müller H.-F.* Op. cit. § 74. Rn. 32–33.

⁴ См., например: *Berner G.* Op. cit. § 60. Rn. 31.

⁵ См.: *Müller H.-F.* Op. cit. § 66. Rn. 83, § 74. Rn. 51.

⁶ См.: *Ibid.* § 74. Rn. 32.

заявлено кредитором в процедуре ликвидации и (б) ликвидация полностью завершена в соответствии с законом¹. В том же случае, когда соответствующее требование *было известно* ликвидированному лицу, требование не погашается, а ликвидатор может быть привлечен к ответственности за то, что ликвидация была завершена до погашения указанного требования². Если же у ликвидированного юридического лица остается имущество, то, как специально отмечается в немецкой литературе, не стоит бояться того, что оно «никогда не будет ликвидировано» — напротив, совершенно неясно, почему не завершенная полностью ликвидация может ухудшать положение кредиторов³.

Во Франции исключение из реестра записи о юридическом лице само по себе также не всегда прекращает его правоспособность⁴. В соответствии с общепринятой в доктрине точкой зрения юридическое лицо продолжает существовать, если сохранились какие-либо права или обязанности корпорации⁵ (исключения составляют ситуации ликвидации юридических лиц с одним участником (не являющимся физическим лицом) — в таком случае происходит универсальное правопреемство⁶). При этом любой кредитор или иное заинтересованное лицо вправе просить назначить *ad hoc* управляющего для распределения вновь обнаруженных активов⁷. Как и в Германии, во Франции

¹ См.: Müller H.-F. Op. cit. § 73. Rn. 11, § 74 Rn. 34; Bachner T. Op. cit. § 272. Rn. 15, 31; Paura J. Op. cit. § 73. Rn. 6.

² См.: Müller H.-F. Op. cit. § 73. Rn. 35–36, 43.

³ См.: Paura J. Op. cit. § 73. Rn. 6.

⁴ См., например: Camensuli-Feuillard L. Op. cit. n° 190–192.

⁵ См., например: Le Cannu P., Dondero B. Op. cit. n° 609; Germain M., Magnier V. Op. cit. n° 152 («La personnalité morale survit ainsi pour les besoins de la liquidation jusqu'à l'extinction des derniers liens créés par le contrat de société»), 159; Camensuli-Feuillard L. Op. cit. n° 288–290; Barbiéri J.-F. Application du droit commun à une société dont la liquidation des biens (ou la liquidation judiciaire) a été close pour insuffisance d'actif. BJS. 1995 janv. n° JBS-1995-020. P. 77.

В то же время, если в процессе ликвидации все права и обязанности юридического лица прекратились, то юридическое лицо торгового права (*société commerciale*) в той мере, в которой это касается участников этого лица, прекращает свое существование уже в момент принятия участниками решения об окончании ликвидации, т.е. еще до момента исключения из реестра записи об этом лице. Однако в отношениях с третьими лицами утрата юридическим лицом правоспособности приобретает свойство противопоставимости только с момента внесения изменений в реестр (см. об этом, например: Camensuli-Feuillard L. Op. cit. n° 268).

⁶ См.: Le Cannu P., Dondero B. Op. cit. n° 611–612.

⁷ См.: Germain M., Magnier V. Op. cit. n° 159.

ликвидация юридического лица не рассматривается в качестве основания для прекращения обязательств¹. Как уже было отмечено выше, прекращение юридического лица является следствием прекращения прав и обязанностей юридического лица (а не наоборот).

В Италии в отличие от уже рассмотренных правовых порядков после реформы 2003 г. запись о прекращении *società di capitali* по общему правилу обладает конститутивным эффектом (art. 2495 comma 1, c.c.)². Проблему нераспределенного имущества здесь предлагается решать следующим образом. С одной стороны, есть мнение, что при обнаружении каких угодно нераспределенных активов (даже если о них не было известно на момент исключения записи) должна заново начинаться процедура ликвидации, а запись об исключении юридического лица из реестра должна отменяться (*cancellazione di cancellazione*) (при таких обстоятельствах запись о юридическом лице восстанавливается в реестре)³. С другой стороны, в доктрине и судебной практике преобладает позиция, согласно которой вновь обнаруженные активы считаются ставшими общим имуществом участников юридического лица (*regime di contitolarità/comunione indivisa*)⁴. Что касается не погашенных в ходе ликвидации обязательств юридического лица, то кредиторы вправе предъявлять требования (а) к участникам в объеме, не превышающем размер полученных ими активов, а также (б) к ликвидатору (при наличии его вины в том, что требования не были погашены) (art. 2495 comma 2, c.c.). При этом в соответствии с преобладающей точкой зрения ответственность участников по указанным обязатель-

¹ См.: *Stoffel-Munck P., Malaurie P., Aynès L.* Droit des obligations. 2022. n° 769–773.

² См., например: *Orlando A.* L'estinzione delle società (Tesi di dottorato). Salerno, 2016. P. 15–16, 57; *Speranzini M.* L'estinzione delle società di capitali in seguito alla iscrizione della cancellazione nel registro delle imprese // *Rivista delle società*. 2004. P. 514–517; *Sangiovani V.* Cancellazione delle società di capitali e responsabilità di soci e liquidatori // *Danno e responsabilità*. 2011. No. 12. P. 1133–1135.

Реформа таким образом положила конец доминировавшей ранее позиции, согласно которой, несмотря на исключение из реестра, объединения капитала (*società di capitali*) продолжают существовать, пока имеются какие-либо активы или пассивы. См.: *Orlando A.* Op. cit. P. 7–14; *Speranzini M.* Op. cit. P. 514–515.

³ См.: *Orlando A.* Op. cit. P. 57–61.

См. также: *Sangiovani V.* Op. cit. P. 1135–1136. Впрочем, в итальянской доктрине существуют споры в отношении допустимости восстановления ликвидированного юридического лица (см.: *Ibid.* P. 1136).

⁴ См.: *Sangiovani V.* Op. cit. P. 1135–1136; *Bullo A., Dominici F.* La sorte dei rapporti e dei debiti tributari pendenti dopo la cancellazione della società // *Finanza & Fisco*. 2013. No. 32. P. 2523.

ствам является солидарной¹. Таким образом, и в Италии исключение из реестра не служит основанием для прекращения обязательств корпорации: даже вновь обнаруженные права требования считаются перешедшими к участникам фактически в порядке универсального правопреемства (с учетом принципа ограниченной ответственности участников корпорации).

В целом можно констатировать, что хотя в каждом из рассмотренных правовых порядков регулирование последствий исключения юридического лица из реестра имеет свои особенности, ни в одном из них исключение юридического лица из реестра само по себе не влечет прекращение обязательств, поскольку либо (а) ликвидация не приравнивается автоматически к исключению юридического лица из реестра, либо (б) исключение из реестра влечет ограниченное универсальное правопреемство.

4.2. Спорность российского правила о прекращении обязательств с исключением юридического лица из реестра

Как рассмотренные выше вопросы решаются в отечественном праве?

На первый взгляд правило, закрепленное в ст. 419 ГК, является вполне ясным и непротиворечивым: ликвидация юридического лица влечет прекращение его обязательств. Более того, законодатель даже специально уточняет, что речь идет об обязательствах, в которых юридическое лицо может являться как кредитором, так и должником. При этом поскольку п. 9 ст. 63 ГК связывает завершение ликвидации с исключением юридического лица из ЕГРЮЛ, то буквальное толкование ст. 419 ГК неизбежно приводит нас к заключению, что *именно в момент исключения из реестра* все обязательства юридического лица прекращаются. Этот же вывод следует и из абз. 1 п. 3 ст. 49 ГК, который также весьма недвусмысленно указывает на прекращение правоспособности юридического лица в момент внесения в ЕГРЮЛ сведений о его прекращении.

Приведенные правила в современной литературе воспринимаются как набор аксиом. Так, М.А. Телюкина считает, что, поскольку в соответствии с традиционным взглядом исключение из ЕГРЮЛ влечет прекращение прав и обязанностей, возможность уступки права требования к ликвидированному таким образом должнику противоречит

¹ См.: *Sangiovani V.* Op. cit. P. 1139.

«классическим» воззрениям¹ (а «уступку права требования к ликвидируемому субъекту» называет правовым оксюмороном²).

В то же время при более внимательном анализе закрепленное в ст. 419 ГК правило оказывается весьма загадочным, а причины его закрепления и преследуемые им цели — крайне мало исследованными и концептуализированными. Как представляется, анализируемая норма является отнюдь не столь «классической» и очевидной, как ее порой пытаются представить.

Во-первых, как было показано выше, аналогичные нормы отсутствуют в западных правовых системах, где обычно прекращение обязательств (или каких-либо иных прав и обязанностей) не следует автоматически, за исключением записи о юридическом лице из реестра. Обязательственные права и обязанности могут либо продолжать существовать в качестве части имущественной массы того же самого юридического лица, поскольку оно переживает исключение записи из реестра (Германия, Франция), либо переходить в качестве отдельной массы в состав общего имущества участников (Италия). Такое различие между континентальными и российским подходами уже само по себе не может не порождать вопросов в отношении обоснованности выбора, сделанного отечественным законодателем.

Во-вторых, исторический анализ показывает, что правило, закрепленное в ст. 419 ГК, с трудом может быть признано традиционным для российско-советского права. До революции такое основание прекращения обязательств не было известно российскому праву: учебники того периода в принципе не упоминают ликвидацию товарищества (включая такое товарищество, которое обладало бы юридической правосубъектностью) среди оснований прекращения обязательств³. Кроме того, применительно к ликвидации акционерных товариществ

¹ См.: Телюкина М.В. Легитимация передачи требований к несубъекту гражданского права в конкурсных отношениях. М., 2021. С. 14–15.

² См.: Телюкина М.В. Легитимация судебной практикой уступки требований к ликвидированному должнику // Гражданское право социального государства: сб. ст., посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М., 2020. С. 351.

³ См., например: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права // Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 5. М., 2017. С. 136–137, 442–450; Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Т. 3: Договоры и обязательства. СПб., 1896. С. 148–218; Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Т. III. СПб., 1898. С. 431–477; Гуляев А.М. Русское гражданское право. СПб., 1913. С. 358–373.

Также см. следующий учебник, вышедший вскоре после революции: Тютрюмов И.М. Гражданское право. Юрьев, 1922. С. 271–280.

обыкновенно в принципе обсуждался не вопрос правопрекращения, а вопросы относительно оснований и порядка погашения долгов перед верителями, а также распределения активов в пользу акционеров¹. Все это невозможно списать просто на нераспространенность юридических лиц в то время, так как конец XIX — начало XX в. — это период сверхактивного развития акционерного капитала: так, по некоторым сведениям, по состоянию на 1914 г. в Российской империи действовало 2235 акционерных обществ².

Проект Гражданского Уложения также не предполагал закрепления такого основания прекращения обязательств, как ликвидация юридического лица (ст. 1693—1705)³. Более того, как уже отмечалось выше (разд. 3.4—3.5), Проект предполагал, что незаявленные требования кредиторов к ликвидируемому акционерному товариществу не прекращаются с оглашением его состоявшейся ликвидации, поскольку они могут быть в дальнейшем удовлетворены, в частности, за счет (а) имущества, недобросовестно распределенного в пользу акционеров, и (или) (б) любого вновь обнаруженного имущества товарищества (ст. 2381). Что показательно, в отсутствие таких неудовлетворенных требований имущество юридического лица, найденное после оглашения состоявшейся ликвидации, подлежало распределению среди акционеров (без установления специальных предельных сроков для проведения такого распределения) (ст. 2380).

В советском праве анализируемое правило тоже появилось далеко не сразу. Так еще в ГК РСФСР 1922 г. отсутствовала норма о прекращении обязательств с ликвидацией юридического лица⁴. Однако в Положении о порядке прекращения кооперативных организаций при их ликвидации, соединении и разделении 1927 г.⁵ (далее — Положение 1927 г.) появляется правило, согласно которому не заявленные, а также не выявленные ликвидатором требования третьих

¹ См. разд. 3.4—3.5.

² См.: *Дрыгина Н.Н.* История возникновения и деятельности акционерных обществ в России // Молодой ученый. 2014. № 4 (63). С. 743—745.

³ См.: Гражданское Уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения / под ред. И.М. Тютрюмова. Т. 2. СПб., 1910. С. 278—288.

⁴ Статья 129 ГК 1922 г. закрепляла пять оснований для прекращения обязательств, куда ликвидация юридического лица не входила.

⁵ Положение о порядке прекращения кооперативных организаций при их ликвидации, соединении и разделении (утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 15.06.1927).

лиц к кооперативу считались погашенными после его ликвидации (п. 27). При этом даже в правоприменительной практике приведенное правило Положения, судя по всему, не воспринималось буквально: Госарбитраж при Совете министров СССР, как и Судебная коллегия по гражданским делам ВС СССР, исходил из того, что в действительности долги ликвидированного лица возлагаются на орган, принявший остатки его имущества, но в объеме, не превышающем такие остатки¹. Как следствие, в своей классической монографии 1962 г. Б.Б. Черепяхин, сравнивая правопреемство при реорганизации и ликвидации юридического лица, пишет, что в первом случае происходит обычное универсальное правопреемство, а во втором — лишь «отчасти»². Как отмечает Б.Б. Черепяхин, описанный подход правоприменительной практики был направлен на то, чтобы смягчить строгие черты ликвидации и добиться их сочетания с ограниченной ответственностью органа или организации, принявших остатки имущества ликвидированного юридического лица³.

Тем не менее уже в ГК 1964 г. появляется следующее правило, которое, по-видимому, стало прообразом ст. 419 нынешнего ГК: «Обязательство прекращается ликвидацией юридического лица (должника или кредитора). Законодательством Союза ССР или РСФСР исполнение обязательства ликвидированного юридического лица может быть возложено на другое юридическое лицо» (абз. 2 и 3 ст. 236). При этом, что любопытно, ГК 1964 г. все равно рассматривал реорганизацию и ликвидацию как однопорядковые явления, помещая их в одну статью и обсуждая их как две формы прекращения юридического лица (абз. 1 ст. 37)⁴, не уточняя, правда, применительно к ликвидации, влечет ли она переход к кому-либо имущества юридического лица в порядке универсального правопреемства.

Что примечательно, изданные до принятия ГК 1964 г. советские работы, в которых обсуждаются вопросы обязательственного права, не называют ликвидацию юридического лица в качестве основания

¹ См. об этом: *Черепяхин Б.Б.* Правопреемство по советскому гражданскому праву // *Черепяхин Б.Б.* Труды по гражданскому праву. М., 2001. С. 381–383; *Братусь С.Н.* Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947. С. 365–367.

² См.: *Черепяхин Б.Б.* Указ. соч. С. 380.

³ См. там же. С. 381–382.

⁴ А.В. Габов в ходе своего анализа советского права в период между принятием ГК 1922 г. и ГК 1964 г. приходит к выводу, что на тот момент отсутствовало жесткое разделение реорганизации и ликвидации в том смысле, как их понимает современное гражданское законодательство (см.: *Габов А.В.* Ликвидация юридических лиц. Разд. 1.2.1).

прекращения обязательств¹. Однако после закрепления описанных правил в ГК 1964 г. доктрина начинает воспринимать норму о прекращении обязательств при ликвидации юридического лица в качестве аксиомы². Так, О.С. Иоффе однозначно утверждает, что при ликвидации (в отличие от реорганизации) не происходит правопреемства, а потому обязательства юридического лица прекращаются (за исключением случаев, прямо предусмотренных в законе)³. Аналогичная позиция отражена, например, и в учебнике 1985 г. под редакцией О.А. Красавчикова: в силу ст. 236 ГК 1964 г. при ликвидации юридического лица его права и обязанности прекращаются, однако это не должно влечь нарушения интересов большого круга контрагентов, поскольку «в советском законодательстве установлен такой порядок ликвидации юридических лиц, при котором создаются условия для выявления и погашения задолженности организации перед другими лицами, обеспечивается рассмотрение претензий в установленные сроки»⁴.

Логичным продолжением этих идей стало появление в нынешнем ГК уже упоминавшихся (а) п. 1 ст. 61 ГК, который в изначальной редакции объявлял, что при ликвидации правопреемство в принципе не происходит (а после реформы ГК 2014 г. указывает на отсутствие при ликвидации именно *универсального* правопреемства⁵), и (б) ст. 419 ГК, согласно которой ликвидация влечет прекращение обязательств юридического лица.

При этом законодательная история части первой ГК показывает, что норма, в итоге ставшая ст. 419 ГК, явно воспринималась как вещь,

¹ См., например: *Новицкий И.Б., Луц Л.А.* Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 401–412; *Гражданское право: учебник. Т. 1 / под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина.* М., 1944. С. 387–394.

² В результате, например, А.В. Габов приходит к выводу о том, что взгляд на ликвидацию как на прекращение юридического лица без правопреемства являлся совершенно традиционным для отечественного права к моменту принятия нынешнего ГК (*Габов А.В.* Реорганизация и ликвидация юридических лиц. Пункт 2 комментария к ст. 61).

³ См.: *Иоффе О.С.* Обязательственное право. М., 1975. Раздел II гл. 4 § 2.

⁴ См.: *Советское гражданское право / под ред. О.А. Красавчикова. Т. 1.* М., 1985. С. 533.

См. также: *Советское гражданское право. Ч. 1 / под ред. В.А. Рясенцева. 2-е изд.* М., 1986. С. 541; *Гавзе Ф.И.* Обязательственное право (общие положения). Минск, 1968. С. 119.

⁵ Несколько курьезным является то, что несмотря на упомянутое изменение ГК в специальных корпоративных законах до сих пор содержатся нормы, согласно которым при ликвидации не происходит *никакого* правопреемства (абз. 2 п. 1 ст. 57 Закона об ООО и абз. 2 п. 1 ст. 21 Закона об АО).

сама собой разумеющаяся: она появилась в самом первом проекте гл. 26 ГК еще в марте 1992 г. (ст. 236.1) и фактически не претерпела никаких изменений в ходе дальнейшего законотворческого процесса¹. Единственный вопрос, который был написан на полях указанного проекта кем-то из участников работы над текстом, касался сферы потенциальных исключений из общего правила о прекращении обязательств («Что, кроме капитализации платежей?»), но не самого правила. Это обстоятельство тоже, очевидно, указывает на отсутствие среди работников ГК сомнений в том, что по общему правилу ликвидация должна прекращать обязательства юридического лица.

В чем же состоит причина описанных кардинальных изменений в отечественном законодательстве в отношении вопроса о том, как ликвидация юридического лица влияет на его обязательства? И почему доктрина гражданского права так спокойно восприняла эти изменения, без какого-либо заметного обсуждения перестроившись на позицию, согласно которой ликвидация (воспринимаемая в качестве исключения юридического лица из реестра) прекращает обязательства?

На поставленные вопросы невозможно дать однозначный ответ. Основной причиной этого является как раз то, что в отечественной литературе причины, по которым ликвидация якобы должна влечь прекращение обязательств, практически не обсуждаются.

Тем не менее попробуем сделать два более или менее правдоподобных предположения в отношении причин появления правила о прекращении обязательств ликвидацией юридического лица.

Первое предположение связано с упадком многих институтов частного права, который произошел за годы советской власти и, конечно, не мог не затронуть и сферу корпоративного права, включая вопросы ликвидации юридических лиц.

Поскольку в Советском государстве негосударственные юридические лица играли крайне малую роль, то и их изучением занималось крайне малое число специалистов, что легко проследить по тому, к сожалению, небольшому числу значительных корпоративно-правовых исследований, которые остались нам с советских времен. Так, если до революции идея о том, что в основе любого корпоративного юридического лица (будь то полное или акционерное товарищество) лежит договор о веде-

¹ См.: Законодательная история части первой ГК — 24.12.2019. С. 594 (доступно по адресу: https://disk.yandex.ru/i/4qa-n_93z7fGkQ). О материалах подготовки части первой ГК см. подробнее: *Маковский А.Л.* Опись, ставшая летописью // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 173—180.

нии общего дела (товарищество), была общим местом¹, то в советское и постсоветское время она сменилась провозглашением корпоративного права сферой *sui generis*, где главенствуют особые методы и принципы регулирования. Частным проявлением такой смены парадигмы, по-видимому, стало восприятие юридического лица *исключительно как отдельного субъекта права в отрыве* как от товарищеских отношений, которые стоят за корпорацией, так и от необходимости реализации воли учредителя, которая лежит в основе унитарного юридического лица². Поскольку такой субъект появляется только через его признание государством, то и его исключение государством из реестра должно влечь бесповоротную утрату правосубъектности. Такое гипертрофирование правосубъектности и системы регистрации (в ущерб взгляду на юридическое лицо как либо на общее дело, либо на дело, продолжающее волю учредителя), судя по всему, и привело, с одной стороны, к отрицанию универсального правопреемства при ликвидации юридического лица (п. 1 ст. 61 ГК), а с другой — к введению такого основания для прекращения обязательств, как ликвидации (ст. 419 ГК).

Кроме того, нельзя не упомянуть и еще один фактор, который, по-видимому, сказался на описанном положении вещей. Это чрезвычайно сильная позитивистская и этатистская традиция, свойственная российско-советскому праву. Именно она, вероятнее всего, позволила частноправовой теории так быстро (и без лишних обсуждений) переменить взгляд на ликвидацию следом за произошедшими изменениями в законодательных формулировках.

Как следствие, на сегодняшний день в отечественной доктрине преобладающим является взгляд, согласно которому ликвидация (т.е. исключение юридического лица из реестра) неизбежно прекращает его правосубъектность без универсального правопреемства³, а заодно и все (не распределенные) права и обязанности, в том числе из обяза-

¹ См., например: *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. С. 220—222; см. также: Гражданское Уложение. Проект Высочайше утвержденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. С. 756—1023 (положения как о простом товариществе (не имеющем правосубъектности), так и о полном товариществе, товариществе на вере и акционерном товариществе (являющихся юридическими лицами) были все помещены в общую гл. XVIII (Товарищество) разд. II (Обязательства по договорам) книги пятой (Обязательственное право)).

² О возможных моделях унитарных юридических лиц см.: *Заикин Д.П.* Общетеоретическая модель правосубъектного фонда в контексте двух дихотомий // Вестник гражданского права. 2020. № 5. С. 7—72.

³ См., например: *Габов А.В.* Законодательство о ликвидации юридических лиц в свете проекта изменений в ГК РФ // Вестник гражданского права. 2011. № 4. С. 39 (автор

тельственных отношений¹. В качестве квинтэссенции таких взглядов можно привести следующие рассуждения С.В. Сарбаша (в монографии, изданной, между прочим, уже после реформы ГК 2014 г.): «Если же по какому-либо обязательству (по долгу) расчет не произведен, то оно неминуемо прекращается, поскольку ликвидация должника — юридического лица приводит к тому, что требованию кредитора не корреспондирует обязанность должника. Такого обязательства существовать не может, поскольку бессубъектных долгов не может быть. Если какое-либо требование ликвидированного юридического лица по обязательству не было передано другому лицу в процессе ликвидации, оно также прекращается. Обязательство не может существовать без корреспондирующего долгу требования. Бессубъектных требований существовать не может»².

считает очевидным, что при ликвидации не может происходить универсального правопреемства).

Впрочем, некоторые авторы по не вполне объяснимым причинам до сих пор считают, что при ликвидации *в принципе* не происходит правопреемства (см.: *Мифтахут-динов Р.Т.* Указ. соч. С. 159, 161).

¹ См., например: *Богданов Е.В., Богданова Е.Е., Богданов Д.Е.* Проблема правосубъектности прекращенного юридического лица // *Гражданское право*. 2016. № 4 (СПС «КонсультантПлюс») («После исключения из реестра юридическое лицо отсутствует, и не может быть и речи о каких-то остаточных элементах его правосубъектности, правоспособности, правах и обязанностях и тем более о каком-то его имуществе»); *Белов В.А.* Указ. соч. С. 198 (после исключения юридического лица из реестра все его имущество становится бесхозяйным, а требования к нему — погашенными); *Скловский К.И.* Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. 4-е изд., доп. М., 2019 (СПС «КонсультантПлюс») («Как известно... ликвидация юридического лица прекращает действие обязательства (ст. 419 ГК РФ)»); *Ерохова М.А.* Дело «Общество «Полис» против Управления Федеральной регистрационной службы по Пермскому краю» // *Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: избранные постановления за 2009 год с комментариями* / под ред. А.А. Иванова. М., 2012 (СПС «КонсультантПлюс»); *Российское гражданское право*. Т. II: Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2011. С. 81–82 (автор раздела — Е.А. Суханов) («По этой же причине [невозможности правопреемства] ликвидация юридического лица (должника или кредитора) также прекращает его обязательства (ст. 419 и п. 1 ст. 61 ГК)»); *Гутников О.В.* Ответственность контролирующих лиц по обязательствам ликвидированного юридического лица: *pro et contra* // *Цивилистика*. 2020. № 5. С. 224 («...после ликвидации должника уступить к нему право требования по неисполненному обязательству, безусловно, нельзя, поскольку обязательство должника прекратилось ввиду ликвидации последнего»).

² См.: *Сарбаш С.В.* Элементарная догматика обязательства. М., 2016. С. 334; см. также: *Он же.* Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // *Приложение к Вестнику экономического правосудия РФ*. 2021. № 3. С. 261–262 («Прекращение обязательства ликвидацией юри-

Второе предположение состоит в том, что к моменту принятия ГК 1964 г. частные юридические лица уже практически не играли какой-либо роли в экономическом обороте. Плановый характер экономики и доминирующее участие в ней принадлежавших государству юридических лиц (которые в норме являлись всего лишь распорядителями, а не собственниками вверенного им имущества), возможно, привели к тому, что ликвидация стала рассматриваться в качестве сугубо административной процедуры. Цель такой процедуры — это своеобразная инвентаризация всего принадлежащего ликвидируемому лицу и его скорейшее и окончательное прекращение, не предполагающее необходимости какого-либо возобновления процесса распределения активов или погашения вновь обнаруженных долгов. Возможно, что ключевым здесь был именно второй элемент, который и предопределил отказ от первого.

Конечно, приведенные выше предположения являются исключительно гипотезами, и точно сказать, почему в отечественном праве появились анализируемые правила, нельзя. Что можно сказать с уверенностью, так это то, что само общее правило, содержащееся в ст. 419 ГК, редко ставится под сомнение, хотя, повторим, оно не просто выглядит неоднозначным с доктринальной точки зрения, но и, как будет показано, вступает в явное противоречие с иными нормами ГК, в особенности — после реформы ГК 2014 г. — с п. 5.2 ст. 64 ГК.

4.3. Противоречивость действующего российского законодательства о влиянии исключения записи о юридическом лице на его обязательства

Общий характер правила, закрепленного в ст. 419 ГК, начинает вызывать сомнения, как только мы приступаем к его сопоставлению с иными положениями пореформенного ГК¹.

Во-первых, формально из указанного правила сам ГК делает только одно исключение: согласно ст. 419 ГК обязательство не прекращается,

дического лица объясняется тем, что из оборота уходит субъект, и если его права и обязанности по обязательствам не перейдут к кому-то до этого момента, то обязательство окажется бессубъектным, а это несовместимо с относительной природой обязательства: оно не может быть односубъектным, ибо состоять в правовом отношении с самим собой бессмысленно и противостоит естественности»).

¹ См. в поддержку: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1466 (авторы комментария к ст. 419 — А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

«когда законом или иными правовыми актами исполнение обязательства ликвидированного юридического лица возлагается на другое лицо».

В качестве примера обычно приводится возложение на Фонд пенсионного и социального страхования РФ (далее — Фонд) отдельных обязательств ликвидируемого юридического лица по возмещению вреда жизни и здоровью гражданину в соответствии с п. 2 ст. 1093 ГК, при условии, что юридическое лицо производит капитализацию соответствующих платежей и уплачивает соответствующую сумму в адрес Фонда¹. При этом в реальности данный пример вовсе не кажется удачным: капитализация указанных сумм и их уплата в пользу третьего лица в действительности представляют собой перевод долга, при котором новым обязанным лицом перед пострадавшим от причинения вреда становится Фонд². Поэтому в данной ситуации обязательство, лежавшее на ликвидированном юридическом лице, в реальности не может прекращаться в связи с исключением юридического лица из ЕГРЮЛ: к этому моменту оно уже перешло к Фонду.

В любом случае использованная в ст. 419 ГК формулировка, описывающая исключение из общего правила о прекращении обязательств ликвидацией, не слишком удачна, поскольку там идет речь только о возложении на третье лицо «исполнения обязательств». Это, с одной стороны, ограничивает сферу применения указанного исключения (сохраняться могут только обязанности из обязательств, но не права требования),

¹ См.: ст. 23 Федерального закона от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»; постановление Правительства РФ от 17.11.2000 № 863 «Об утверждении Порядка внесения в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации капитализированных платежей при ликвидации юридических лиц-страхователей по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний».

² Такая точка зрения преобладала в советском праве, откуда, судя по всему, нынешний ГК заимствовал рассматриваемое правило (см., например: *Райхер В.К.* Общественно-исторические типы страхования. М., 1947. С. 227–228; *Черепашин Б.Б.* Указ. соч. С. 366–367), а также находит поддержку в современной литературе (Гражданское право. Т. III / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 103 (автор раздела — Н.Б. Щербаков)).

Также ср.: *Сарбаш С.В.* Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6. С. 263 («Более того, в таких случаях, скорее, можно говорить о переводе долга с дели[н]квента на государство либо о прекращении обязательства его исполнением, когда капитализированные суммы причиненного вреда выплачиваются потерпевшему. Поэтому обязательство на самом деле не сохраняется при ликвидации, а прекращается исполнением»).

а с другой — ставит неизбежный вопрос о статусе того лица, на которое «возложено исполнение обязательства». Следует ли отказаться от буквального толкования указанных формулировок закона и считать такое лицо полноценным должником? Или перед нами особая фигура «исполняющего чужое обязательство» (такой подход выглядит особенно странно, если считать, что обязательство должника прекратилось — таки ликвидацией)?¹ Или, возможно, оборот «возложение исполнения» — это такой необычный способ описать частное преемство в соответствующем обязательстве (несмотря на ликвидацию)?

В то же время судебная практика² и доктрина³ не замечают указанные неточности и считают, что законом могут быть предусмотрены и такие исключения из общего правила, которые прямо не охватываются приведенными выше формулировками и при которых происходит полноценное преемство в правах и обязанностях ликвидированного лица. Более того, согласно практике СКЭС ВС РФ о возложении исполнения на третье лицо можно вести речь, в частности, при субсидиарной ответственности контролирующего должника лица и взыскании убытков с конкурсного управляющего⁴ (с этой позицией, конечно, сложно согласиться, так как она, по-видимому, основывается на неточном представлении о солидарных обязательствах как некоем едином обязательстве, которое может прекращаться только целиком⁵).

В любом случае ряд норм части второй ГК об отдельных договорных типах содержит прямое указание, что ликвидация одной из сторон договора не влечет прекращение договорных обязательств. Например,

¹ Например, А.В. Габов полагает, что «возложение исполнения» в соответствии со ст. 419 ГК — это то же самое, что возложения исполнения на третье лицо в смысле ст. 313 ГК (см.: *Габов А.В.* Законодательство о ликвидации юридических лиц в свете проекта изменений в ГК РФ // *Вестник гражданского права*. 2011. № 4. С. 39–40). Впрочем, автор называет это одновременно и частичным правопреемством (чем, конечно, возложение исполнения по ст. 313 ГК являться не может).

² Абзац 1 п. 41 Постановления Пленума № 6.

³ См., например: *Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации* / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1474 (авторы комментария к ст. 419 — А.Г. Карапетов, Д.В. Новак) (авторы в принципе не обращают внимания на обсуждаемую неудачную формулировку ст. 419 ГК); *Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации*. С. 814 (автор комментария к ст. 419 ГК — А.А. Павлов).

⁴ См.: определения СКЭС ВС РФ от 02.09.2020 № 302-ЭС20-9010 (1, 2) и от 21.10.2019 № 308-ЭС19-12135.

⁵ См. подробнее разд. 4.5.2.

согласно п. 2 ст. 700 ГК при ликвидации юридического лица-ссудодателя его права и обязанности по договору безвозмездного пользования переходят к лицу, к которому перешло право собственности на вещь или иное право, на основании которого вещь была передана в безвозмездное пользование. На указанное исключение обращается внимание и в абз. 1 п. 41 Постановления № 6: высшая судебная инстанция, очевидно, исходит из того, что оно имеет приоритет перед общим положением ст. 419 ГК (хотя сама ст. 419 ГК такое исключение и не упоминает). Кроме того, в литературе отмечается, что такое же исключение, которое прямо предусмотрено в п. 2 ст. 700 ГК для безвозмездной ссуды, должно применяться и к правам и обязанностям арендодателя, наймодавца и плательщика ренты¹. При таком подходе сфера применения правила о прекращении обязательств при ликвидации естественным образом сужается. Правда, стоит оговориться, что, как справедливо отмечает С.В. Сарбаш, п. 2 ст. 700 ГК едва ли устанавливает подлинное исключение из правил ст. 419 ГК: если предмет ссуды был отчужден в ходе ликвидации или вошел в состав ликвидационной квоты, то ст. 419 ГК здесь просто не будет претендовать на применение, поскольку на момент ликвидации указанные права и обязанности уже не принадлежали ликвидированному лицу². То же возражение применимо и к иным случаям специального правопреемства, при котором обязательства обременяют отчуждаемое имущественное право (упоминавшиеся выше аренда, наем жилого помещения, рента и др.).

Во-вторых, в ряде норм закона об отдельных договорных формах законодатель, наоборот, прямо предусматривает, что ликвидация одной из сторон *влечет прекращение договорных обязательств*. Например, такие правила содержатся в положениях о (а) договоре безвозмездного пользования применительно к ликвидации ссудополучателя (ст. 701 ГК), (б) договоре эскроу применительно к ликвидации эскроу-агента (п. 1 ст. 926.8 ГК), (в) договоре доверительного управления применительно к ликвидации выгодоприобретателя (абз. 2 п. 1 ст. 1024 ГК)

¹ См.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1474–1475 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

Но ср.: постановления ФАС Поволжского округа от 07.10.2010 по делу № А12-23136/2009; ФАС Северо-Кавказского округа от 07.06.2006 по делу № А53-18321/2005-С4-41 и ФАС Центрального округа от 11.06.2004 № А64-99/04-8 (в указанных делах ст. 419 ГК была признана имеющей приоритет перед п. 1 ст. 617 ГК, а аренда соответственно прекратившейся ввиду ликвидации арендодателя).

² См.: Сарбаш С.В. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6. С. 262.

и (г) договоре простого товарищества применительно к ликвидации любого товарища (абз. 4 п. 1 ст. 1050 ГК). Если ст. 419 ГК действительно содержит общее правило, распространяющее действие на любые обязательства, то становится не совсем понятно, зачем законодатель повторяет его вновь и вновь применительно к отдельным типам договоров.

В-третьих, в п. 5.1 ст. 64 ГК перечисляются конкретные категории требований к юридическому лицу, которые погашаются при ликвидации (например, такие требования, которые не смогли быть удовлетворены ввиду недостаточности имущества юридического лица). С какой целью законодатель фиксирует данное правило, если в ст. 419 ГК уже содержится общая норма, которая в явном виде о прекращении *любых* обязательств юридического лица?¹

В-четвертых, можно легко увидеть взаимное дублирование и между п. 1 ст. 61 и ст. 419 ГК. Согласно п. 1 ст. 61 ГК ликвидация влечет прекращение юридического лица в отсутствие универсального правопреемства. Это положение закона обычно понимается таким образом, что ликвидация завершается распределением среди участников юридического лица в порядке ликвидационной квоты (а в случае с некоммерческими организациями — передачей на уставные или благотворительные цели) строго того имущества, которое специально обозначено в окончательном ликвидационном балансе (сингулярное правопреемство)². Как следствие, если какое-то имущество, включая права требования, не было описано в указанном балансе, то оно не переходит к участникам в порядке ликвидационной квоты. Если такой подход верен, то ст. 419 ГК становится излишней, по крайней мере в части, в которой она связывает с ликвидацией юридического лица прекращение прав требования

¹ А.В. Габов полагает, что положения п. 5.1 ст. 64 ГК шире, чем ст. 419, поскольку касаются «любых требований, имеющих не только гражданско-правовую природу» (см.: Габов А.В. Реорганизация и ликвидация юридических лиц. Пункт 6 комментария к ст. 64). Однако с такой позицией едва ли можно согласиться, поскольку ГК в принципе не регулирует порядок прекращения требований, не имеющих гражданско-правовую природу (ст. 2 ГК).

² При этом открытым остается вопрос о том, в какой момент происходит преемство в отношении ликвидационной квоты: в момент утверждения (финального) ликвидационного баланса или в момент исключения юридического лица из ЕГРЮЛ. Второй вариант выглядит более предпочтительным, так как по общему правилу именно в этот момент прекращается юридическое лицо (но см. разд. 4). Российская судебная практика, не давая четкого ответа на этот вопрос, явно признает, что переход регистрируемых прав при ликвидации осуществляется вне зависимости от внесения соответствующей записи в реестр (см.: Определение СКЭС ВС РФ от 25.12.2019 № 305-ЭС19-15605).

к третьим лицам: те из них, что не были распределены среди участников, в любом случае прекращались бы в силу п. 1 ст. 61 ГК.

В то же время совершенно невозможно объяснить, зачем законодатель в дополнение к п. 1 ст. 61 ГК включает в ГК правило о том, что ликвидация прекращает обязательства (ст. 419 ГК), но при этом в ГК отсутствуют аналогичные правила в отношении прекращения права собственности и иных вещных прав (ср. гл. 15 ГК), интеллектуальных прав и т.д.

Наконец, **в-пятых**, и это наиболее интересно для целей настоящей статьи, в пореформенной ст. 64 ГК было закреплено еще одно новое правило, которое, пожалуй, является теперь основным препятствием для восприятия ст. 419 ГК в качестве абсолюта, не терпящего исключений. Согласно п. 5.2 ст. 64 ГК в случае обнаружения имущества ликвидированного юридического лица заинтересованное лицо (или уполномоченный государственный орган) в течение пяти лет вправе обратиться в суд с заявлением о «назначении процедуры распределения обнаруженного имущества среди лиц, имеющих на это право». При этом указанная норма специально отдельно упоминает о том, что указанное вновь обнаруженное имущество может включать «требования ликвидированного юридического лица к третьим лицам» (в качестве примера законодатель приводит права требования, «возникшие из-за нарушения очередности удовлетворения требований кредиторов, вследствие которого заинтересованное лицо не получило исполнение в полном объеме»¹).

В результате между ст. 419 и п. 5.2 ст. 64 ГК возникает очевидное смысловое противоречие. С одной стороны, ст. 419 ГК говорит, что ликвидация юридического лица прекращает все его обязательства, т.е. и *права требования*, и *долги*. С другой стороны, п. 5.2 ст. 64 ГК прямо упоминает такие ситуации, когда после ликвидации юридического лица обнаруживаются некоторые *права требования* юридического лица к третьим лицам — очевидно, что это возможно, если только такие права требования не были прекращены ликвидацией. Более того, п. 5.2 ст. 64 ГК специально говорит о том, что в рамках постликвидационных

¹ Правда, не вполне ясно, как именно нарушение очередности удовлетворения кредиторов может привести к возникновению каких-либо требований, если речь идет о внебанкротной ликвидации (см. подробнее разд. 3.4.2). Если же такая очередность действительно была нарушена, то, поскольку российское право допускает подачу прямых исков кредиторов к ликвидатору (ст. 64.1 ГК), в данном случае намного более уместным представляется использование именно такого иска, поскольку неочевидно, какие убытки из подобного нарушения могут возникнуть на стороне самого юридического лица.

процедур вновь обнаруженное имущество распределяется «среди лиц, имеющих на это право». Столь широкая формулировка, очевидно, призвана охватить не только участников ликвидированной корпорации (бенефициаров деятельности некоммерческой организации), но и в том числе его кредиторов. Если это так, то значит, что в действительности и не все *долги* юридического лица погашаются ликвидацией.

При этом судебная практика еще до реформы ГК 2014 г. порой полностью игнорировала то, что согласно буквальному тексту ГК при исключении юридического лица из ЕГРЮЛ происходит прекращение всех обязательств юридического лица. Так, в п. 62 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее — Постановление № 10/22)) закреплено правило, согласно которому в случае ликвидации продавца недвижимости до регистрации перехода права собственности покупатель недвижимости может добиться тем не менее такой регистрации посредством особого преобразовательного иска (о чем подробнее будет сказано в разд. 4.6). Если исключение из ЕГРЮЛ влечет полное прекращение юридического лица как субъекта права, а также всех его обязательств, то крайне сложно понять, на каком именно основании покупатель сохраняет право требовать регистрации перехода к нему права собственности на недвижимость¹.

Нельзя не отметить странность того, что в ходе реформы ГК 2014 г. законодатель вводит п. 5.2 ст. 64 ГК, явно противоречащий ст. 419 ГК, но при этом не вносит никаких изменений в *саму* ст. 419 ГК. Еще более странно, что такие изменения даже не обсуждались в явном виде в Концепции (особенно с учетом описанного выше подхода, закрепленного в Постановлении № 10/22).

Как бы то ни было, следует констатировать, что содержащееся в ст. 419 ГК правило о прекращении обязательств юридического лица ликвидацией в действительности не является настолько общим, как это может показаться на первый взгляд. Как уже отмечалось выше, судебная практика, разрешая вопрос о соотношении ст. 419 ГК и специальных правил о сохранении обязательств из конкретных договорных форм, исходит из приоритета последних (абз. 1 п. 41 Постановления Плену-

¹ В теории можно было бы предположить, что абз. 2–5 п. 62 Постановления № 10/22 стоит на позициях принципа противопоставимости записи в ЕГРН. Однако такой взгляд не находит поддержки с точки зрения системного толкования всего текста Постановления № 10/22.

ма № 6). Кроме того, СКЭС ВС РФ в своей практике также исходит из приоритета п. 5.2 ст. 64 ГК перед положениями ст. 419 ГК: так, в одном из дел Коллегия прямо указывает на то, что ликвидация кредитора сама по себе не является достаточным основанием для исключения его требований из реестра кредиторов банкротящегося должника, в том числе по той причине, что соответствующее требование еще может быть распределено в рамках постликвидационных процедур¹. Даже на первый взгляд такой подход выглядит вполне обоснованным с точки зрения базового принципа толкования закона *lex posterior derogat priori*. Однако, как было показано выше, такой взгляд не является единственным, и многие авторы продолжают придерживаться позиции, согласно которой завершение ликвидации влечет прекращение всех обязательств юридического лица на основании ст. 419 ГК.

Каким же образом следует примирять между собой (а) общую норму о прекращении обязательств и (б) правила, установленные в п. 5.2 ст. 64 ГК? Действительно ли ликвидация, которая в российском праве традиционно приравнивается к исключению юридического лица из реестра, может не всегда влечь прекращение обязательственных связей юридического лица?

4.4. Варианты разрешения противоречий в действующем законодательстве. Природа распределения имущества по п. 5.2 ст. 64 ГК

Из всех противоречий, описанных выше, наиболее принципиальным является последнее, т.е. противоречие между указанием ГК на прекращение прав требования и долгов после ликвидации юридического лица (ст. 419 ГК) и возможностью распределения прав требования, обнаруженных после исключения юридического лица из ЕГРЮЛ (п. 5.2 ст. 64 ГК). Остальные из законодательных несогласованностей, обозначенных выше, можно списать главным образом на не всегда удачную технику и преувеличение общего значения ст. 419 ГК (даже с учетом ее дореформенной сферы применения).

Весьма любопытно также, что за прошедшие почти 10 лет указанное противоречие не просто не было разрешено в отечественной доктрине,

¹ Определение СКЭС ВС РФ от 20.12.2021 № 307-ЭС18-15392(3). См. также: п. 11 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022) (утв. Президиумом ВС РФ 01.06.2022). Описанный подход далее был широко воспринят на уровне окружных судов.

но даже и обсуждалось чрезвычайно редко¹. Тем не менее даже в российской доктрине можно обнаружить несколько позиций насчет того, что же именно происходит с обязательствами юридического лица при его исключении из ЕГРЮЛ.

Все на сегодняшний день сложившиеся в этой сфере теории можно разделить на (а) те, в основе которых лежит идея о абсолютно конститутивном эффекте исключения записи о юридическом лице из ЕГРЮЛ (разд. 4.4.1), и (б) те, которые предполагают сохранение юридическим лицом правоспособности, несмотря на такое исключение записи (разд. 4.4.2)².

4.4.1. Теории, основанные на абсолютно конститутивном эффекте исключения из ЕГРЮЛ

В отечественной доктрине можно выделить *три варианта* объяснения того, что происходит с обязательствами юридического лица, если мы исходим из абсолютно конститутивного эффекта исключения его из ЕГРЮЛ (т.е. из фактически позитивной системы регистрации в отношении как создания, так и прекращения юридических лиц). Общее между ними состоит в том, что в рамках каждой из теорий, которые мы рассмотрим ниже, юридическое лицо считается прекратившим свое существование уже в момент исключения записи из ЕГРЮЛ, вследствие чего обязательства более не считаются принадлежащими ему.

4.4.1.1. Универсальное правопреемство в пользу сообщества участников и кредиторов

В российской доктрине существует позиция, в соответствии с которой после исключения из ЕГРЮЛ записи о юридическом лице имеет место универсальное правопреемство в пользу некоторого сообщества,

¹ Например, А.В. Габов справедливо ставит этот вопрос, но тем и ограничивается, указывая на необходимость совершенствования законодательства в данной сфере (см.: *Габов А.В.* Реорганизация и ликвидация юридических лиц. Пункт 7 комментария к ст. 64).

² Стоит оговориться, что в доктрине существуют и иные взгляды на то, как следует примирять между собой ст. 419 и п. 5.2 ст. 64 ГК. Например, В.А. Белов предлагает толковать п. 5.2 ст. 64 ГК ограничительно, «понимая под «имуществом» только *вещи и исключительные права*», поскольку обязательственные права юридического лица прекращаются в силу ст. 419 ГК (*Белов В.А.* Указ. соч. С. 197). Такая позиция напрасно игнорирует прямое указание в п. 5.2 ст. 64 ГК на права требования как одну из разновидностей имущества, которое может распределяться в рамках постликвидационных процедур.

состоящего одновременно из участников и кредиторов юридического лица. В литературе данная точка зрения выражена А.Г. Карапетовым и Д.В. Новаком, которые считают рассматриваемый подход приоритетным вариантом примирения между собой ст. 419 и п. 5.2 ст. 64 ГК¹. Основную свою идею авторы описывают следующим образом: «...любое имущество организации, которое не было реализовано при ликвидации, считается перешедшим на абсолютном праве непосредственно сообществу лиц, имеющих право на распределение между ними обнаруженного имущества (кредиторов, а также претендующих на ликвидационную квоту учредителей или участников юридического лица)»².

Хотя А.Г. Карапетов и Д.В. Новак прямо об этом и не пишут (и почему-то упоминают некоторые абсолютные права, возникающие на стороне преемников), но фактически они имеют в виду универсальное правопреемство в отношении всех нераспределенных прав, включая права требования³. Весьма любопытно, что правопреемником в таком правопреемстве авторы объявляют некоторое сообщество, состоящее одновременно и из участников (учредителей), и из кредиторов⁴. Иск по п. 5.2 ст. 64 ГК А.Г. Карапетов и Д.В. Новак называют «секундарным правом на ретроактивное вступление в данное сообщество, направлен[ным] на прояснение состава такого сообщества, определение долей, очередности и раздел обнаруженного имущества»⁵.

¹ См.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1480–1481 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак) («В той степени, в которой верны сделанные выводы, положение ст. 419 ГК РФ о прекращении обязательств ликвидацией организации-должника работает даже в сценарии, когда у должника осталось неучтенное имущество: требования кредиторов такой организации прекращаются, вместо этого у них появляется право вступить в права на имущество этой организации, запустив процедуру его распределения по п. 5.2 ст. 64 ГК РФ»).

² См. там же. С. 1479 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

³ Не до конца понятно, что должно, по мысли А.Г. Карапетова и Д.В. Новака, происходить с обязанностями в таком случае, поскольку формально они говорят только о некотором абсолютном праве на нераспределенное имущество, игнорируя вопрос о судьбе обязанностей, в том числе таких, которые выступают обременениями. См. там же. С. 1479–1480 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

⁴ Не совсем ясно, почему авторы помещают в состав описываемого сообщества одновременно и кредиторов, и участников юридического лица, поскольку взаимоотношения между этими двумя категориями лиц (конкуренция между их правами требования в отношении постликвидационной массы) в действительности не базируются на принципе *pari passu*.

⁵ См.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1479–1480 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

При этом кредиторов авторы включают именно в состав сообщества, к которому автоматически переходит имущество ликвидированного юридического лица: по ст. 419 ГК требования кредиторов (в неудовлетворенной части) трансформируются в некую долю участия при распределении такого имущества (при этом размер обязательств юридического лица перед кредиторами, по-видимому, фиксируется на момент ликвидации)¹.

В итоге А.Г. Карапетов и Д.В. Новак приходят к выводу, что такой подход к толкованию п. 5.2 ст. 64 ГК в сочетании со ст. 419 ГК является предпочтительным, потому что он якобы воспроизводит то же решение, какое в российском праве якобы существует применительно к наследственному правопреемству². По мнению авторов, рассматриваемое решение дает, помимо прочего, менее противоречивый ответ на вопрос о том, от чьего имени будет действовать управляющий, назначаемый для распределения постликвидационной массы: он представляет именно сообщество правопреемников (участников и кредиторов) (далее также — постликвидационное сообщество)³. В качестве итога А.Г. Карапетов и Д.В. Новак приходят к выводу, что в случае ликвидации юридического лица его обязательственные права в любом случае прекращаются в соответствии со ст. 419 ГК, но в ситуации постликвидационного распределения активов на основании п. 5.2 ст. 64 ГК «терминационный эффект будет считаться отложенным»⁴.

Рассматриваемая теория и лежащая в ее основе аргументация выглядят весьма спорно и вряд ли могут быть поддержаны.

Во-первых, предпринимаемая А.Г. Карапетовым и Д.В. Новаком попытка выстроить аналогию между постликвидационным правопреемством и наследственным правопреемством (которая сама по себе

¹ См.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1481 (авторы комментария к ст. 419 — А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

² См. там же. С. 1480–1481 (авторы комментария к ст. 419 — А.Г. Карапетов, Д.В. Новак) («...подобное обоснование сейчас у нас реализовано в контексте правопреемства на случай смерти наследодателя: его имущество в момент смерти считается перешедшим в собственность наследников, а сам состав таковых определяется позднее по результатам подачи ими заявлений о вступлении в права наследования; если наследники выразили волю на вступление в наследство, согласно российскому праву они будут считаться обладавшими правами на наследуемые активы ретроактивно; если нет, то будет ретроактивно признано, что права на имущество им никогда не принадлежали»).

³ См. там же. С. 1480–1481, 1490–1491 (авторы комментария к ст. 419 — А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

⁴ См. там же. С. 1490 (авторы комментария к ст. 419 — А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

является вполне мыслимым решением) в реальности основана на не вполне точном представлении о том, как происходит наследственное преемство в российском праве.

Хотя в отечественной теории можно встретить позицию, что наследственная масса сразу переходит к неопределенной совокупности наследников¹, ее едва ли можно считать отражающей преобладающее мнение доктрины наследственного права. Обычно считается наоборот, что наследственная масса отнюдь не переходит к некоторому сообществу наследников (на абсолютном или ином праве) в момент открытия наследства, а приобретает ими только в результате реализации секундарного права на принятие наследства². Ретроспективность

¹ См.: *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л., 1949. С. 137–138.

Среди современных специалистов в сфере наследственного права эту точку зрения поддерживает Е.Ю. Петров. См.: Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е.Ю. Петров. М., 2018. С. 47 (автор комментария к ст. 1110 – Е.Ю. Петров) («...несмотря на отсутствие или ограничение возможности осуществления прав в отношении указанного имущества, весь состав наследственной массы принадлежит наследникам именно с момента открытия наследства»).

² См., например: *Серебровский В.И.* Очерки советского наследственного права // *Серебровский В.И.* Избранные труды. М., 1997. С. 169, 179–181 («...у наследников (призываемых к наследованию) с момента открытия наследства возникает право наследования, но только как «право на приобретение наследства», право принять наследство или отказаться от него. Однако отсюда вовсе не следует, что до принятия наследства наследником оно уже принадлежит определенному субъекту или само является субъектом права... Субъект права на наследственное имущество устанавливается только в момент принятия наследства наследником, а при отсутствии наследников или отказе их от наследства – в момент перехода наследства как выморочного к государству. Поэтому возможны случаи, когда наследственное имущество в течение известного времени (как правило, непродолжительного), действительно, не будет иметь субъекта»); *Миронов И.Б.* К вопросу о периоде бессубъектности наследственного имущества. Совершенствование механизма перехода прав на наследственное имущество // Актуальные вопросы наследственного права / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2016; Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу V: Наследственное право / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2013 (СПС «КонсультантПлюс»). Пункт 11 комментария к ст. 1152 (автор комментария – Б.М. Гонгало) («Со дня открытия наследства и до дня его принятия субъективные права и обязанности, принадлежавшие наследодателю (в том числе права на вещи (право собственности и др.)), как бы парадоксально это ни звучало, являются бессубъектными. Наследственное имущество именуется «лежачим»); Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья: учебно-практический комментарий (постатейный) / под ред. А.П. Сергеева. М., 2011 (СПС «КонсультантПлюс»). Пункт 1 комментария к ст. 1154 (автор комментария – Е.Н. Абрамова) («...в период времени со дня открытия наследства до дня принятия наследства конкретными наследниками наследственное имущество никому не принадлежит, является бессубъектным»).

принятия наследства (как логический прием для ретроактивного преодоления бессубъектного состояния наследственной массы) не должна никого вводить в заблуждение: до момента принятия наследства ни о каком правопреемстве еще речи идти не может, т.е., иными словами, наследственное имущество не переходит автоматически к некоторому абстрактному и неопределенному сообществу наследников¹. Таким образом, предлагаемая А.Г. Карапетовым и Д.В. Новаком аналогия между их пониманием наследственного правопреемства и постликвидационным правопреемством выглядит крайне спорной и, судя по всему, основана на смешении системы автоматического наследственного преемства (Германия, Франция) и системы принятия наследства (Австрия, Италия, Испания)².

Во-вторых, даже если согласиться на секунду с тем пониманием наследственного правопреемства, которого придерживаются А.Г. Карапетов и Д.В. Новак, не так просто разобраться, почему в состав постликвидационного сообщества включаются, помимо участников, еще и кредиторы. По-видимому, у такого подхода есть две основные причины. Первая состоит в том, что право инициировать постликви-

¹ См., например: *Черепашин Б.Б.* Указ. соч. С. 422 («В пределах этого срока [до принятия наследства наследниками] имущественные права и обязанности временно не имеют определенных субъектов, но они не являются в точном смысле слова бессубъектными»); *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. С. 769–770 («Право наследования есть только право на вступление в те юридические отношения, которые в совокупности составляют наследство, но не самое вступление. Лицо, имеющее право наследования с момента открытия наследства, не может еще считаться субъектом тех отношений, в которых состоял наследодатель. Оно еще не имеет ни права собственности, ни права требования, ни залогового права, ни авторского и никакого иного из тех, которые принадлежали наследодателю»).

Так же рассматриваемый вопрос решался и в римском наследственном праве (см.: *Дождев Д.В.* Римское частное право. М., 2014. 3-е изд. С. 646 («Пока наследство не принято, юридическая ситуация *de cuius (ius defuncti)* остается без субъекта, но продолжает участвовать в обороте»)); *Хвостов В.М.* Система римского права. М., 1996. С. 334 («...так как для этого имущества в непродолжительном времени ожидается субъект в виде наследника, то право, дорожа институтом наследования, должно признать, что права и обязанности, составляющие *hereditas jacens*, могут на время оставаться без субъекта и все-таки продолжать существовать... объективное право должно на этот случай допустить исключение из общих принципов (*ratio juris*) и признать возможным временное существование бессубъектных прав и обязанностей, чтобы сохранить эти права и обязанности для субъекта, имеющего появиться в будущем»).

² Об этом разграничении см., например.: *Wenckstern M.* Inheritance, Acceptance and Disclaimer (https://max-eup2012.mpipriv.de/index.php/Inheritance,_Acceptance_and_Disclaimer). Section 3; Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 44–45 (автор комментария к ст. 1110 – Е.Ю. Петров), 332–334 (автор комментария к ст. 1152 – И.Г. Ренц).

дационную процедуру по п. 5.2 ст. 64 ГК принадлежит любому заинтересованному лицу, в качестве которого авторы видят в первую очередь участников и кредиторов ликвидированного юридического лица. Вторая причина, по-видимому, заключается в том, что А.Г. Карапетов и Д.В. Новак стремятся зафиксировать состав участников постликвидационного сообщества, а также размер их требований на момент исключения должника из реестра: именно в этот момент, как они полагают, прекращаются все долги юридического лица¹.

Однако крайне сложно понять, каким образом в одно и то же сообщество, которому, между прочим, в долях принадлежат «абсолютные права» на всю постликвидационную массу, могут входить и участники, и кредиторы, хотя права первых в отношении такой массы явно должны быть субординированы по отношению к правам вторых (распределение имущества среди участников будет происходить только после погашения долгов перед кредиторами). Получается, что такое сообщество является не только абстрактным (его состав неизвестен и может не проясниться никогда в будущем), но и крайне гетерогенным: участники не могут быть поставлены в один ряд с иными кредиторами, поскольку являются так называемыми *residual claimants* юридического лица, т.е. получают удовлетворение из всего остающегося после расчетов с обычными кредиторами имущества (без ограничения какой-либо конкретной суммой). Это заставляет усомниться в том, что объединение участников и кредиторов в рамках одного постликвидационного сообщества — это логичное решение².

Что более важно, весьма сложно понять, почему в рамках концепции А.Г. Карапетова и Д.В. Новака требования кредиторов трансформируются в некую долю в «абсолютном праве» на постликвидационное имущество, а их объем для этого фиксируется на дату исключения юридического лица из ЕГРЮЛ. Такой взгляд в действительности нарушает интересы кредиторов и не соответствует действующему законодательству по следующим причинам:

— авторы не замечают, что даже после исключения ЕГРЮЛ у постликвидационной массы могут возникать *новые* долги (например,

¹ Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 1481 / отв. ред. А.Г. Карапетов (авторы комментария к ст. 419 — А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

² В данном контексте можно упомянуть также, что, например, в рамках наследственного права никто не пытается объявить единой наследственной группой наследников и отказополучателей. Соответствующее разграничение четко проводится даже на уровне позитивного права (см., например, ст. 1137 ГК).

оплата содержания забытого в процессе ликвидации имущества; возмещение капитального ремонта забытой вещи, сданной в аренду, и т.д.). Поэтому никакая трансформация в доли в «абсолютном праве» в момент исключения из ЕГРЮЛ (или любой более поздний момент) в принципе не представляется возможной;

— неясно, почему, по мнению А.Г. Карапетова и Д.В. Новака, размер требований кредиторов может фиксироваться в момент исключения из ЕГРЮЛ. В законе отсутствуют какие-либо основания для такого вывода. Более того, п. 5.2 ст. 64 ГК прямо говорит, что процедура распределения имущества осуществляется по правилам о ликвидации, т.е. в общем порядке. Из этого крайне сложно вывести замораживание или фиксацию требований кредиторов в момент исключения должника из ЕГРЮЛ. Поэтому, вопреки позиции А.Г. Карапетова и Д.В. Новака, размер требований кредиторов в рамках внебанкротной ликвидации будет претерпевать изменения и после исключения юридического лица из ЕГРЮЛ. Например, на требования по займам будут начисляться договорные проценты; по просроченным долгам будут начисляться неустойки и т.д.;

— рассматриваемая концепция будет лишать кредиторов ликвидированного должника всякого шанса на получение исполнения в натуре: они смогут лишь претендовать на некоторую долю от распределения постликвидационного имущества. Однако возможность получения исполнения в натуре должна сохраняться, несмотря на исключение юридического лица из ЕГРЮЛ, и, более того, может быть вполне востребована на практике в случаях административной ликвидации юридического лица (например, для покупателя может быть важно получить именно вещь, обнаруженную после ликвидации продавца, а не приобрести некоторую долю в «абсолютном праве» на постликвидационное имущество);

— кроме того, неясно, что происходит с такими правами третьих лиц, которые обременяют «забытое» в ходе процедур ликвидации имущество. Например, непонятно, что, по мысли авторов, должно происходить с положением арендатора вещи, право собственности на которую принадлежало ликвидированному юридическому лицу, но которая оказалась забыта при ликвидации. Трансформируются ли права требования такого арендатора в некоторое особое право на участие в постликвидационном сообществе (а право собственности тогда освобождается от обременения арендой)? Или все же свойство следования (ст. 617 ГК) имеет приоритет? Но тогда получается, что часть кредиторов будет включаться в постликвидационное

сообщество, а часть будет потенциально заявлять требования за его пределами?

В-третьих, рассматриваемая теория вступает в явное противоречие с недвусмысленным указанием в п. 1 ст. 61 ГК на то, что при ликвидации отсутствует универсальное правопреемство. Следовательно, требуется или изменение закона, или его толкование *contra legem*, для того чтобы провести анализируемый подход в жизнь.

В-четвертых, сложно понять, почему в рамках предлагаемой А.Г. Карапетовым и Д.В. Новаком концепции постликвидационное сообщество не может сразу реализовывать перешедшие права, не дожидаясь распределения долей. Если мы соглашаемся с идеей о том, что постликвидационному сообществу уже с момента исключения юридического лица из ЕГРЮЛ принадлежит некоторое «абсолютное право» на постликвидационную массу, то почему это сообщество (в лице отдельных членов или в полном составе) не может пойти с иском в суд к должнику ликвидированного лица. Однако такая возможность прямо отрицается судебной практикой, которая четко исходит из того, что в подобном случае сначала должна быть инициирована процедура, предусмотренная п. 5.2 ст. 64 ГК¹.

В-пятых, согласно п. 5.2 ст. 64 ГК право на распределение имущества является *срочным*, что дополнительно затрудняет признать универсальное правопреемство состоявшимся уже в момент исключения лица из ЕГРЮЛ. Действительно, если распределить имущество можно только в течение пяти лет после ликвидации, то что происходит с таким имуществом (и «абсолютным правом» на него) по истечении этого срока, если указанное право не было реализовано? Д.В. Новак и А.Г. Карапетов, по-видимому, полагают, что в таком случае указанные права все же прекращаются на основании ст. 419 ГК, хотя

¹ Абзац 3 п. 41 Постановления № 6.

Справедливости ради, в судебной практике изредка, но встречается позиция, согласно которой при ликвидации общества, имеющего единственного участника, происходит фактически универсальное правопреемство без необходимости обращения к процедуре, предусмотренной п. 5.2 ст. 64 ГК. См.: постановления АС Западно-Сибирского округа от 28.05.2020 по делу № А03-6982/2019; АС Центрального округа от 11.10.2016 по делу № А54-6664/2015 и АС Московского округа от 21.12.2015 по делу № А40-18873/2014. Такой же позиции, судя по всему, придерживаются и некоторые представители доктрины (см.: Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2020. С. 564–565 (автор комментария к ст. 8.1 – Р.С. Бевзенко)).

и с отложенным «терминационным эффектом»¹. Однако описанный подход, при котором некое постликвидационное сообщество сначала автоматически приобретает некоторое «абсолютное право», а затем утрачивает его через пять лет, выглядит чересчур необычно и не имеет даже близких аналогов в частном праве, вследствие чего становится легко уязвимым для критики.

Впрочем, стоит оговориться, что рассматриваемый пятилетний срок крайне плохо монтируется в любую из концепций, объясняющих суть постликвидационной процедуры (о чем будет сказано ниже). Поэтому сложно избавиться от ощущения, что данный срок является совершенно случайной (и не слишком удачной) находкой российского законодателя. Ни один из рассмотренных выше континентальных правопорядков не вводит никакого специального срока для постликвидационного распределения имущества (очевидно, полагая, что обычные давностные сроки должны давать достаточную защиту всем сторонам соответствующих правоотношений).

Наконец, **в-шестых**, рассматриваемый подход фактически игнорирует существование некоммерческих организаций. Авторы в ходе своего анализа явно не замечают, что согласно п. 8 ст. 63 ГК в ходе ликвидации имущество некоммерческой организации, оставшееся после расчетов с кредиторами, должно направляться на ее уставные и (или) благотворительные цели (иначе сложно объяснить, почему в рамки постликвидационного сообщества они включают только участников и кредиторов)². То же правило вообще-то подлежит применению и в рамках постликвидационных процедур, например, денежные средства на счете, обнаруженные после исключения из ЕГРЮЛ фонда защиты жертв репрессий, должны быть направлены на соответствующие благотворительные цели. Однако крайне сложно представить, как столь неопределенный бенефициар (все имеющиеся в России жертвы репрессий?) может обладать некоторым «абсолютным правом» на соответствующие денежные средства на банковском счете.

Таким образом, рассматриваемая теория страдает слишком многими противоречиями, для того чтобы использоваться в качестве базового варианта примирения между собой ст. 419 и п. 5.2 ст. 64 ГК.

¹ См.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 1490 / отв. ред. А.Г. Карапетов (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

² См. там же. С. 1475 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

4.4.1.2. Концепция простого товарищества между участниками

Вторая существующая в российской литературе теория исходит из того, что после исключения юридического лица из ЕГРЮЛ любые нераспределенные активы становятся (продолжают считаться) общим имуществом простого товарищества, состоящего из участников этого лица. Этот подход (отчасти напоминающий итальянское решение, рассмотренное выше) поддерживается А.А. Кузнецовым, который полагает, что «хозяйственное общество представляет собой товарищество, которое действует во внешнем обороте как юрлицо», поэтому «после исчезновения юрлица, если какое-то имущество сохранилось, оно остается в совместной собственности его бывших участников, к отношениям которых применяется режим договорного товарищества»¹. Как следствие, по мнению А.А. Кузнецова, пятилетний срок на постликвидационное распределение имущества, установленный в п. 5.2 ст. 64 ГК, связывает только кредиторов (это объективный срок для заявления требований), а участники являются обладателями всех прав, не распределенных при ликвидации².

Хотя А.А. Кузнецов формально не упоминает о том, что при исключении корпорации из ЕГРЮЛ происходит универсальное правопреемство в пользу ее участников, но фактически, как нетрудно заметить, имеет место именно оно: все права, принадлежавшие корпорации (известные и неизвестные), с момента исключения из ЕГРЮЛ становятся правами участников. В рамках такого подхода А.А. Кузнецов весьма

¹ См.: Кузнецов А.А. «Мертвые души» в акционерных обществах: как меняется практика? Колонка Александра Кузнецова (<https://shortread.ru/mertvye-dushi-v-akcioner-nyh-obshhestvah-kak-menyetsya-praktika-kolonka-aleksandra-kuznecova/>).

Судя по всему, в пользу такого решения склоняются С.Ю. Филиппова и И.С. Шиткина (см.: Филиппова С.Ю., Шиткина И.С. К вопросу о судьбе акций, принадлежавших акционеру, утратившему правоспособность. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15 декабря 2022 года № 304-ЭС22-10636 // Вестник экономического правосудия РФ. 2023. № 2. С. 9–10). См. в поддержку также п. 6.2 Рекомендаций круглого стола АС Западно-Сибирского округа «По вопросам, вытекающим из гражданско-правовых споров» (принятых по результатам обсуждения на заседании круглого стола, состоявшегося 08.04.2022 в г. Тюмени) (утв. на заседании президиума АС Западно-Сибирского округа 13.05.2022) («Указанный [пятилетний] срок не распространяется на учредителей (участников) юридического лица, поскольку их права на получение имущества ликвидированного юридического лица, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, не ограничены каким-либо сроком»).

Такой же взгляд существовал и в дореволюционной литературе — см.: Писемский П. Указ. соч. С. 220–221.

² См.: Кузнецов А.А. Указ. соч.

остроумно избавляется от целого ряда рассмотренных выше недостатков теории А.Г. Карапетова и Д.В. Новака. Так, из обоснования концепции уходит спорная аналогия с наследственным преемством и заменяется идеей о товариществе как основе любой корпорации. Сообщество правопреемников становится гомогенным, так как в него входят только участники (но не кредиторы). Одновременно решается вопрос с пятилетним сроком для заявления иска со стороны участников: этот срок их просто никак не связывает, и его истечение не влечет утраты ими прав.

Однако, несмотря на определенную элегантность такого решения, оно все же также оказывается не свободно от недостатков и противоречий.

Во-первых, данная теория тоже плохо согласуется с закрепленным в п. 1 ст. 61 ГК определением ликвидации, которое не предполагает никакого универсального правопреемства.

Во-вторых, рассматриваемая точка зрения искусственно сужает понятие «заинтересованное лицо»/«лицо, имеющее право на распределение имущества» (п. 5.2 ст. 62 ГК), фактически сводя его к кредиторам. Такой подход выглядит спорным, поскольку системное толкование ГК показывает, что законодатель вообще-то обычно прекрасно понимает разницу между «заинтересованными лицами» (например, п. 4 ст. 51, п. 5 ст. 62 и п. 1 ст. 151 ГК) и «кредиторами» (например, п. 4 ст. 60.1 и п. 1 ст. 64.1 ГК), и сложно подозревать его в том, что, используя в п. 5.2 ст. 64 ГК первый термин, он в реальности имел в виду вторую категорию лиц¹.

Кроме того, такой взгляд противоречит судебной практике, которая, как уже отмечалось выше, в равной степени не допускает реализацию прав юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ, ни участниками, ни кредиторами (абз. 3 п. 41 Постановления № 6)². Пленум ВС РФ прямо указывает, что как тем, так и другим при обнаружении нераспределенных прав требования к третьим лицам требуется начать постликвидационную процедуру в соответствии с п. 5.2 ст. 64 ГК. Это означает, что судебная практика не только не видит никакого универсального правопреемства в момент исключения ликвидируемого юридического

¹ В немецком праве право обратиться в суд с требованием о введении *Nachtragsliquidation* также признается за фактически любым заинтересованным лицом (в максимально широком смысле слова). См.: *Bachner T.* Op. cit. § 273. Rn. 37.

² См. также, например: постановления АС Волго-Вятского округа от 21.05.2021 по делу № А79-5626/2015 и от 21.12.2020 по делу № А29-17115/2019.

лица из ЕГРЮЛ¹, но и полагает, что «заинтересованное лицо» по п. 5.2 ст. 64 ГК включает в себя и участников, и кредиторов.

В-третьих, если в момент исключения юридического лица из ЕГРЮЛ все его права и обязанности переходят в общее обладание участников, непросто объяснить, почему такое правопреемство не должно происходить в неизменном виде. В частности, с одной стороны, сложно понять, почему к участникам не будут переходить в полном объеме все долги юридического лица, хотя бы те и превышали объем нераспределенных активов (ведь обычное простое товарищество не предполагает никаких пределов ответственности товарищей по долгам общего дела). С другой стороны, крайне непросто объяснить, почему по прошествии пяти лет после исключения юридического лица из ЕГРЮЛ участники смогут освободиться от требований кредиторов, которые не заявят их в порядке п. 5.2 ст. 64 ГК. Такое решение выглядит не вполне системным (зачем нужен этот пятилетний срок при наличии обычных сроков давности?), а кроме того, потенциально будет нарушать права кредиторов по длежащимся обязательствам, срок которых может превышать указанные пять лет (например, аренда, лизинг или иной долгосрочный кредит и т.д.).

Наконец, **в-четвертых**, рассматриваемая теория лишена универсальности с точки зрения сферы применения: она может использоваться только при ликвидации коммерческих корпораций. Однако она не годится, в частности, для описания того, что происходит при ликвидации некоммерческих организаций. Конечно, можно было бы сказать, что необходимо дифференцировать и правила, и концептуальные подходы к объяснению ликвидации для коммерческих и некоммерческих юридических лиц. Однако такой теоретический партикуляризм вряд ли можно было бы занести в актив анализируемого подхода.

¹ Аналогичный вывод скорее следует из практики СКГД ВС РФ по конкретным делам. Так, в одном из дел СКГД ВС РФ, по-видимому, предложила квалифицировать требование единственного участника юридического лица, ликвидированного в административном порядке, о признании права собственности на объект недвижимости, зарегистрированный за этим лицом, в качестве иска о распределении постликвидационного имущества на основании п. 5.2 ст. 64 ГК (Определение СКГД ВС РФ от 18.07.2017 № 78-КГ17-46). Впрочем, стоит отметить, что ввиду неясности формулировок, использованных СКГД ВС РФ, в литературе данное Определение иногда интерпретируется диаметрально противоположным образом: *Маврина Ю.Ф.* Распределение имущества корпорации как одно из последствий исключения юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц: вопросы теории и практики // Гражданское право. 2021. № 4 (СПС «КонсультантПлюс»); Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2020. С. 564–565 (автор комментария к ст. 8.1 – Р.С. Бевзенко).

Таким образом, несмотря на определенную остроумность рассматриваемого взгляда на ликвидацию, он все же обладает целым рядом недостатков, которые скорее мешают выбору его в качестве предпочтительной модели ликвидации.

4.4.1.3. Теория бессубъектной постликвидационной массы

Как представляется, положения ст. 419 и п. 5.2 ст. 64 ГК могут быть примирены между собой и без того, чтобы моделировать в данном случае универсальное правопреемство.

Исключение юридического лица из ЕГРЮЛ можно считать обладающим абсолютно конститутивным эффектом: правосубъектность лица прекращается и далее не будет восстанавливаться. Однако принадлежавшие юридическому лицу нераспределенные права и обязанности (в том числе из обязательств) не прекращаются, а входят в состав отдельной бессубъектной постликвидационной массы. В течение пяти лет после исключения из ЕГРЮЛ заинтересованные лица вправе заявить преобразовательный иск о распределении указанной имущественной массы и (в случае с кредиторами) обращении на нее взыскание. Если же такой иск не заявлен, то соответствующее преобразовательное право прекращается, а вместе с ним — и входившие в состав имущественной массы права и обязанности (вещи становятся бесхозяйными, права участия в других корпорациях погашаются и т.д.)¹.

Основной аргумент против данной точки зрения состоит в том, что она допускает существование в отечественном гражданском праве бессубъектных прав и обязанностей². Справедливости ради, аналогичные

¹ В чем-то сходный вариант примирения п. 5.2 ст. 64 и ст. 419 ГК рассматривают и А.Г. Карапетов и Д.В. Новак, но с тем важным отличием, что, по их мнению, в период между исключением юридического лица из реестра и распределением активов на основании п. 5.2 ст. 64 ГК указанные активы являются *бесхозяйными* (см.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1480 (авторы комментария к ст. 419 — А.Г. Карапетов, Д.В. Новак)). Такой взгляд вызывает возражения как минимум по двум причинам. Во-первых, режим «бесхозяйности» годен только для вещей, а в состав вновь обнаруженного имущества могут входить различные имущественные права, отличные от прав на вещи. Во-вторых, даже к указанным вещам не должен применяться режим бесхозяйного имущества (ст. 225 ГК), поскольку ни о каком отказе от права собственности на них со стороны ликвидированного лица речи идти не может и, как следствие, они не могут быть свободно присвоены любым третьим лицом.

² См., например: *Гримм Д.Д.* К учению об объектах прав // Вестник гражданского права. 2007. № 1 (СПС «КонсультантПлюс») («...мысль о существовании безобъектных прав столь же несостоятельна, как и мысль о существовании бессубъектных прав»).

возражения можно встретить и в иностранной литературе, так как бессубъектное (пусть и временное) состояние субъективного права порой действительно рассматривают в качестве аномалии. Кроме того, анализируемый подход нередко критикуют с той точки зрения, что совершенно неясно, от чьего имени бессубъектная имущественная масса может участвовать в процессе, т.е., иными словами, кого именно представляет арбитражный управляющий, назначаемый в порядке п. 5.2 ст. 64 ГК¹.

Однако мы едва ли можем в полной мере согласиться с этими возражениями. Российскому праву прекрасно известны примеры выделения аналогичных совокупностей прав и обязанностей, которые могут существовать в течение ограниченного периода времени без привязки к конкретному субъекту. Наиболее яркий из таких примеров — это, конечно же, лежащее наследство (*hereditas iacens*). Наследственная масса в течение достаточно продолжительного периода времени (который в некоторых случаях может даже выходить за рамки стандартных шести месяцев (см. ст. 1154 и 1155 ГК)) не имеет субъекта, но тем не менее может участвовать в гражданско-правовом общении посредством специально назначенного управляющего (ст. 1173 ГК)², может стать банкротом (ст. 223.1 Закона о банкротстве³) и т.д.⁴ Сложно здесь не процитировать Э. Зеккеля, писавшего, что «без

¹ См.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1479 (авторы комментария к ст. 419 — А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

² См. в особенности абз. 1 п. 1 ст. 1173 ГК (формальным учредителем доверительного управления наследственным имуществом является нотариус), абз. 2 п. 3 ст. 1173 ГК (при доверительном управлении наследственным имуществом отсутствует выгодоприобретатель (кроме как в случае с завещательным отказом)) и п. 8 ст. 1173 ГК (в момент выдачи свидетельства о праве на наследственное имущество хотя бы одному из наследников к такому наследнику переходят права и обязанности учредителя доверительного управления). Эти положения закона явно свидетельствуют о том, что до принятия наследства отсутствует какой-либо субъект (сообщество субъектов), которому бы принадлежала наследственная масса.

³ Формально Закон о банкротстве говорит в данном случае о «банкротстве гражданина в случае его смерти». Однако очевидно, что за этим юридическим эвфемизмом в действительности скрывается банкротство наследственной массы.

В доктрине для объяснения обсуждаемого феномена иногда предлагается признать наследственную массу особым «юридическим лицом», обладающим конкурсоспособностью. См.: Анашкин С.П. Теория персонифицированной конкурсной массы // Вестник экономического правосудия РФ. 2022. № 10. С. 191–208.

⁴ См.: Черепяхин Б.Б. Указ. соч. С. 421 (автор указывает, что «имущество умершего рассматривается в качестве некоторого подобия ответчика по искам»).

бессубъектного права не может обойтись ни одно подлинное учение гражданского права»¹.

Поэтому вряд ли можно согласиться с тем, что рассматриваемый подход создавал бы какие-либо непреодолимые трудности, например, при разрешении вопроса, от чьего имени будет продаваться вновь обнаруженное имущество с торгов в ходе дополнительных ликвидационных процедур². В действительности здесь просто мог бы применяться ровно тот же подход, что уже используется в российском праве: именно наследственная масса рассматривается, например, в качестве стороны в процессе в рамках банкротных процедур. В качестве весьма характерного примера такого подхода можно сослаться на Определение СКЭС по конкретному делу, в котором Коллегия прямо указала на то, что в судебных процессах (в том числе обособленных спорах) банкротящаяся наследственная масса является *стороной в споре*, а от ее имени действует финансовый управляющий³.

Важным моментом здесь является также то, что в отношении такой бессубъектной постликвидационной массы (как и наследственной массы) сохраняется потенциальная возможность приобретения со стороны *конкретного* круга субъектов в течение *конкретного* периода времени, т.е. масса является именно бессубъектной (но не бесхозяйной), и только в пределах ограниченного периода⁴. Для исключения ситуации

¹ Зеккель Э. Секундарные права в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 206.

Впрочем, бессубъектность лежащего наследства вызывала и продолжает вызывать споры в доктрине (правда, не слишком актуальные для современной отечественной цивилистической теории). Идея об особой правосубъектности *hereditas iacens* иногда поддерживается в доктрине (обзор мнений на этот счет см., например: Герваген Л.Л. Развитие учения о юридическом лице. СПб., 1888. С. 30–31; Миронов И.Б. К вопросу о периоде бессубъектности наследственного имущества. Совершенствование механизма перехода прав на наследственное имущество // Актуальные вопросы наследственного права / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2016 (СПС «КонсультантПлюс»)), а также нашла закрепление в некоторых правопорядках — например, в Австрии и Швеции (см.: Wenckstern M. Op. cit. Section 3).

² См.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1479 (авторы комментария к ст. 419 — А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

³ См.: Определение СКЭС ВС РФ от 23.03.2023 № 305-ЭС22-13478(3).

⁴ Ср.: Райхер В.К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // Вестник гражданского права. 2007. № 2 (СПС «КонсультантПлюс») («Различным правопорядкам могли бы быть также известны обратные случаи, когда при отпадении по прошествии времени одного из двух субъектов реальные правоотношения превращались бы в потенциальные. К этой группе принадлежат, например, права требования и долги как

длительной правовой неопределенности законодатель устанавливает пресекательный срок для реализации указанной преобразовательной возможности: пять лет для постликвидационного распределения имущества. По истечении указанного срока участники юридического лица, а равным образом иные заинтересованные лица утрачивают возможность реализовать рассматриваемое преобразовательное право на присвоение/удовлетворение за счет постликвидационной массы. Как следствие, после утраты возможности присвоения исчезает и сама постликвидационная масса (включая в том числе обязательственные права и обязанности), так как она не может существовать в бессубъектном состоянии неограниченный период времени.

На практике суды, рассматривающие споры о постликвидационном распределении имущества, в качестве истца нередко указывают арбитражного управляющего ликвидированного лица (действующего от своего имени, но в интересах ликвидированного лица)¹, или даже «арбитражного управляющего в процедуре распределения имущества» ликвидированного лица². Фактически любой из этих подходов не слишком далеко отстоит от того, чтобы признать, что процесс ведется арбитражным управляющим в интересах соответствующей постликвидационной массы.

Рассматриваемые идеи находят косвенную поддержку в судебной практике. Как уже упоминалось выше, абз. 3 п. 41 Постановления № 6 исходит из того, что права требования, не распределенные до ликвидации, не могут быть осуществлены участниками или кредиторами юридического лица, но могут быть распределены в порядке, предусмотренном п. 5.2 ст. 64 ГК. Это явно указывает на то, что исключение юридического лица из ЕГРЮЛ само по себе еще не влечет никакого моментального преемства в нераспределенных активах, а переход со-

составные части еще не принятого наследства (*hereditas jacens*), где один из субъектов (должник или кредитор) обязательственного правоотношения еще отсутствует. Но вследствие этого обязательственное правоотношение не прекращается, оно просто превращается в потенциальное, в остальном же сохраняет свое действие в выше-названных аспектах»).

¹ См., например: постановления АС Дальневосточного округа от 30.08.2021 № Ф03-3849/2021 и от 15.01.2021 № Ф03-6007/2020 (процесс в судах велся «арбитражным управляющим ликвидированного ООО»).

См. также: постановление АС Московского округа от 31.03.2022 № Ф05-5488/2022 (суд признал правоспособность ликвидированного лица частично восстановленной, но при этом посчитал, что иск заявлен самим арбитражным управляющим, действующим «в интересах» указанного лица).

² См.: постановление АС Уральского округа от 21.03.2022 № Ф09-1383/22.

ответствующих прав происходит лишь в рамках постликвидационных процедур.

Кроме того, в одном из недавних дел СКЭС ВС РФ (далее – СКЭС или Коллегия) допустила возможность принудительного возмездного выкупа акций, которые в реестре акционеров числятся за ликвидированным лицом. При этом Коллегия (хотя и скорее *obiter dictum*) указала, что цена такого выкупа не подлежит выплате, если с момента ликвидации прошло более пяти лет¹. По-видимому, СКЭС в данном случае исходила из того, что по истечении пяти лет участники ликвидированного акционера уже утрачивают не только право требовать распределения акций, принадлежавших такому акционеру, но и участвовать в каких-либо выгодах от выкупа или иного возмездного изъятия акций, т.е. теряют какую-либо возможность присвоить такие акции².

Восприятие концепции бессубъектной постликвидационной массы имеет также то преимущество, что позволяет на основании п. 5.2 ст. 64 ГК легко возобновить как внебанкротные, так и банкротные процедуры. Иными словами, в таком случае легко будет обеспечить соблюдение как общих правил ликвидации, так и принципов банкротства, включая принцип *pari passu* при удовлетворении требований кредиторов. Кроме того, данная концепция легко может быть применена и при ликвидации некоммерческих организаций, так как нет никаких препятствий для того, чтобы и такие организации оставляли после себя некоторую постликвидационную массу, которая впоследствии могла бы быть распределена в соответствии с п. 5.2 ст. 64 ГК.

Наконец, еще одно достоинство рассматриваемой теории состоит в том, что она отнюдь не отрицает наличие товарищеских отношений между участниками ликвидированного юридического лица. Напротив, даже после исключения корпорации из ЕГРЮЛ ее участники продолжают находиться в фидуциарных отношениях касательно постликвидационного имущества. Поэтому, например, реализация одним из участников прав по п. 5.2 ст. 64 ГК должна влечь распределение постликвидационных активов *среди всех участников* (как это и происходило бы, если бы такие активы были обнаружены до исключения из ЕГРЮЛ). Аналогичным образом участник ликвидированной корпорации не может просто присвоить такие активы себе – если он так

¹ См.: Определение СКЭС ВС РФ от 31.01.2023 № 305-ЭС22-13675.

² Более подробный анализ см.: Чупрунов И.С. Проблема «потерянных» участников корпорации: развернутый комментарий к определениям Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15 декабря 2022 года № 304-ЭС22-10636 и от 31 января 2023 года № 305-ЭС22-13675 // Вестник экономического правосудия РФ. 2023. № 5. С. 32–34.

поступает, то он, помимо прочего, нарушает фидуциарные обязанности по отношению к другим участникам и должен будет отвечать за это. Эти идеи можно косвенно вывести и из п. 5.2 ст. 64 ГК, так как там прямо говорится о распределении постликвидационного имущества по общим правилам о ликвидации.

Таким образом, в целом анализируемая концепция бессубъектной постликвидационной массы вполне могла бы быть воспринята отечественной доктриной и правоприменительной практикой, поскольку она дает менее противоречивые результаты, нежели рассмотренные выше теории, базирующиеся на модели универсального правопреемства.

4.4.2. Теория «двойного состава»

Отдельного рассмотрения заслуживает теория, отрицающая абсолютно конститутивный эффект исключения записи о юридическом лице из ЕГРЮЛ. Такой подход по своей сути мало чем отличается от немецкой теории «двойного состава»: исключение из ЕГРЮЛ лишь тогда приобретает юридическую силу, когда после юридического лица не осталось никакого нераспределенного имущества. Если же такое имущество все же сохранилось, то исключение записи из ЕГРЮЛ объявляется ошибочным, а юридическое лицо признается продолжающим существовать, по крайней мере в той степени, в которой это необходимо для распределения имущества в соответствии с п. 5.2 ст. 64 ГК.

Такая концепция в действительности является наиболее догматически стройной и дающей наименее противоречивые результаты. Только она может максимально просто объяснить: (а) почему постликвидационная масса будет подчиняться ровно тому же режиму, какому до этого подчинялось ликвидированное юридическое лицо; (б) от чьего имени в рамках процедур по п. 5.2 ст. 64 ГК действует арбитражный управляющий и т.д.¹ Помимо этого, рассматриваемый подход позволяет избежать проблему бессубъектных прав и обязанностей, которая вызывает столь много беспокойства (хотя и едва ли обоснованного) в современной отечественной цивилистике.

Также отметим, что рассматриваемая концепция (впрочем, как и теория бессубъектной постликвидационной массы) легко позволит не только распределять вновь обнаруженное постликвидационное имущество среди участников, но и вводить процедуры банкротства

¹ См. об этом: *Егоров А.В.* Юридическое лицо. С. 77.

при недостаточности такого имущества для удовлетворения всех требований кредиторов. Фактически, преодолев формализм и строгость принципа внесения, мы позволяем применять к распределению вновь найденных активов тот же самый режим, что применялся бы, если бы они были обнаружены изначально. Все неудовлетворенные кредиторы юридического лица, а затем и его участники могут претендовать на проведение новых ликвидационных (в том числе при необходимости — банкротных) процедур в отношении вновь выявленных активов, притом с применением принципа *pari passu*, обеспечивающего формальное равенство всех кредиторов.

Важно отметить, что рассматриваемый взгляд на постликвидационные процедуры был в более или менее четком виде выражен в Концепции, которая исходила из следующего. При обнаружении после исключения из ЕГРЮЛ нераспределенных активов процедура ликвидации (в том числе банкротства) может быть возобновлена¹. Это, по-видимому, предполагало именно восстановление юридического лица, хотя бы и необязательно сопровождающееся исправлением записи в ЕГРЮЛ. Рассматриваемый взгляд порой находит явную поддержку и среди представителей доктрины. Так, А.В. Егоров прямо указывает следующее: «По-видимому, при обнаружении имущества юридического лица фактически происходит возобновление процедуры его ликвидации и временное его восстановление для целей распределения активов. Так, если речь идет о правах требования к должникам ликвидированного юридического лица, то эти права считаются непрекращавшимися в момент исключения данного лица из ЕГРЮЛ»².

Кроме того, вообще-то российский правопорядок в принципе не рассматривает запись о ликвидации юридического лица в качестве обладающей абсолютно конститутивным эффектом. Российская судебная практика прямо признает допустимость признания недействительной записи об исключении юридического лица из ЕГРЮЛ, притом как в случаях, когда такое исключение происходило в административном порядке, но с нарушениями положений закона, так и в ситуации внебанкротной ликвидации с нарушением соответствующей процедуры³. Следовательно, в целом российское право не видит существенных

¹ См.: разд. I подразд. 5 п. 2.11 Концепции.

² См.: Егоров А.В. Юридическое лицо. С. 77.

³ Об указанной практике см., например: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1492–1493 (авторы комментария к ст. 419 — А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

проблем с тем, чтобы запись в реестре о прекращении юридического лица считалась внесенной в результате ошибки, а потому лишенной конститутивного эффекта (а обязательства юридического лица — никогда не прекращавшимися).

Какие аргументы могут быть выдвинуты против рассматриваемой концепции?

Во-первых, хотя Концепция предполагала закрепить в ГК возможность возобновления процедуры ликвидации и восстановления юридического лица, данная идея, судя по всему, была в явном виде отвергнута в ходе дальнейшего законотворческого процесса. По свидетельствам участников соответствующей рабочей группы, в ходе обсуждений возобладал подход, при котором распределение вновь обнаруженного имущества, принадлежавшего ликвидированному лицу, происходит без восстановления записи в ЕГРЮЛ, чтобы избежать излишних расходов¹. Р.Т. Мифтахутдинов, по его словам, входивший в указанную рабочую группу и бывший сторонником отказа от восстановления записи в ЕГРЮЛ, считает, что в основе возобладавшего подхода лежат идеи экономического анализа права — п. 5.2 ст. 64 ГК якобы помогает избежать введения постликвидационных процедур тогда, когда это не является экономически целесообразным².

Впрочем, нельзя сказать, что эти аргументы выглядят слишком убедительными.

Как бы ни складывался законотворческий процесс, вылившийся в итоге в реформу ГК 2014 г., буквальные формулировки п. 5.2 ст. 64 ГК не дают прямого ответа на вопрос, предполагает ли «процедура распределения обнаруженного имущества» возобновление юридического лица в прежнем виде. Взгляд, при котором такое возобновление обязательно требует восстановления записи в ЕГРЮЛ, сложно не признать чересчур формалистичным³. Едва ли в рассматриваемом вопросе важно строго придерживаться принципа внесения: постликвидационные процедуры не предполагают сколь-либо интенсивного

¹ См. об этом, например: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1476–1477 (авторы комментария к ст. 419 — А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

² См.: выступление Р.Т. Мифтахутдинова в рамках Выпуска #3.28 проекта «Петербургская цивилистика» (<https://www.youtube.com/watch?v=w9nfCOEMxjQ>; 32:23–39:45).

³ Стоит отметить, что в немецкой доктрине звучит немало голосов в пользу отсутствия какой-либо строгой необходимости восстанавливать запись о юридическом лице при введении *Nachtragsliquidation*. См.: *Bachner T.* Op. cit. § 273. Rn. 43.

участия юридического лица в правовом общении, что исключает для оборота существенные риски, связанные со взаимодействием с субъектом, не включенным в ЕГРЮЛ. Этим исключение из реестра записи о юридическом лице будет отличаться от включения в реестр записи о регистрации юридического лица. Вторая скорее должна обладать строго конститутивным эффектом: в отсутствие регистрации юридическое лицо не существует (что не мешает применять к отношениям между участниками еще не зарегистрированной корпорации норм о простом товариществе)¹.

Вполне мыслимо, что юридическое лицо могло бы признаваться продолжающим свое юридическое существование в стадии ликвидации и в отсутствие записи в ЕГРЮЛ, если исключение такой записи произошло в результате ошибки (что, как было показано выше, и сейчас признается допустимым судебной практикой при оспаривании исключения из ЕГРЮЛ записи о юридическом лице). Весьма сложно понять аргументы, высказываемые Р.Т. Мифтахутдиновым (если их действительно разделяло большинство участников законотворческого процесса): едва ли признание того, что идеальный правовой субъект (фикция) продолжает ограниченное существование (впрочем, как и восстановление записи о нем в ЕГРЮЛ), может повлечь какие-либо существенные издержки². Если же под напрасными расходами имеются в виду потенциальные затраты на восстановление регистраций юридического лица в налоговых органах, государственных фондах и т.д., то очень жаль, что такие соображения административного характера были приняты во внимание: едва ли продолжение существования идеального субъекта права (несмотря на исключение из ЕГРЮЛ) может зависеть от указанных действий³.

¹ См. об этом: *Чупрунов И.С.* К вопросу о принципах ведения корпоративных реестров // *Гражданское право. 2020. № 6.* С. 54–57.

² Кроме того, крайне спорной является идея о том, что в основе правил п. 5.2 ст. 64 ГК лежат какие-либо экономико-правовые соображения (особенно учитывая, что первоисточник указанной нормы — это, очевидно, нормы немецкого акционерного закона, разработчиков которых сложно заподозрить в симпатиях к экономическому анализу права). В реальности содержащееся в абз. 2 п. 5.2 ст. 64 ГК требование, согласно которому постликвидационные процедуры назначаются лишь при наличии достаточных средств, — это обычное правило о распределении судебных и иных издержек: заинтересованное лицо, требующее введения рассматриваемых процедур, должно либо само финансировать их, либо показать, что источником такого финансирования является постликвидационная масса (см. об этом также разд. 4.6).

³ Кроме того, сложно поверить, что, например, присвоение налоговыми органами лицу, исключенному из ЕГРЮЛ, того же ИНН на основании судебного решения

Наконец, стоит помнить, что рассматриваемые постликвидационные процедуры вводятся судом, а потому можно считать, что именно *на основании судебного решения* юридическое лицо признается не прекратившим свое существование. Этого, пожалуй, должно быть довольно, чтобы достаточным образом огласить сохранение юридическим лицом субъектности для целей ликвидации.

Крайне важно отметить, что рассматриваемый подход находит определенную поддержку в судебной практике. Существует немалый массив решений, в которых суды прямо указывают, что на основании п. 5.2 ст. 64 ГК «частично восстанавливается гражданская правоспособность ликвидированного юридического лица, а арбитражный управляющий действует от имени юридического лица с полномочиями ликвидатора»¹. В дополнение суды иногда, например, обязывают банки восстановить обслуживание расчетного счета ликвидированного лица²; в качестве одной из сторон спора в судебных актах указывают именно ликви-

о введении постликвидационных процедур было бы сопряжено с существенными издержками.

¹ См.: постановление АС Дальневосточного округа от 15.01.2021 № Ф03-6007/2020 (при этом суд прямо указал, что запись о юридическом лице в ЕГРЮЛ не восстанавливается, а также парадоксальным образом отказал в оспаривании сделки, совершенной ликвидированным юридическим лицом ввиду «отсутствия субъекта правовой защиты»).

См. также схожий подход: постановления АС Дальневосточного округа от 29.07.2022 № Ф03-3216/2022 и от 16.07.2019 № Ф03-2629/2019; АС Центрального округа от 26.04.2021 № Ф10-1134/2021 и от 08.07.2019 № Ф10-1931/2019 (при этом суд прямо указал, что запись о юридическом лице в ЕГРЮЛ не восстанавливается); АС Северо-Западного округа от 18.02.2020 № Ф07-18028/2019 (при этом суд прямо указал, что запись о юридическом лице в ЕГРЮЛ не восстанавливается); АС Уральского округа от 21.03.2022 № Ф09-1383/22 (при этом суд прямо указал, что запись о юридическом лице в ЕГРЮЛ не восстанавливается) и от 04.04.2019 по делу № А07-9019/2017; Первого ААС от 20.07.2022 № 01АП-4130/2022; Пятого ААС от 01.02.2023 № 05АП-7503/2022 и от 22.04.2022 № 05АП-956/2022 (суд даже указал, что арбитражный управляющий действует в качестве единоличного исполнительного органа ликвидированного юридического лица, в том числе выступая от его имени в судебных процессах); Шестого ААС от 26.06.2019 № 06АП-2670/2019; Пятнадцатого ААС от 21.11.2022 № 15АП-18303/2022; Одиннадцатого ААС от 14.12.2015 № 11АП-16296/2015.

Впрочем, не менее распространенным является и противоположный взгляд, согласно которому «назначение процедуры распределения обнаруженного имущества юридического лица не влечет за собой восстановление ликвидированного лица в ЕГРЮЛ» (см., например: постановления АС Восточно-Сибирского округа от 09.03.2021 по делу № А33-28339/2019 и АС Дальневосточного округа от 30.08.2021 по делу № А24-5787/2020).

² См.: постановления АС Московского округа от 31.03.2022 № Ф05-5488/2022 и АС Северо-Западного округа от 18.02.2020 № Ф07-18028/2019; Четвертого ААС от 12.04.2022 № 04АП-957/2022.

рованное юридическое лицо¹ и даже считают, что «ликвидация юридического лица в этом случае продолжается на той стадии, на которой она была завершена»².

Поэтому, хотя на текущий момент в отечественном праве преобладает точка зрения, согласно которой запуск постликвидационных процедур не влечет восстановление правосубъектности ликвидированного лица³, этот взгляд не вытекает из прямого текста закона. Аналогичным образом едва ли заслуживает поддержки и распространенное восприятие постликвидационной процедуры в качестве института *sui generis*, т.е. даже не ликвидации, а лишь некоторого особого процесса, к которому только по аналогии закона применяются правила о порядке ликвидации (и при необходимости отдельные нормы о банкротстве)⁴. Такой подход, конечно, сложно признать оптимальным, поскольку он вводит искусственную дифференциацию между порядком распределения имущества до исключения юридического лица из ЕГРЮЛ и после такого исключения. Подобная дифференциация не имеет ни-

¹ См., например: постановление АС Западно-Сибирского округа от 31.08.2022 № Ф04-3475/2022.

² См., например: постановление Первого ААС от 19.04.2019 № 01АП-2146/2019.

³ См., например: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1477 (авторы комментария к ст. 419 — А.Г. Карапетов, Д.В. Новак); *Лантес В.А.* Процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица (правовые аспекты) // Юрист. 2020. № 12 (СПС «КонсультантПлюс»); *Габов А.В.* Реорганизация и ликвидация юридических лиц. Пункт 7 комментария к ст. 64; *Богданов Е.В., Богданова Е.Е., Богданов Д.Е.* Указ. соч.; *Степанов Д.И.* Новые положения Гражданского кодекса о юридических лицах // Закон. 2014. № 7. С. 53–54.

В правоприменительной практике данный тезис в явном виде см.: постановления АС Волго-Вятского округа от 22.09.2020 № Ф01-12500/2020 и от 11.09.2017 № Ф01-3607/2017; АС Дальневосточного округа от 30.08.2021 № Ф03-3849/2021.

⁴ См., например: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1477 (авторы комментария к ст. 419 — А.Г. Карапетов, Д.В. Новак) («...процедура распределения обнаруженного имущества — это не возобновление процедуры ликвидации, а особая процедура, к которой ряд правил о процедуре ликвидации может применяться по аналогии»).

Иногда можно встретить утверждение, что правила о банкротстве в отношении постликвидационной процедуры применяются исключительно в части определения порядка назначения арбитражного управляющего (см.: постановление Шестого ААС от 26.06.2019 № 06АП-2670/2019) или не применяются вовсе (см.: *Степанов Д.И.* Новые положения Гражданского кодекса о юридических лицах. С. 54). Вторая точка зрения находит определенную поддержку и в судебной практике (см., например: постановления АС Московского округа от 31.01.2023 по делу № А41-84969/2020 и от 12.02.2020 по делу № А40-102850/2018).

какого обоснования и в явном виде не вытекает из закона. Неслучайно в немецком правопорядке процедура дополнительной ликвидации (*Nachtragsliquidation*) в значительной мере подчиняется общим правилам о ликвидации (правда, с учетом того, о распределении каких активов или о совершении каких действий в рамках *Nachtragsliquidation* идет речь)¹.

Во-вторых, еще одним аргументом против рассматриваемого подхода является сложность его примирения с установленным в п. 5.2 ст. 64 ГК пятилетним сроком. Если юридическое лицо действительно продолжает существовать/может быть восстановлено до той поры, пока есть нераспределенное имущество, то что происходит по истечении указанного срока? На каком основании через пять лет после исключения из ЕГРЮЛ юридическое лицо вдруг внезапно прекращает свое существование?

Пятилетний срок, установленный в п. 5.2 ст. 64 ГК, — это в действительности не слишком удачное политико-правовое решение, принятое российским законодателем, по-видимому, для устранения правовой неопределенности, которая могла бы усиливаться при более длительном сохранении неясности в отношении судьбы соответствующих прав и обязанностей. Однако такое решение не имеет никакой догматической основы и в целом выглядит излишним, поскольку в гражданском праве имеются иные способы устранения неопределенности, в том числе посредством истечения давностных сроков (исковая давность, приобретательная давность и т.д.). Что характерно, и в Германии, и во Франции не существует каких-либо предельных сроков для распределения имущества, оставшегося нераспределенным после исключения юридического лица из реестра. Этот же подход логичнее всего было бы воспроизвести и в российском праве. На текущий же момент следует констатировать, что российский правопорядок по малопонятным причинам исходит из строгой срочности существования юридического лица в постликвидационном состоянии.

4.4.3. Выводы

Таким образом, резюмируя, можно сделать следующие выводы. В пореформенном ГК, содержащем п. 5.2 ст. 64 ГК, уже более невозможно не замечать неточность, содержащуюся в ст. 419 ГК. В действительности ликвидация юридического лица не может пре-

¹ См.: *Bachner T.* Op. cit. § 273. Rn. 44–45.

кращать обязательства, если у такого юридического лица осталось нераспределенное имущество, включая права требования. При этом возможны разные варианты примирения между собой указанных норм закона.

Во-первых, можно пойти по пути признания того, что ликвидация (в узком смысле) случается уже в момент исключения юридического лица из ЕГРЮЛ (абсолютно конститутивный эффект исключения записи из ЕГРЮЛ). В таком случае наименее противоречивой конструкцией является та, в силу которой оставшиеся после ликвидации права и обязанности, включая обязательственно-правовые, формировали бы особую бессубъектную (но не бесхозяйную) имущественную массу. Эта масса могла бы существовать в течение пятилетнего периода, установленного в п. 5.2 ст. 64 ГК, ожидая распределения по иску заинтересованного лица. По истечении же указанного срока соответствующие права и обязанности бы прекращались.

Во-вторых, можно было бы отказаться от того, чтобы признавать, за исключением записи о юридическом лице из ЕГРЮЛ, абсолютно конститутивный эффект (теория «двойного состава»). При таком подходе, который нам представляется наиболее логичным и наименее противоречивым, юридическое лицо признавалось бы продолжающим существование (а ликвидация — непроизошедшей) до той поры, пока постликвидационное имущество не будет распределено (или не пройдет пресекательный пятилетний срок). Повторим, что идея о допустимости продолжения существования юридического лица, несмотря на исключение из реестра, является вполне очевидной для преобладающей доктрины в Германии и Франции (а до реформы — и в Италии). Это не может косвенно не указывать на то, каким путем следовало бы пойти и российской теории (преодолевая ставшие традиционными представления о последствиях исключения лица из ЕГРЮЛ).

В рамках дальнейшего обсуждения того, как исключение из ЕГРЮЛ влияет на различные элементы обязательственно-правовых отношений, мы будем исходить именно из теории «двойного состава» (в то же время абсолютное большинство рассуждений, приведенных ниже, будет в равной степени справедливо и для теории бессубъектной постликвидационной массы¹).

¹ Поскольку разница между этими двумя теориями в реальности состоит главным образом в том, наделяем ли мы особой правосубъектностью постликвидационную массу, или полагаем, что это не является принципиальным элементом конструкции.

4.5. Судьба различных элементов обязательственно-правовых отношений после исключения юридического лица из ЕГРЮЛ

Как справедливо отмечается в доктрине, в отечественном законе, а следом за ним и в доктрине термин «обязательство» не всегда последовательно используется для обозначения двух различных явлений¹. С одной стороны, законодатель нередко использует данный термин, чтобы охватить все правоотношения, возникающие из некоторого договора (или иного основания). С другой стороны, рассматриваемый термин часто употребляется в законе в более узком значении отдельно взятого обязательства стороны, которому противостоит право требования иного лица. На первый взгляд для целей ст. 419 ГК это разграничение не имеет значения: раз прекращение обязательства вызвано ликвидацией их *субъекта*, значит, речь идет обо *всех* обязательствах такого субъекта. В то же время полностью забыть о различии узкого и широкого значений обязательства в данном контексте тоже нельзя, поскольку, как было показано выше, формулировки ст. 419 ГК отличаются высокой степенью неточности.

Поэтому, во-первых, стоит отдельно обсуждать влияние ликвидации на права требования (разд. 4.5.1) и на обязанности из обязательств (разд. 4.5.2), поскольку постликвидационное распределение активов можно инициировать только при наличии активов, а не пассивов (и следовательно, ликвидация может по-разному сказываться на них). Во-вторых, необходимо самостоятельно анализировать нюансы того, что происходит при ликвидации с такими обязательствами (в широком смысле), которые осложнены синаллагматической связью (разд. 4.5.3). Наконец, в-третьих, стоит отдельно обсуждать особенности воздействия ликвидации на такой элемент обязательства (в широком смысле), как секундарное право (например, право на оспаривание, право на односторонний отказ и т.д.) (разд. 4.5.4).

4.5.1. Судьба прав требования

Исключение юридического лица из ЕГРЮЛ, как следует из предшествующего изложения, в принципе *не должно оказывать никакого влияния* на права требования, принадлежащие юридическому лицу

¹ См.: *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву // *Агарков М.М.* Избранные труды по гражданскому праву. Т. 2. М., 2012. С. 179–180; *Егоров А.В.* Многозначность понятия обязательства: практический аспект // *Вестник ВАС РФ*. 2011. № 4. С. 23–42.

на момент такого исключения (в том числе на права требования исключенного лица о взыскании убытков с директора, контролирующего лица (п. 3 ст. 53.1 ГК) и т.д.). Если такие права требования перешли к другому лицу (например, были реализованы ликвидатором), то о прекращении таких прав требования тем более не должно быть речи (но см. разд. 4.5.3 в отношении прав требования из синаллагматических обязательств).

Как следствие, несмотря на произошедшее исключение из реестра, такие права требования, или, точнее, противостоящие им обязанности, будут прекращаться лишь в общем порядке (а не на основании ст. 419 ГК). В частности, обязательства могут быть прекращены надлежащим исполнением со стороны третьего лица — должника; зачетом, произведенным таким должником; невозможностью исполнения, за которую должник не отвечает, и т.д.¹ После исключения юридического лица из ЕГРЮЛ его контрагенты тем не менее должны продолжать исполнять свои обязательства, поскольку ликвидация полностью не была завершена. Например, заемщик исключенного юридического лица должен продолжать платить проценты, а также вернуть заем — соответствующее предоставление должно просто производиться в депозит нотариуса (ст. 327 ГК). Такой подход прямо поддерживается в практике СКЭС, которая допускает уплату в депозит нотариуса цену за принудительный выкуп акций, оставшихся после исключения акционера из ЕГРЮЛ².

При этом из принципа добросовестности, имманентно дополняющего программу любого обязательства (п. 3 ст. 307 ГК), следует, что должник по требованию ликвидируемого лица не может скрывать от ликвидатора наличие такого требования, равно как и наличие имущества, являющегося предметом такого требования, например, вещи, которую арендатор должен вернуть по истечении договора аренды. Такой арендатор, зная, что ликвидатор не обнаружил в документах ликвидируемого юридического лица-арендодателя информации о договоре аренды и принадлежности арендуемой вещи арендодателю, в силу принципа добросовестности обязан сообщить об этом, в том числе в адрес участников юридического лица после его исключения из ЕГРЮЛ.

¹ При этом, конечно, некоторые основания прекращения обязательств могут оказаться фактически недоступны ввиду исключения кредитора из ЕГРЮЛ (например, прощение долга или отступное).

² См.: определения СКЭС ВС РФ от 31.01.2023 № 305-ЭС22-13675 и от 15.12.2022 № 304-ЭС22-10636.

В случае обнаружения прав требования после исключения из ЕГРЮЛ заинтересованные лица (т.е. участники, кредиторы и др.) имеют преобразовательный иск об их распределении (как и в случае с любым иным вновь обнаруженным имуществом). Такой преобразовательный иск будет распространяться в том числе на суммы, причитающиеся в пользу исключенного лица из предоставлений, перечисленных в депозит нотариуса. Однако по истечении пятилетнего срока (п. 5.2 ст. 64 ГК) должник вправе забрать средства из такого депозита в общем порядке, предусмотренном п. 3 ст. 327 ГК.

Если должник не исполняет своих обязательств перед исключенным лицом, то он должен нести за это ответственность на общих основаниях. Однако здесь отдельно должен обсуждаться вопрос о том, течет ли по таким нарушениям исковая давность в период до начала постликвидационной процедуры. Например, если должником по соответствующему праву требования является один из участников юридического лица, то давность, по-видимому, не должна течь, пока о соответствующем иске не узнает иное (независимое) «заинтересованное лицо» и не сможет инициировать процедуру по п. 5.2 ст. 64 ГК. В то же время если должник — это добросовестное третье лицо, которое никак не скрывало существование соответствующего долга в процессе ликвидации, то, напротив, предпочтительным может показаться вариант, при котором давность будет течь по общим правилам, невзирая на то, что кредитор (исключенное из ЕГРЮЛ лицо) не способен предпринять шаги по защите нарушенного права. В данном случае есть сомнения в том, что риски такой неспособности могут возлагаться на должника, никак не содействовавшего ее наступлению¹.

При этом истечение пятилетнего срока, установленного в п. 5.2 ст. 64 ГК, в любом случае будет прекращать право требования, принадлежавшее ликвидированному лицу (даже если исковая давность еще не истекла).

Вполне мыслимо, что право требования может оказаться не распределенным среди участников по той причине, что ликвидатор действовал неразумно или недобросовестно, т.е. нарушил фидуциарные

¹ По этой причине кажется спорной позиция АС Волго-Вятского округа, который в конкретном деле посчитал, что давность по требованиям ликвидированного юридического лица не может течь до завершения распределения обнаруженного имущества, так как «объективно отсутствует лицо, чье право было нарушено» (см.: постановление АС Волго-Вятского округа от 05.12.2022 по делу № А28-6586/2021). Как было описано выше, подход к течению давности должен быть более тонким и должен учитывать по меньшей мере то, является ли добросовестным должник.

обязанности усердия и лояльности. В таком случае у участников появляется, помимо права на распределение такого права требования по п. 5.2 ст. 64 ГК, прямое притязание к ликвидатору о возмещении убытков (ст. 64.1 ГК). Размер таких убытков будет включать как минимум расходы на саму процедуру постликвидационного распределения, а также любые потери, связанные с утратой шанса на получение исполнения в связи с несвоевременным обнаружением права требования. Например, если из-за нарушения со стороны ликвидатора исключенное из ЕГРЮЛ лицо лишится возможности получить от продавца скоропортящийся товар, то ликвидатор должен будет возместить такие убытки в полном размере. Аналогичные требования в адрес арбитражного управляющего могут возникнуть и у кредиторов исключенного юридического лица, если в отсутствие нарушения со стороны управляющего те могли бы получить удовлетворение из вновь обнаруженных прав требования.

Наконец, нельзя не упомянуть о том, что А.Г. Карапетов и Д.В. Новак придерживаются точки зрения, согласно которой по ст. 419 ГК ликвидация в любом случае должна прекращать такие права требования юридического лица, по которым «в силу самого существа обязательства и неразрывной связи с личностью кредитора правопреемство в принципе невозможно (ст. 383 ГК РФ)»¹. Этот взгляд вызывает серьезные сомнения. Во-первых, не является очевидным, что юридическому лицу в принципе могут принадлежать какие-либо права требования, которые обладали бы описанными характеристиками. Весьма характерно, что приводимые в ст. 383 ГК примеры тех прав требования, которые не могут переходить к другому лицу (требования об алиментах и о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью), очевидно, не могут принадлежать юридическому лицу. Во-вторых, если даже согласиться с тем, что ст. 383 ГК может применяться к некоторым требованиям юридического лица, это само по себе никак не должно препятствовать их сохранению в силу при исключении из ЕГРЮЛ. В рамках постликвидационных процедур по п. 5.2 ст. 64 ГК управляющий может требовать принудительного исполнения соответствующих прав требования со стороны должника (или, если применимо, возмещения убытков), а затем распределить полученное среди соответствующих заинтересо-

¹ См.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1492 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак). Аналогичную позицию см.: Гражданское право. Т. III / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 103 (автор раздела – Н.Б. Щербаков).

ванных лиц. Таким образом, невозможность правопреемства в данном случае никак не может использоваться для обоснования прекращения прав требования в связи с исключением из ЕГРЮЛ (притом в действительности вне зависимости от того, какой из упомянутых в разд. 4.4 теорий мы придерживаемся).

4.5.2. Судьба обязанностей из обязательств

В отличие от прав требования обязанности юридического лица из обязательств, не погашенные ликвидатором, *могут быть* прекращены на основании ст. 419 ГК вследствие исключения из ЕГРЮЛ.

Иногда встречается точка зрения, что это происходит в тех случаях, когда соответствующие обязательства являются «личными» для юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ. Такого взгляда, судя по всему, придерживается Р.Т. Мифтахутдинов, утверждающий, что в п. 41 Постановления № 6 заложена идея о сохранении таких обязательств, которые не являются личными, т.е. могут быть исполнены третьим лицом¹. Эта позиция едва ли может быть поддержана, поскольку невозможность исполнения обязательства ввиду ликвидации не должна лишать кредитора права на возмещение убытков, а потому и не должна сама по себе прекращать соответствующее обязательственно-правовое отношение.

В действительности условием для прекращения обязательства при исключении юридического лица из ЕГРЮЛ является отсутствие нераспределенных активов, которые бы оставались после ликвидации². В таком случае ликвидацию (в том числе шедшую по правилам о несостоятельности) можно считать полностью завершенной в момент исключения юридического лица из реестра, а долги — погашенными на основании дублирующих друг друга правил ст. 419 и п. 5.1 ст. 64 ГК³.

¹ См. выступление Р.Т. Мифтахутдинова в рамках Выпуска #3.28 проекта «Петербургская цивилистика» (<https://www.youtube.com/watch?v=w9nfCOEMxjQ>; 06:02-13:18).

² Об аналогичном подходе в немецком праве см.: *Berner G. Op. cit.* § 60. Rn. 42.

³ А.Г. Карапетов и Д.В. Новак утверждают, что ликвидация *фактически в любом случае* погашает «долги, которые в принципе не могут быть учтены и погашены в ходе соответствующей процедуры ликвидации организации либо могут быть обоснованно отвергнуты ликвидатором (либо конкурсным управляющим) по тем или иным правовым основаниям: например, долги, обусловленные встречным исполнением, которое не осуществлено до принятия решения о ликвидации» (Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1473 (авторы комментария к ст. 419 — А.Г. Карапетов, Д.В. Новак)). С этим утверждением едва ли можно в полной мере согласиться:

Однако если у исключенного лица все же в реальности остаются нераспределенные активы, то его долги перед третьими лицами в соответствующей части не погашаются. Такое возможно как минимум в трех ситуациях. Во-первых, это может произойти в банкротном контексте, когда кредиторы юридического лица не получают полного удовлетворения своих требований в ходе конкурса, но уже после него обнаруживается дополнительное имущество исключенного лица. Во-вторых, при ликвидации в административном порядке у кредиторов исключенного из реестра юридического лица в принципе нет адекватной возможности добиться удовлетворения своих требований за счет активов такого лица (если таковые имеются). В-третьих, требования кредиторов могут оказаться не включенными в промежуточный ликвидационный баланс, в том числе по причине незаявления таким кредитором требований в установленный срок или в результате нарушения со стороны ликвидатора. Как уже отмечалось ранее¹, вопреки судебной практике и мнению, иногда высказываемому в доктрине², едва ли есть достаточные основания для того, чтобы считать такие «забытые» требования погашенными ввиду исключения из ЕГРЮЛ, тем более что ГК соответствующих правил не содержит (п. 5.1 ст. 64 ГК).

Если у ликвидированного лица обнаруживаются дополнительные активы, даже «забытые» кредиторы вправе участвовать в их распределении (как указывалось выше, именно такое регулирование предполагалось включить в Проект Гражданского Уложения). Помимо этого, в описываемой ситуации они также имеют прямой иск к ликвидатору, если тот нарушил свои фидуциарные обязанности при разыскании постликвидационных активов, поскольку в ликвидационном контексте

указанные долги в реальности не погашаются, а трансформируются в притязания кредитора о возмещении убытков. По-видимому, позиция указанных авторов базируется на весьма спорной концепции деления обязательств на регулятивные и охранительные, т.е., указывая на погашение долга, авторы имеют в виду невозможность исполнения в натуре, но не исключают ответственности на стороне должника.

¹ См. разд. 3.5.

² См.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1466–1467, 1473, 1481 (авторы комментария к ст. 419 — А.Г. Карапетов, Д.В. Новак); Юридические лица в российском гражданском праве. Т. 3: Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц / отв. ред. А.В. Габов. Глава 3 § 2 (автор — А.В. Габов) («... если кредитор не заявит свои права в течение срока ликвидации, то эти права могут быть более им уже никогда не осуществлены, поскольку они прекратятся»); *Белов В.А.* Указ. соч. С. 196.

О неоднозначности судебной практики по рассматриваемому вопросу см.: *Борисенко А.В.* Указ. соч. С. 166–171.

с точки зрения позитивного права бенефициарами таких обязанностей является не только само ликвидируемое лицо, но и его кредиторы (абз. 1 п. 4 ст. 62 ГК).

Из описанных общих правил погашения долгов следует сделать еще одно важное исключение. Если по итогам исключения из ЕГРЮЛ какое-то имущество, оставшееся после удовлетворения требований кредиторов, было распределено между участниками (или собственниками имущества) или (в случае ликвидации некоммерческой организации) иными лицами, то должен ставиться вопрос о том, чтобы дать кредиторам, не получившим удовлетворения, права на иск к получателям такого имущества. При этом такой иск, без всяких сомнений, должен даваться против недобросовестных получателей, т.е. таких, которые знали, что, распределяя имущество, они в реальности причиняют ущерб кредиторам¹. Именно такое решение когда-то предлагалось закрепить в Проекте Гражданского Уложения: кредиторы, не получившие удовлетворения в ходе ликвидации, не могли претендовать на имущество, добросовестно распределенное среди участников акционерного товарищества (ст. 2381)².

¹ При банкротной ликвидации в качестве основания для такого требования может также выступать п. 11 ст. 142 Закона о банкротстве, согласно которому «кредиторы, требования которых не были удовлетворены в полном объеме в ходе конкурсного производства, имеют право требовать обращения взыскания на имущество должника, незаконно полученное третьими лицами, в размере требований, оставшихся непогашенными в деле о банкротстве». Данное требование, по-видимому, могло бы рассматриваться в качестве самостоятельного деликтного иска, доступного кредиторам.

При этом квалификация этого требования и его соотношение с требованиями кредитора к ликвидированному должнику могут вызывать споры.

С одной стороны, М.В. Телюкина полагает, что наличие требования по п. 11 ст. 142 свидетельствует о том, что и обязательство самого ликвидированного должника не прекратилось (см.: *Телюкина М.В.* Легитимация передачи требований к несубъекту. С. 64–65). Такая позиция не может не вызывать сомнений, так как она, судя по всему, основана на понимании солидарных обязательств в качестве одного единого обязательства (что не соответствует преобладающим современным представлениям (см.: *Павлов А.А.* Пассивные солидарные обязательства в разъяснениях Верховного Суда РФ // Закон. 2017. № 1. С. 59–61; *Тололаева Н.В.* Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция: дис... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 15–16; *Павлов А.А.* К вопросу о сущности солидарных обязательств // Очерки по торговому праву: сб. науч. тр. / под ред. Е.А. Крашенинникова. Вып. 17. Ярославль, 2010. С. 65–75).

С другой стороны, А.Г. Карапетов и Д.В. Новак считают, что иск по п. 11 ст. 142 — это право требования, принадлежащее *самоу юридическому лицу*, исключенному из реестра, а не напрямую кредиторам.

² См.: Гражданское Уложение. Проект Высочайше утвержденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. С. 1011–1012.

Более сложным является вопрос о том, может ли кредитор предъявлять требования в отношении участников, *добросовестно* получивших свою ликвидационную квоту в ущерб кредитора. В немецкой литературе преобладает мнение, что возможность требовать возмещение от участников появляется только тогда, когда они получили выплаты в нарушение закона, притом вне зависимости от их добросовестности или доступности им возражения об утрате полученного (т.е. в данном случае речь не идет о применении норм о неосновательном обогащении)¹. Как было показано выше, в Италии данный вопрос напрямую регулируется в ГК: непогашенные требования могут быть предъявлены к участникам *società di capitali*, но только в пределах полученной ликвидационной квоты (art. 2495 comma 2, c.c.). При этом указанные обязательства участников возникают вне зависимости от наличия их вины в том, что такие требования не были погашены в ходе процедур ликвидации². С точки зрения российского права разумнее всего было бы дать кредиторам аналогичный иск, хотя в отсутствие специальных норм в законе его основание, а также порядок взыскания (прямой иск кредитора или возмещение в пользу юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ, с последующим распределением по п. 5.2 ст. 64 ГК) могут вызывать споры.

В целом, как было показано выше, после исключения должника из ЕГРЮЛ в реальности может образовываться состояние неопределенности в отношении того, сохранилось ли у кредитора право требования. Ответ на этот вопрос всегда будет зависеть от того, обнаружатся ли у должника в последующем какие-либо активы. Как следствие, нет ничего невозможного или юридически предосудительного в том, чтобы такие права требования становились предметом оборота³. В случае их продажи фактически можно вести речь о том, что покупатель приобретает своеобразный шанс на получение

¹ См.: Müller H.-F. Op. cit. § 73. Rn. 47, 52, 55; Bachner T. Op. cit. § 272. Rn. 32; Pau-
ra J. Op. cit. § 73. Rn. 51–52.

В немецком праве по общему правилу субъектом любых таких требований будет само юридическое лицо, а кредиторы смогут лишь претендовать на обращение взыскания на эти требования, а в случае с акционерным обществом также добиться взыскания в пользу самого общества на основании AktG § 62 Abs. 2 S. 1 (см.: Limpert S. Op. cit. § 65. Rn. 52; Müller H.-F. Op. cit. § 73. Rn. 51; Bachner T. Op. cit. § 272. Rn. 32–33).

² См.: Sangiovani V. Op. cit. P. 1139.

³ Иную точку зрения, основанную на буквальном прочтении ст. 419 ГК, см.: Гутников О.В. Ответственность контролирующих лиц по обязательствам ликвидированного юридического лица: *pro et contra* // Цивилистика. 2020. № 5. С. 224–225.

удовлетворения со стороны должника¹. При этом вместе с правом требования (если таковое, конечно, имеется) цессионарий получает принадлежавшую цеденту секундарную возможность инициировать постликвидационную процедуру распределения имущества на основании п. 5.2 ст. 64 ГК². В практике СКЭС ВС РФ уступка требований к ликвидированному в банкротстве должнику признается прямо допустимой³ (хотя при этом и используется крайне спорная аргументация, основывающаяся на подгонке солидарных требований под сферу действия предусмотренного в ст. 419 ГК исключения о возложении исполнения обязательства на третье лицо⁴).

¹ Здесь легко увидеть аналогию с *emptio spei*, которую иногда предлагается понимать в качестве купли-продажи с необычным распределением риска (см.: Шербаков Н.Б. *Emptio rei speratae* и *emptio spei*: в поисках понятия алеаторной сделки // Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики: сб. ст. к юбилею доктора юридических наук, профессора Е.А. Суханова. М., 2018 (СПС «Гарант»). В то же время надо понимать, что квалификация таких отношений в качестве отношений из купли-продажи многие века остается спорной, поскольку кауза *emptio spei* отличается очевидным своеобразием и с трудом укладывается в традиционное восприятие каузы купли-продажи.

² А.Г. Карапетов и Д.В. Новак придерживаются иной точки зрения и считают, что «более корректно вести речь об отчуждении в указанных случаях не обязательно-ного притязания к уже ликвидированному должнику (ибо такого требования уже нет), а ...права на ретроактивное вступление в права на скрытое имущество должника, которое может быть обнаружено (включая права требования ликвидированной организации к своим дебиторам), и участие в распределении данного имущества по правилам п. 5.2 ст. 64 ГК РФ» (Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1488 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак)). Этот взгляд, основанный на идее, что ст. 419 ГК погашает требования кредиторов, кажется спорным, о чем уже было сказано выше.

³ См.: определения СКЭС ВС РФ от 02.09.2020 № 302-ЭС20-9010 (1, 2) и от 21.10.2019 № 308-ЭС19-12135.

В литературе данное Определение иногда толкуется таким образом, что уступка требований возможна только к такому должнику, который был ликвидирован в порядке, предусмотренном Законом о банкротстве (см.: Телокина М.В. Легитимация передачи требований к несубъекту. С. 102–104). С этим выводом невозможно согласиться, поскольку СКЭС, помимо прочего, прямо ссылается на п. 5.2 ст. 64 ГК, которые подлежат применению при любом варианте ликвидации (а не только при несостоятельности).

⁴ См.: определения СКЭС ВС РФ от 02.09.2020 № 302-ЭС20-9010 (1, 2) и от 21.10.2019 № 308-ЭС19-12135.

На эту неточность обращают внимание и А.Г. Карапетов, и Д.В. Новак, но при этом полагают, что в рассматриваемом примере право требования к ликвидированному должнику уже прекратилось (см.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1483 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов,

Наконец, стоит упомянуть, что ликвидация юридического лица, конечно, никак не сказывается на обязательствах, которые могут быть перед кредиторами у третьих лиц в рамках солидарной (в том числе субсидиарной) ответственности. В качестве примера можно привести субсидиарную ответственность собственника имущества по долгам казенного предприятия (п. 6 ст. 113 ГК) или учреждения (п. 3 ст. 123.21 ГК), а также солидарную (в том числе субсидиарную) ответственность основного общества по обязательствам дочернего в случаях, предусмотренных законом (п. 2 ст. 67.3 ГК). Как наглядно демонстрирует Н.В. Тололаева, субсидиарная ответственность перед кредитором являются не чем иным, как разновидностью солидарной ответственности¹. По этой причине, если даже ликвидация погашает обязательство ликвидированного должника, такое прекращение не может влиять на самостоятельное обязательство, лежащее на лице, несущем указанную субсидиарную ответственность².

Тот же подход должен применяться и в случаях, если третье лицо дало поручительство или залог в обеспечение обязательств юридического лица. Такое поручительство или залог будут сохранять силу, хотя бы даже обязательство самого юридического лица прекратилось с полным завершением ликвидации. В таком случае нельзя вести речь ни о какой акцессорности поручительства или залога, поскольку, как и в иных случаях принятия солидарной ответственности по чужим долгам, поручитель и залогодатель берут на себя риски невозможности получения возмещения от основного должника³. Стоит отметить,

Д.В. Новак)). Как было показано выше, о прекращении в действительности можно вести речь только в тех случаях, когда ликвидация юридического лица окончательно завершена, т.е. не осталось никаких постликвидационных активов.

¹ См.: Тололаева Н.В. Указ. соч. С. 17, 147–150.

² См. в поддержку: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1467–1468 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

В литературе иногда встречается точка зрения, что субсидиарная ответственность участника по долгам ликвидированного юридического лица представляет собой форму правопреимства (см.: Габов А.В. Ликвидация юридических лиц. § 2.1). В силу представленных выше аргументов о самостоятельности обязательств содолжников в рамках солидарной ответственности (в том числе субсидиарной ответственности перед кредиторами) обе приведенные позиции представляются абсолютно ошибочными.

³ В поддержку см.: Müller H.-F. Op. cit. § 74. Rn. 34; Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1467–1468 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

что в абз. 1 п. 1 ст. 367 ГК законодатель, по-видимому, допускает неточность, ограничивая сферу применения описанного выше правила в отношении поручительства: обязательство из поручительства не прекращается исключительно в том случае, если до ликвидации должника кредитор «предъявил в суд или в ином установленном законом порядке требование к поручителю»¹. Такой подход представляется крайне сомнительным, поскольку ради усиления акцессорности поручительства существенно ухудшает положение кредитора (вынужденного регулярно проверять, не введена ли в отношении должника ликвидация) в отсутствие очевидных причин для защиты поручителя, вообще-то принявшего на себя соответствующие риски².

4.5.3. Судьба синаллагматических обязательств

Отдельного краткого внимания заслуживают синаллагматические обязательства, стороной которых являлось ликвидированное юридическое лицо, но которые не были прекращены до исключения его из реестра.

К таким обязательствам должны применяться общие подходы, отдельно описанные выше для прав требования и для долгов ликвидированного юридического лица. Единственный нюанс здесь будет связан с условным аспектом синаллагмы, в соответствии с которым по общему правилу при отпадении одного из обязательств (в узком смысле) должно прекращаться и встречное обязательство (в узком смысле) (п. 2 ст. 328 ГК). Поэтому, даже если контрагент может исполнить свою договорную обязанность (например, покупатель может

¹ К сожалению, данное правило не подверглось никакой существенной коррективке в п. 32 постановления Пленума ВС РФ от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве».

² Это обстоятельство нередко игнорируется в литературе (см., например: Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307—453 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 482—484 (автор комментария к ст. 367 ГК — Р.С. Бевзенко).

Но ср.: Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330—333, 380—381, 382—406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2022. С. 1200 (автор комментария к ст. 399 — А.Г. Карапетов) (автор выражает обоснованные сомнения в правильности решения законодателя, которое зафиксировано в п. 1 ст. 367 ГК); *Сарбаш С.В.* Поручительство: комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 24 декабря 2020 г. № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве». М., 2021. С. 343 (автор анализирует практику ВС РФ, дающую защиту пострадавшему кредитору вопреки неудачным формулировкам закона).

перечислить цену в депозит нотариуса), но вследствие исключения из ЕГРЮЛ юридическое лицо оказывается не способно исполнить свою встречную обязанность (передать предмет купли в собственность покупателя), у контрагента будет появляться возможность прекратить все обязательство в широком смысле слова. Как следствие, в подобных ситуациях у контрагента должно появляться право отказаться от соответствующего договора с возмещением убытков (а) за счет постликвидационной массы (если таковая имеется) или (б) со стороны ликвидатора, если соответствующее синаллагматическое обязательство не было обнаружено в результате нарушения ликвидатором своих фидуциарных обязанностей.

4.5.4. Судьба корпоративных обязательств

Отдельно следует рассмотреть вопрос о том, как исключение юридического лица из ЕГРЮЛ влияет на такую разновидность обязательств, как обязательства из корпоративных правоотношений. Особенность этих обязательств состоит в том, что в долях/акциях в действительности воплощаются как права, так и обязанности из соответствующих обязательственных отношений по ведению общего дела посредством юридического лица¹.

Наличие самостоятельной публикации в отношении данного вопроса освобождает нас от необходимости анализировать все детали позднейшей судебной практики, складывающейся по данному вопросу². Ограничимся лишь тем, что отметим следующее.

Во-первых, само исключение юридического лица из ЕГРЮЛ, естественно, не должно никак прекращать принадлежащие ему корпоративные права и обязанности, воплощенные в долях/акциях в третьем лице. Однако истечение пятилетнего срока на введение постликвидационных процедур должно влечь погашение таких долей/акций и утрату ликвидированным участником корпорации каких-либо корпоративных прав и обязанностей. При этом СКЭС в своей практике исходит из допустимости фактически принудительного выкупа исключенного из ЕГРЮЛ акционера, однако условия и процедура такого выкупа остаются не до конца ясными ввиду противоречивости

¹ См. об этом, например: Кузнецов А.А. Переход доли в уставном капитале (акций): практические и теоретические проблемы // Вестник гражданского права. 2023. № 3 (готовится к публикации); Чупрунов И.С. К вопросу о принципах ведения корпоративных реестров // Цивилистика. 2020. № 6. С. 37.

² См.: Чупрунов И.С. Проблема «потерянных» участников корпорации. С. 4–44.

соответствующих судебных решений¹. Впрочем, судя по всему, Коллегия все же считает, что истечение пятилетнего срока по п. 5.2 ст. 64 ГК ведет к утрате необходимости платить какую-либо покупную цену (путем ее внесения в депозит нотариуса)².

Во-вторых, в тех случаях, когда устав непубличной корпорации ограничивает возможность перехода доли к третьим лицам без согласия других участников, доля в уставном капитале, обнаруженная после исключения участника из ЕГРЮЛ, не может быть ни отчуждена, ни распределена в рамках постликвидационных процедур, если такое согласие не было получено. Все, на что в рассматриваемой ситуации могут рассчитывать заинтересованные лица, инициировавшие постликвидационные процедуры, — это распределение стоимости такой доли, причитающейся им в результате ее автоматического выкупа самой корпорацией по причине отсутствия согласия на переход доли (п. 8 ст. 21, п. 5 ст. 23 Закона об ООО). Этот тезис подтверждается и в практике СКЭС, которая абсолютно справедливо продолжает применять уставные ограничения на переход доли и в рамках постликвидационных процедур по п. 5.2 ст. 64 ГК³.

4.5.5. Судьба секундарных прав

Если после исключения юридического лица из реестра обнаруживаются некоторые секундарно-правовые возможности, которые связаны с договорным обязательством и реализация которых способна принести ему имущественную выгоду, у заинтересованных лиц должна быть возможность прибегнуть к процедуре, предусмотренной в п. 5.2 ст. 64 ГК.

Например, если после исключения юридического лица из ЕГРЮЛ выяснится, что незадолго до ликвидации от его имени была совершена заведомо невыгодная сделка (п. 2 ст. 174 ГК), заинтересованные лица имеют право инициировать введение постликвидационной процедуры по п. 5.2 ст. 64 ГК. Целью такой процедуры в данном случае будет, конечно, не просто реализация секундарного права на оспаривание

¹ См.: определения СКЭС ВС РФ от 31.01.2023 № 305-ЭС22-13675 и от 15.12.2022 № 304-ЭС22-10636.

² См. об этом: *Чупрунов И.С.* Проблема «потерянных» участников корпорации. С. 33–34.

³ Определение СКЭС ВС РФ от 13.07.2021 № 301-ЭС20-5843. См. также п. 16 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2021) (утв. Президиумом ВС РФ 16.02.2022).

сделки, а получение от контрагента имущества с целью его дальнейшего распределения среди участников корпорации или погашения за счет него долгов, оставшихся перед кредиторами.

Стоит заметить, что суды иногда узко толкуют закон и не позволяют арбитражному управляющему, назначенному на основании п. 5.2 ст. 64 ГК, оспаривать сделки, совершенные юридическим лицом. Так, АС Дальневосточного округа при разрешении конкретного спора отказал в иске об оспаривании сделки по продаже недвижимого имущества, совершенной ликвидированным юридическим лицом, приведя следующее обоснование: «Споры о праве определенного лица, о признании недействительными сделок в той части, в которой они совершены таким лицом, не могут быть разрешены в отсутствие самого правообладателя. Поскольку ликвидированное юридическое лицо не существует, то не имеется и субъекта правовой защиты, т.е. в его пользу невозможно что-либо взыскать, присудить, в том числе имущество»¹. С такой логикой, конечно, нельзя согласиться: в действительности, арбитражный управляющий вправе реализовывать любые права, принадлежащие исключенному из ЕГРЮЛ юридическому лицу, если это позволяет увеличить состав его имущества.

При этом отечественной практике известны и такие примеры, когда суды позволяли начать постликвидационную процедуру по п. 5.2 ст. 64 ГК для реализации секундарных прав (в том числе и вне рамок обязательно-правовых отношений). Так, суды разрешали воспользоваться указанной процедурой для того, чтобы управляющий смог продлить регистрацию товарного знака по истечении срока действия (абз. 3 п. 2 ст. 1491 ГК) и тем самым вернуть в постликвидационную массу соответствующее исключительное право², а равным образом — оспорить сделки и вернуть в постликвидационную массу недвижимое имущество³.

Аналогичным образом могут не прекращаться секундарные права, принадлежащие третьим лицам, если реализация таких прав влечет правовые последствия для юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ. Так, обладатель прав из опциона на заключение договора может иметь возможность реализовать это право и после исключения связанной стороны из ЕГРЮЛ — такая реализация будет, как и в иных

¹ Постановление АС Дальневосточного округа от 15.01.2021 № Ф03-6007/2020.

² См.: постановления Президиума Суда по интеллектуальным правам от 31.01.2020 № С01-1334/2019 и АС Московского округа от 10.10.2022 по делу № А41-76479/2021.

³ Постановление АС Уральского округа от 04.04.2019 по делу № А07-9019/2017.

случаях, влечь возникновение договорных обязательств — правовых отношений, притязания из которых могут быть удовлетворены за счет постликвидационной массы (конечно, если таковая имеется). Схожее решение разумно было бы применять и в той ситуации, когда у контрагента юридического лица имеется право на отказ или право на оспаривание договора: исключение такого юридического лица само по себе не будет влечь прекращение таких прав при наличии постликвидационной массы.

4.6. Суть постликвидационной процедуры по п. 5.2 ст. 64 ГК

Как было показано выше, суть постликвидационной процедуры по п. 5.2 ст. 64 ГК состоит в том, что заинтересованное лицо обладает правом на преобразовательный иск, удовлетворение которого вновь запускает процедуры ликвидации в отношении обнаруженного имущества юридического лица. В частности, в отношении юридического лица снова назначается особый ликвидатор (арбитражный управляющий), который будет представлять его в рамках того, что законодатель именует «распределением имущества» (п. 5.2 ст. 64 ГК).

Запись о юридическом лице в ЕГРЮЛ не восстанавливается, поскольку, как было показано выше, это не имеет критического значения для оборота. Все участие юридического лица в гражданско-правовом общении теперь сводится к распределению вновь обнаруженного имущества, а потому нет никакой необходимости в том, чтобы оповещать оборот о существовании юридического лица путем внесения записи в ЕГРЮЛ. Решение суда о введении постликвидационных процедур служит достаточным элементом публичности для любых имеющихся кредиторов и должников юридического лица, исключенного из реестра.

Полномочия управляющего в рамках постликвидационных процедур также являются весьма ограниченными. Он действует от имени юридического лица исключительно в целях распределения вновь обнаруженного имущества, а следовательно, по общему правилу не будет совершать никакие новые сделки от имени юридического лица.

Постликвидационные процедуры могут в зависимости от фактических обстоятельств обладать определенной спецификой по отношению к обычной ликвидации. Например, если исключению из ЕГРЮЛ предшествовала полноценная процедура ликвидации и количество вновь обнаруженных активов незначительно, то управляющий может, например, заново не оповещать кредиторов, не составлять промежуточный

баланс и т.д. Он должен будет лишь реализовать это обнаруженное имущество (в том числе путем взыскания долга с третьего лица, продажи имущества с торгов и т.д.) и распределить полученное среди «заинтересованных лиц».

Что же касается самого понятия «распределение имущества среди лиц, имеющих на это право» (п. 5.2 ст. 64 ГК), то его следует воспринимать в качестве собирательного краткого обозначения, охватывающего следующее:

— удовлетворение требований известных кредиторов, в том числе при наличии такой возможности в натуре, в порядке обычной внебанкротной ликвидации¹; или

— распределение имущества среди известных кредиторов в порядке банкротной ликвидации (в том числе, если даже само исключение юридического лица из ЕГРЮЛ не было результатом банкротной ликвидации)²; и (или)

— распределение имущества, оставшегося после расчетов с кредиторами, среди участников/направление этого имущества на уставные цели некоммерческой организации или иные благотворительные цели.

При этом важно отметить также три следующих принципиальных момента, которые должны учитываться при применении п. 5.2 ст. 64 (несмотря на то, что они прямо не выражены в законе).

Во-первых, хотя ГК в явном виде об этом не говорит³, любое «распределение» должно осуществляться строго в соответствии с *принципом пропорциональности*. Иными словами, в случае недостаточности обнаруженного имущества для погашения требований всех кредиторов такие требования должны удовлетворяться в соответствии с общими

¹ Суды иногда позволяют с согласия кредиторов передать им денежные требования к третьему лицу в счет погашения долга юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ. См.: постановление АС Волго-Вятского округа от 05.12.2022 по делу № А28-6586/2021.

² В пользу применимости норм о несостоятельности в рамках постликвидационных процедур см., например: п. 11 Рекомендаций научно-консультативного совета при АС суде Восточно-Сибирского округа от 06.07.2017 (г. Иркутск); п. 13 Рекомендаций Научно-консультативного совета при ФАС Уральского округа «Вопросы правоприменения по гражданским делам, подведомственным арбитражным судам» (по итогам заседания, состоявшегося 10 июня 2015 г. в г. Ижевске); постановления АС Восточно-Сибирского округа от 28.02.2023 по делу № А19-20188/2020; АС Дальневосточного округа от 22.09.2020 по делу № А73-15641/2018; АС Поволжского округа от 04.10.2016 по делу № А65-6572/2015; АС Уральского округа от 17.03.2021 по делу № А47-12394/2019 и АС Центрального округа от 12.03.2021 по делу № А14-18412/2019.

³ На странность такого подхода вполне справедливо обращает внимание А.В. Габов (см.: Габов А.В. Реорганизация и ликвидация юридических лиц. Пункт 7 комментария к ст. 64).

правилами банкротной очередности (ст. 134 Закона о банкротстве). Аналогичным образом распределение имущества среди участников юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ, должно производиться на пропорциональной основе (ст. 58 Закона об ООО; ст. 23 Закона об АО), т.е. так как если бы соответствующее имущество было обнаружено до исключения из ЕГРЮЛ.

Во-вторых, термин «распределение» не должен восприниматься чересчур буквально в тех случаях, когда речь идет о распределении ликвидационной квоты в пользу участников юридического лица. Если вновь обнаруженное имущество — это не денежные средства, то по общему правилу для целей распределения среди участников оно должно быть продано, т.е. превращено в денежную форму¹. Если же такое имущество способно к распределению среди участников в натуре (например, это облигации федерального займа), то оно может быть распределено таким образом, но исключительно с согласия участников юридического лица.

В-третьих, разрешая вопрос о введении указанных процедур и назначении арбитражного управляющего, суд лишь оценивает разумную вероятность взыскания таких долгов и соотношение между полученными выгодами и соответствующими расходами². Поэтому в рамках процесса о введении постликвидационных процедур суд, конечно же, не должен рассматривать существо соответствующих притязаний юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ, к третьим лицам — это будет происходить в рамках отдельного судебного разбирательства после подачи управляющим иска от имени юридического лица³. Эта идея находит прямую поддержку в практике СКЭС: «Само по себе введение процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица не означает признание обоснованными требований заявителя, при этом наличие (отсутствие) долга может

¹ В судебной практике можно встретить примеры продажи вновь обнаруженного недвижимого имущества в рамках процедуры по п. 5.2 ст. 64 ГК с последующим распределением вырученных средств среди участников юридического лица. См., например: постановление АС Западно-Сибирского округа от 31.08.2022 № Ф04-3475/2022.

² Аналогичный подход существует и в Германии, где постликвидационные процедуры не могут вводиться, если вновь обнаруженный долг является фактически безнадежным (см.: *Müller H.-F.* Op. cit. § 74. Rn. 43–44; *Servatius W.* Op. cit. § 74. Rn. 17).

³ Логичным продолжением данной идеи является то, что, как справедливо указывает СКЭС, «заинтересованным лицом» для рассматриваемых целей является *любой* кредитор юридического лица, а не только тот, чье требование уже подтверждено судебным актом. См.: Определение СКЭС ВС РФ от 04.05.2022 № 305-ЭС21-20375.

быть установлено судом при рассмотрении заявления о распределении имущества ликвидированного должника»¹.

Наконец, стоит отметить, что введение постликвидационных процедур согласно п. 5.2 ст. 64 ГК допускается только «при наличии средств, достаточных для осуществления данной процедуры». Поэтому если (а) стоимость вновь обнаруженного имущества не превышает расходы на его распределение, включая, например, на оплату арбитражного управляющего, взыскание долгов с третьих лиц и т.д., и (б) никто из заинтересованных лиц не готов финансировать постликвидационные процедуры², суд должен отказать во введении рассматриваемых процедур. Такой отказ, впрочем, едва ли может препятствовать тому, чтобы заново подать указанный иск, если источник финансирования рассматриваемой процедуры будет найден³.

Отдельный сложный вопрос — требуется ли прибегать к иницированию постликвидационной процедуры по п. 5.2 ст. 64 ГК, если третьему лицу требуется, чтобы юридическое лицо совершило некоторое сугубо юридическое действие. Иными словами, должен ли суд назначать арбитражного управляющего исключительно для совершения им такого действия от имени юридического лица или же суд может вынести преобразовательное решение, заменяющее собой волеизъявление юридического лица?

С практической точки зрения наиболее актуальный пример — это случай, когда продавец недвижимости ликвидируется до того, как произведена регистрация перехода права собственности к покупателю. Подход к разрешению этого казуса, выработанный в судебной практике, состоит в том, чтобы дать покупателю, получившему владение и исполнившему свои обязанности из договора, право обратиться в одностороннем порядке за регистрацией и в случае, если регистрирующий орган откажет в регистрации, обжаловать такой отказ в суде (абз. 2—5 п. 62 Постановления № 10/22). Суд в подобной ситуации удовлетворит

¹ См.: определения СКЭС ВС РФ от 04.05.2022 № 305-ЭС21-20375 и от 03.02.2022 № 305-ЭС21-19154.

² В пользу того, что истец может обеспечить финансирование процедуры путем внесения денежных средств на депозит суда, см.: *Лантес В.А.* Процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица: правовые аспекты // Юрист. 2020. № 12 (СПС «КонсультантПлюс»); постановление АС Московского округа от 09.03.2021 по делу № А41-107664/2019.

³ Но ср.: Юридические лица в российском гражданском праве. Т. 3: Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц / отв. ред. А.В. Габов. Глава 3 § 6 (автор — А.В. Габов) (автор считает, что последствия отсутствия средств для введения процедуры должны быть специально определены в законе).

иск, если «единственным препятствием для регистрации перехода права собственности к покупателю является отсутствие продавца». При этом пленумы высших судебных инстанций считают, что такая регистрация перехода права собственности на основании судебного решения «не является препятствием для оспаривания учредителями ликвидированного продавца или иными заинтересованными лицами права покупателя на недвижимое имущество», однако не уточняют, как именно должно происходить такое оспаривание.

Указанная судебная практика сложилась до реформы ГК 2014 г. и фактически представляла собой паллиативный способ решения конкретного казуса, при котором от юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ, требуется лишь совершить действия по регистрации перехода права собственности на недвижимость на основании договора купли-продажи, который в остальной части уже исполнен. На сегодняшний день правильность такого судебного подхода не может не вызывать вопросы, поскольку он не соответствует положениям пореформенного ГК (п. 5.2 ст. 64 ГК) и чреват нарушением прав иных кредиторов юридического лица, которые оказываются лишены возможности удовлетворить свои требования за счет недвижимого имущества юридического лица¹ и имеют лишь право оспаривать судебное решение (при том что правила такого оспаривания совершенно неясны, особенно если учесть, что формально суд рассматривает вопрос об обоснованности отказа регистратора совершить регистрационные действия). Поэтому по общему правилу следовало бы телеологически редуцировать п. 62 Постановления № 10/22 таким образом, что он подлежит применению исключительно в тех ситуациях, когда очевидным является отсутствие у юридического лица иных кредиторов, — в остальных случаях кредиторы должны пользоваться инструментарием, предусмотренным п. 5.2 ст. 64 ГК.

В иных схожих ситуациях разумно было бы применять следующий подход. Если от юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ, требуется лишь совершение некоторого юридического действия и это явно не нарушит прав третьих лиц, то истец может просить суд вынести судебное решение, минуя формальное введение постликвидационных процедур.

¹ В силу принципа внесения (ст. 8.1 ГК) именно оно является собственником недвижимого имущества. Кроме того, даже в регистрационной системе, построенной на основании принципа противопоставимости, покупатель едва ли мог бы противопоставить свое право собственности иным кредиторам при недостаточности имущества юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ.

5. Заключение

Как было продемонстрировано выше, многие российские правила, которые касаются влияния ликвидации на обязательства и которые нередко воспринимаются в качестве традиционных и очевидных, в действительности являются весьма спорными и мало соответствуют подходам, преобладающим в континентальной Европе. Это должно подталкивать к переосмыслению нашего взгляда на ликвидацию и ее эффект на обязательства. В частности, заслуживающими внимания нам представляются следующие тезисы:

1. Принятие решения о ликвидации должно ограничивать возможность юридического лица свободно участвовать в обязательственно-правовых отношениях: ликвидатор вправе вступать в новые сделки с третьими лицами, если только это соответствует целям ликвидации. Сделки, заключенные в нарушение указанного ограничения с недобросовестным контрагентом, могут быть оспорены в суде (п. 1 ст. 174 или ст. 173 ГК).

2. Правило о том, что введение ликвидации влечет автоматическое наступления срока исполнения по всем долгам юридического лица (п. 4 ст. 61 ГК), едва ли заслуживает поддержки, так как обладает крайне своеобразной сферой применения, противоречит принципу автономии воли и в реальности не защищает интересы ни кредиторов, ни должника.

3. В действительности решение о ликвидации не должно никак сказываться на том, как юридическое лицо исполняет свои обязательства перед третьими лицами. Правила о промежуточном ликвидационном балансе и очередности погашения требований перед кредиторами должны быть в максимальной степени подвергнуты телеологической редукции с тем, чтобы они применялись главным образом в сфере банкротной ликвидации.

4. Незаявление кредитором требования в ходе процедуры ликвидации не должно влечь автоматического прекращения такого требования. Более того, ликвидатор не может приступить к завершению процедуры ликвидации, не погасив (или не предоставив обеспечения) в отношении всех известных требований третьих лиц.

5. Наименее противоречивым способом примирения ст. 419 и п. 5.2 ст. 64 ГК является теория «двойного состава», в соответствии с которой ликвидация не может считаться завершенной, если на момент исключения юридического лица из ЕГРЮЛ имеются нераспределенные активы.

6. Статья 419 ГК должна подвергнуться следующей телеологической редукции: в результате исключения юридического лица из ЕГРЮЛ (а) его права требования не погашаются и (б) его обязательства как должника погашаются лишь тогда, когда отсутствуют нераспределенные активы.

7. По истечении пятилетнего срока, установленного в п. 5.2 ст. 64 ГК, *de lege lata* происходит уже прекращение всех прав и обязанностей юридического лица. Однако, как было показано выше, *de lege ferenda* от пятилетнего срока стоило бы вовсе отказаться, так как цель защиты правовой определенности может быть прекрасно достигнута за счет использования иных сроков (в первую очередь исковой давности), как это и происходило бы в отсутствие ликвидации.